

Тропинки в загадочный мир

Издательство
Казахстан

**Тропинки
в загадочный
мир**

Алма-Ата
«Казахстан»
1988

Тропинки в загадочный мир

Составитель
Э. А. Бычкова

Казахстан

1988

Рецензент —
доктор биологических наук
Исмаилов М. И.

Научные редакторы —
академик АН КазССР **Гвоздев Е.В.**;
кандидат биологических наук
Капитонов В. И.

Макет и оформление
Б. З. Лучанского

Иллюстрации
Г. В. Сердюкова

Т 24 Тропинки в загадочный мир:/Сост. Э. А. Бычкова.—
Алма-Ата: Казахстан, 1988.— 296 с.

Много еще не изученного таит в себе поведение животных.

Предлагаемый сборник научно-популярных очерков (разделы «Жизнь в сообществе» и «Живые редкости») и научно-художественных рассказов («Из блокнота натуралиста»), основанный на интересных наблюдениях казахстанских зоологов, дает читателю богатый материал о том, как ведут себя некоторые виды диких животных в «обыденной жизни», каковы их взаимоотношения и т. д. И, конечно, книга еще раз ставит вопрос об ответственности человека за сохранение всего живого на Земле.

Книга иллюстрирована многочисленными слайдами, рисунками. Она адресована разным категориям читателей. Зоологи — специалисты и любители — получат интересную научную информацию, а люди разных профессий и возрастов, склонностей и вкусов пополнят свои знания о братьях наших меньших.

84Каз7—44

Т 47010200—152 155—87
401 (05)—88

ISBN 5—615—00—180—1

© Издательство «Казахстан», 1988

Незримые нити (вместо введения)

О том, что человеческое общество может полноценно жить и развиваться только в условиях равновесия с природой, говорят и пишут давно и многие. Однако сегодня, на исходе XX столетия, проблема сохранения окружающей нас среды и всего живого на Земле остра как никогда. И это вызвано не только растущим глобальным промышленным и сельскохозяйственным загрязнением, но прежде всего еще сохраняющейся по вине империалистических кругов угрозой ядерной войны. Поэтому успешное решение всех аспектов проблемы охраны природы возможно только объединенными усилиями всего международного сообщества и лишь в условиях мира.

Советский Союз занимает здесь четкую и бескомпромиссную позицию. Она выражена в Программе партии, в установках XXVII съезда КПСС, в выступлениях руководителей партии и государства. Защита природы возведена у нас в ранг государственной политики, о чем свидетельствуют Конституция (Основной закон) СССР, фундаментальные законодательные акты.

«Социализм с его плановой организацией производства и гуманистическим мировоззрением способен внести гармонию во взаимоотношения между обществом и природой,— говорилось на XXVII съезде партии в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС.— У нас уже осуществляется система мер в этом направлении, отпускаются средства, и немалые. Имеются и практические результаты. И тем не менее в ряде регионов состояние природной среды вызывает тревогу. И правильно общественность, наши писатели ставят вопрос о бережном отношении к земле, ее недрам, озерам и рекам, растительному и животному миру... Все мы, ныне живущие, в ответе за природу перед потомками, перед историей» (Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с.50).

Действительно, разве можем мы забывать о том, что и в наш цивилизованный век продолжаем во многом зависеть от природы? Мы дышим кислородом, который вырабатывают растения, и без него не сможем существовать; пользуемся для разнообразных нужд водой, и само наше тело на 66 процентов состоит из воды. Нас окружает мир растений, большинство которых увлекает

в жизненный круговорот энергию Солнца, накапливая ее в сложных органических соединениях.

Окружает нас и мир животных, влияние которого на ход природных процессов, на жизнь человека, на его хозяйственную деятельность очень велико. Древним людям животные давали пищу, одежду, орудия труда. И в наше время многие из них не потеряли своего значения как ценные объекты промысловой и любительской охоты. Одни животные уничтожают огромное количество насекомых и грызунов — переносчиков болезней и вредителей сельскохозяйственных культур; другие являются источниками ценного лекарственного сырья или используются в селекции при выведении новых пород; массовые виды птиц и зверей, поедая плоды дикорастущих деревьев и кустарников, способствуют их распространению и т. п.

Образуются, таким образом, теснейшие взаимосвязи, звенья в единой цепи природы. И одно из этих звеньев — сам человек. Он подлинное дитя матери-природы, крепкими узами связан с ней, однако взаимоотношения человека и природы на протяжении всей истории существования *Homo sapiens* были и остаются одной из самых сложных проблем.

Человек пришел в мир природы и стал ее преобразователем, но с развитием цивилизации нарушил многие естественные экосистемы вырубкой лесов, загрязнением рек, отходами промышленных предприятий, отравлением воздуха выхлопными газами, изменением не в лучшую сторону климата. Исчезли с лица земли многие животные, или же они стали настолько редкими, что даже возникла необходимость в срочных мерах по их сохранению. Таким сигналом стали Красная книга СССР (1978, 1984), а в республике — Красная книга Казахской ССР (1978 г.); как необходимая мера был издан Закон страны «Об охране и использовании животного мира» (1980 г.). Большую просветительную работу ведут ученые, писатели, журналисты, люди самых разных профессий, любящие природу.

В пропаганду знаний о меньших наших братьях вносят заметный вклад и научные сотрудники Института зоологии Академии наук Казахской ССР. Они разрабатывают конкретные меры охраны диких животных, в частности, биологические основы ведения охотничьего хозяйства по отношению к тем или иным видам, активно участвуют в определении численности промысловых зверей, птиц, пресмыкающихся, вносят много полезных рекомендаций по разумному использованию животных ресурсов, проводят конференции, выступают в печати, по радио и телевидению.

Наряду с изучением экологии животных сотрудники Института много внимания уделяют различным вопросам их этологии (наука о поведении). Особенно привлекательна такая малоисследованная область, как «разумная» деятельность животных и связанные с нею загадки их поведения. Опыты многих отечественных и зарубежных ученых-зоопсихологов свидетельствуют о проявлении, по

крайней мере у высших позвоночных, элементов рассудочной деятельности. Но всестороннее, комплексное изучение этой загадочной сферы, по существу, только начинается.

Об интересных наблюдениях за жизнью диких животных, о результатах многолетних исследований в природе популярно и увлекательно рассказывают казахстанские ученые-зоологи в книге «Тропинки в загадочный мир». Она является творческим продолжением сборника «Живые сокровища Казахстана», изданного в 1979 г. и удостоенного диплома I степени на XVI Всесоюзном конкурсе (1980 г.) научно-популярной литературы. Такие конкурсы ежегодно проводит Правление Всесоюзного общества «Знание».

Новая коллективная книга, предлагаемая так же, как и предыдущая, массовому читателю, продолжает тему о взаимоотношениях животных, причем не только внутривидовых, но и с другими видами и, конечно же, с человеком.

Научно-популярные очерки в разделах «Жизнь в сообществе» и «Живые редкости», а также научно-художественные рассказы-заметки «Из блокнота натуралиста» показывают те тончайшие нити, которые связывают каждое живое существо с окружающей его средой.

В сообществе все тесно взаимосвязано. Зеленые растения за счет усвоения энергии солнца, воды, углекислого газа воздуха и минеральных веществ почвы создают органическое вещество и потому называются продуцентами, или, в переводе с латинского, — производителями. Животные потребляют органическое вещество растений в виде пищи и потому называются консументами, то есть потребителями. И, наконец, низшие бесхлорофильные растения (грибы, бактерии), питающиеся за счет разложения органических веществ, превращают их таким образом в минеральные и возвращают в почву. Они называются редуцентами, то есть возвратителями.

Самыми прочными связями организмов в сообществе являются пищевые, или, как часто говорят, трофические. На протяжении миллионов лет растения и животные взаимно приспосабливались друг к другу, что дало в ряде случаев поразительные результаты. О такой тесной связи птиц и хвойных древесных пород Тянь-Шаня доходчиво рассказано в очерке «Самые крепкие узы». Основные потребители еловых семян — клест и кедровка способствуют распространению ели и возобновлению еловых лесов. Эти же птицы оказывают услугу в пропитании лесным мышевидным грызунам. Ель привлекает много и других птиц: одним дает приют в ненастье, другим место для гнездования, третьим, и это главное, корм во все сезоны года в виде семян, хвои, почек. Обо всем этом, со множеством любопытнейших деталей, читатели узнают, прочтя упомянутый очерк А. Ф. Ковшара.

Одним из важнейших приспособлений животных к недостатку корма в отдельные сезоны (чаще зимой) является заготовка его впрок в период обилия. Эта деятельность часто требует от жи-

вотных немалых усилий. О них образно и живо на примере зверьков-сенокосов, или пищух, в очерке «Хозяева каменистых россыпей» повествует зоолог-энтузиаст Геннадий Орлов, безвременно погибший в снежной лавине алтайских гор.

Травоядные животные являются пищей хищников, деятельность которых также вызывает глубокий интерес и хорошо освещена на примере волков в очерке «Владыка Приаральской равнины». Но не только о них здесь идет речь. Читатели, надо полагать, много слышали о возрождении несметных табунов сайгаков. И об этих обитателях наших пустынь рассказывает В. К. Гарбузов на фоне жизни волков, сопровождающих сайгаков по их миграционным путям в просторах Казахстана. В этом очерке, так же как и в очерке «Длинноухий спринтер», написанном специалистом-териологом В. А. Фадеевым и посвященном зайцу-русаку, рассматриваются взаимоотношения травоядных животных со степными хищниками: волками, лисицами и другими.

Помимо этих крупных потребителей живности, в Казахстане немало мелких и даже мельчайших хищников. Последние представлены землеройками — потомками самых примитивных и древних млекопитающих. Об этих карликах — ненасытных пожирателях многочисленных беспозвоночных животных рассказано в очерке Б. Б. Касабекова «Зверек с хоботком».

Мыслью о взаимосвязи всего живого пронизан очерк Р. А. Кубыкина «Сорбулакские этюды». Здесь в художественной форме описываются будни работы зоолога. Каждый небольшой штрих в поведении, казалось бы, обычной и так знакомой птицы, каждое наблюдение за привыкшей к сорбулакским будням лисой заставляет читателя еще раз задуматься об окружении человека братьями нашими меньшими и их бесспорных правах на жизнь.

Все эти очерки объединены в первый раздел «Жизнь в обществе», но тема продолжается и в последующих двух разделах с той лишь разницей, что во втором она раскрывается в очерках о редких и исчезающих животных, а в третьем — в маленьких, художественно написанных различными специалистами-зоологами рассказах-наблюдениях.

Иной читатель может задать вопрос: «Почему книга рассказывает именно об этих животных?» Вопрос этот вряд ли правомерен хотя бы потому, что он универсален: задать его можно в любом случае, какие бы виды мы ни избрали. Следовательно, и ответ на него прост: все виды, о которых рассказывает книга, взяты, конечно, не без влияния знакомства того или иного автора с тем или иным животным. Каждый стремился писать о том, что он лучше знает. И, наконец, любой представитель фауны по своему интересен и значителен. Главное в том, как показан сложный мир взаимосвязей, которыми пронизана вся окружающая нас природа.

*Е. В. ГВОЗДЕВ,
академик АН Казахской ССР*

Жизнь в сообществе

←

1. Лесной пояс Заилийского Алатау. Довольно большие пространства между пятнами леса заняты зарослями высокотравья...

Пернатые обитатели горного леса:

2. Тянь-шаньский тетерев. Питаясь летом разнообразной растительной и животной пищей, зимой он довольствуется в основном еловой хвоей.

Лесной пояс, занимающий склоны гор примерно от 1300 до 2800 м над уровнем моря, представляет собой пеструю смесь из темных гив хвойного леса, осиновых перелесков, островков диких яблонь. Выше 2000 м исчезают яблоня, осина и боярышник, зато много рябины. А если еще подняться, то все чаще попадаются кусты туркестанской арчи...

В таких условиях обитает несколько десятков видов птиц. О некоторых мы и рассказываем.

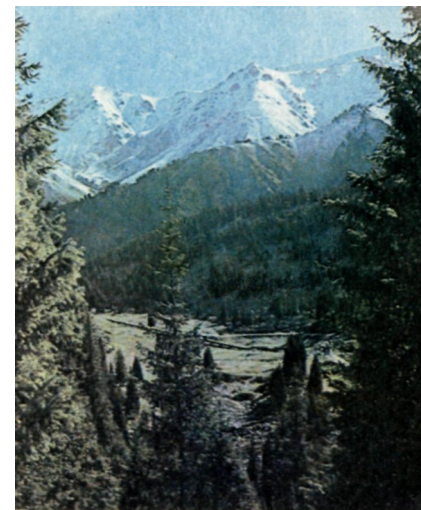
3. Большое Алматинское озеро расположено в лесном поясе, на высоте 2500 м.

4. Джунгарская гайка у гнездового дупла.

5. Самец обыкновенной чечевицы.

6. У верхней границы елового леса (Большое Алматинское ущелье).

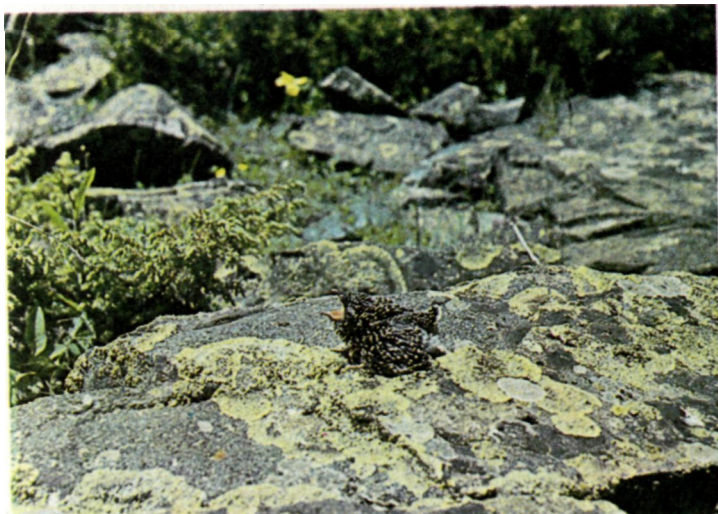

7. Расписная синичка.

8. Кукушонок просит есть.

9. Клесты на гнезде, надежно спрятанном высоко в кроне ели.

У тьянь-шаньской ели семена созревают ранней осенью, и в это же время размножаются и клесты. Когда все другие птицы уже вывели потомство и меняют старое оперение, готовясь к дальним перелетам, клесты только приступают к постройке гнезд и откладке яиц. Весь сентябрь и октябрь они заняты своими гнездовыми делами.

← 10. Птенец озерной чайки в зарослях тростника.

11. Озеро Малый Сорбулак. Ловчие сети.

12. Чайчий остров.

13. Деревенские ласточки уселись на растяжку палатки...

Пара ласточек обследовала палатку: посидели, пощебетали и улетели. Ищут подходящее место для гнезда...

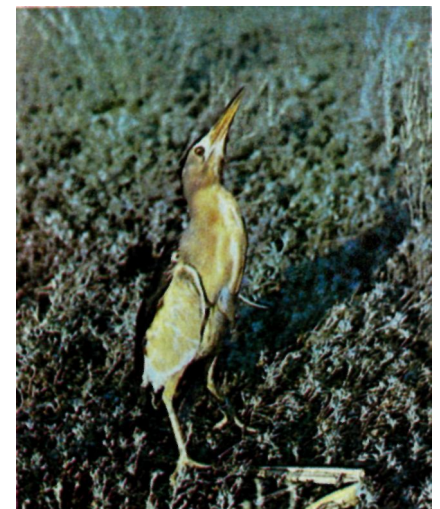
Самец желчной овсянки красив и элегантен. Он заметно выделяется среди других пернатых...

Слово «волчок» означает веретено. И действительно, эта птица напоминает веретено: может сильно вытягиваться, стоя вертикально, и острый клюв задирает вверх.

14. К «сольному концерту» готовится самец желчной овсянки.

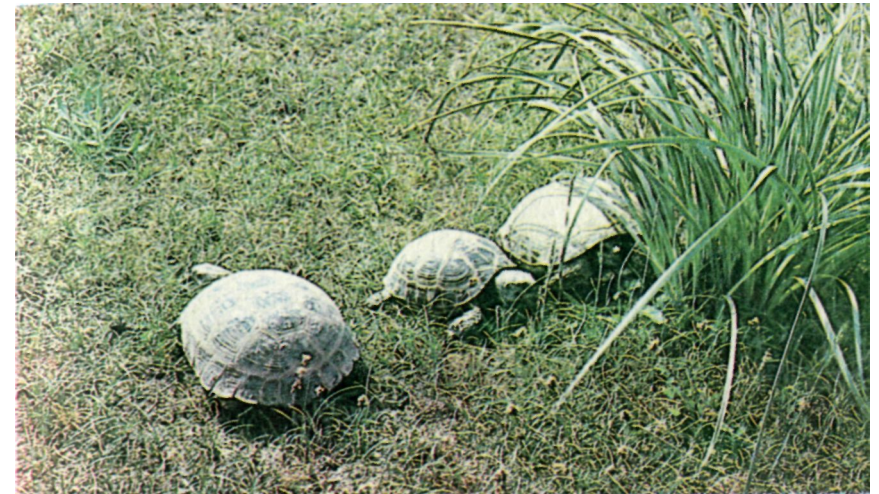
15. Забавный волчок из семейства цапель.

16. Птенцы лысухи.

18. Среднеазиатские черепахи в пору весенней активности.

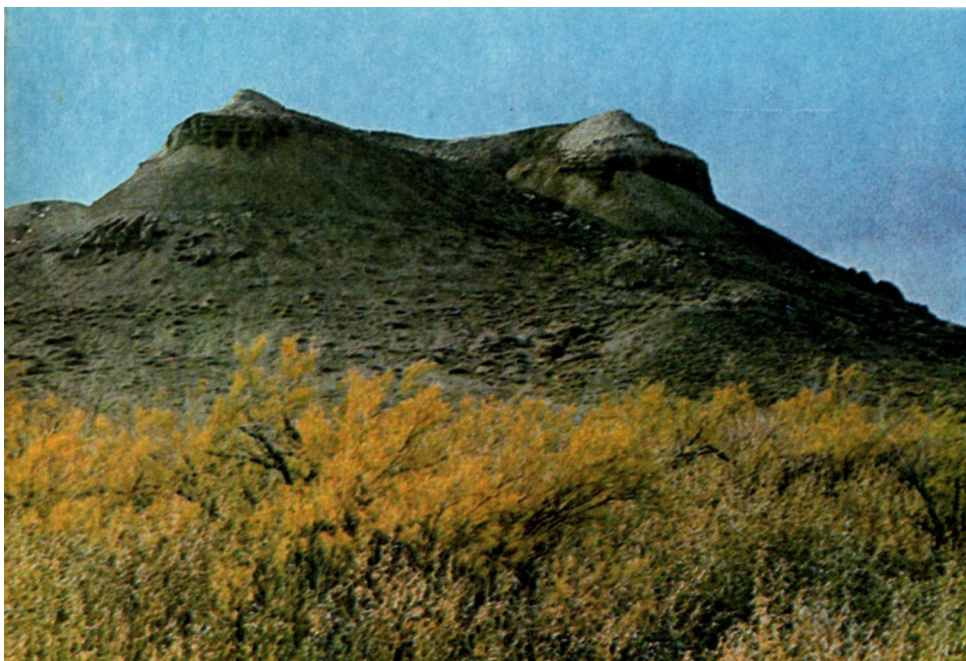
17. Зеленая жаба — одно из полезнейших наших животных.

19. Лисята-подростки у норы.

20. Вот с таких возвышенностей волки обычно обозревают окрестности.

22. Типичный пейзаж Приаральской равнины.

21. Выводок волчат.

Более четверти века наблюдая за волками, зоолог В. К. Гарбузов иногда имел с ними самые напряженные контакты: отбирал у зверей добычу, забирал из логова щенков... но ни разу не подвергался их нападению.

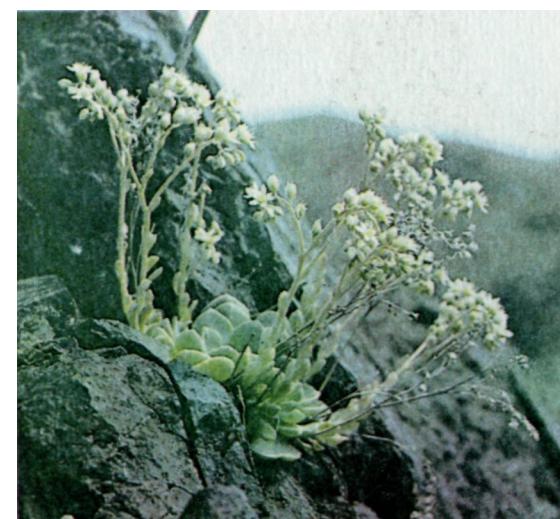
23. Неподвижно сидящую на камне пищу увидеть трудно.

24. Землеройка — маленький и юркий зверек, активный в сумерках и ночью.

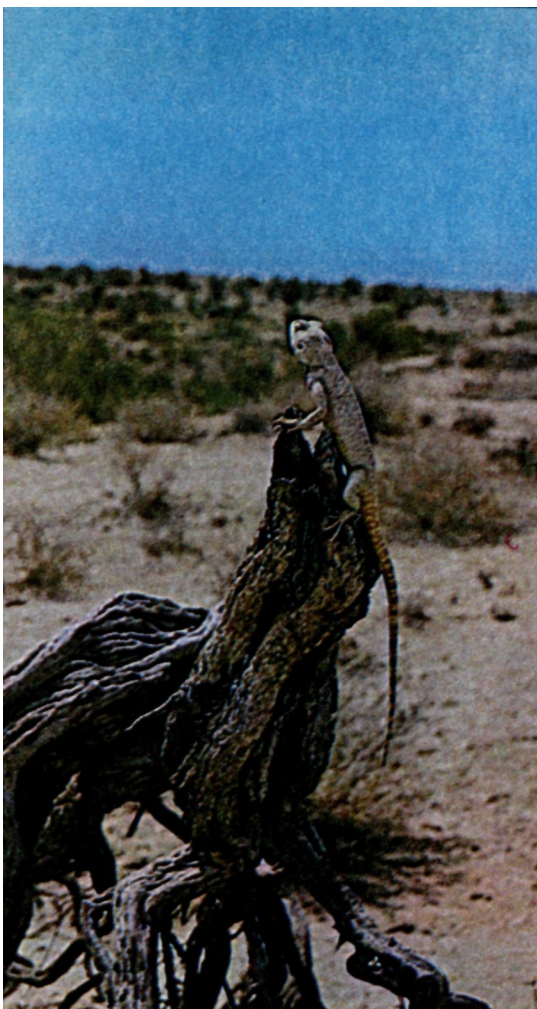

25. Заяц-русак. Уши его насторожены.

26. Розеточница плосколистная. Вот на таких каменистых склонах, в расщелинах скал она и растет.

«Один в поле не воин»,— говорит известная пословица. В переносном смысле она верна и для животных. Действительно, в сообществе себе подобных они быстрее замечают опасность, легче переносят непогоду, успешнее защищаются от хищников, меньше страдают от бескормицы, имеют и другие преимущества, которые помогают им выстоять в суровой жизненной борьбе. Естественно, жизнь в сообществе требует слаженности действий, умения распознавать намерения партнеров, избегать крупных конфликтов, подчиняться более опытному и сильному вожаку, заботиться о сочленах своей группы. Не случайно, у всех животных (по крайней мере высших) существует своеобразный «язык» звуков, мимики, запахов, выразительных поз и движений.

Кроме отношений с себе подобными существуют тесные связи с другими видами. Для одних данное существо является конкурентом (по питанию, убежищам), для других — добычей, для третьих — врагом. Так или иначе каждое животное живет под влиянием непрерывного взаимодействия с множеством других существ, которые наряду с рельефом, климатом, растительностью создают среду его обитания.

О тесных взаимосвязях в сообществе, о своеобразии поведения разных видов животных повествует вся книга и, в частности, первый ее раздел.

Самые крепкие узы

Мы часто говорим, что в природе все взаимосвязано. Но всегда ли ясно представляем себе масштабы, прочность и сложность этих незримых нитей? Живущий под крышей дома воробей связан и с обитающим рядом воробьем-соседом, и с хозяином дома — человеком, и с разгуливающим по крыше котом, и с растущим у дома подсолнухом, но сколь различны эти связи и как неодинаково значение каждой из них для воробья!

Важнейшее свойство всего живого на Земле — постоянный обмен веществ с окружающей средой. Камень может веками лежать относительно неизменным, ему не надо притока веществ извне. Иное дело — живой организм. Даже самые выносливые и неприхотливые лишайники должны периодически получать влагу и питательные вещества и что-то выделять в окружающее пространство; то же самое свойственно всем другим растениям и животным: без притока питательных веществ они погибают. Вот почему питание, после дыхания и утоления жажды, — самый необходимый процесс жизни. Не зря пищевые связи часто называют цепями питания. Выяснение их требует длительных, нередко многолетних научных поисков. Давайте попробуем хотя бы чуть-чуть заглянуть в сложный мир этих связей на примере птиц, населяющих горные леса Заилийского Алатау близ Алма-Аты.

Темные манящие пятна лесов хорошо видны на крутом склоне хребта, как бы нависающем над городом. Однако, чтобы добраться до них, понадобится не менее получаса автомобильной езды в пределах бывшего пояса кустарниково-разнотравной степи, ныне почти полностью освоенной человеком: сады, плантации и поля окружают дорогу, ведущую к любому из близлежащих к городу ущелий. И только в сильно пересеченной местности, где земледелие невозможно, сохранились еще остатки прежней дикой растительности: кусты шиповника, барбариса, облепихи, островки дикой яблони и абрикоса; весной склоны «прилавков» расцвечены белыми цветами крокусов, ирисами и тюльпанами.

Лесной пояс, занимающий склоны гор примерно от 1300 и до 2800 метров над уровнем моря, представляет собой не сплошной массив, а пеструю смесь из темных грив хвойного леса, светло-зе-

ленных осинового перелеска, ярко-зеленых островков диких яблонь, расположенных в основном в нижней части пояса. Довольно большие пространства между пятнами леса заняты зарослями высокотравья, густых кустарников, а также выходами скал и каменистыми осыпями. Выше 2000 метров исчезают яблоня, осина и боярышник, зато много рябины, а если еще подняться примерно на 200 метров, то все чаще начинают попадаться кусты туркестанской арчи. На высоте же более 2800 метров она становится единственной хвойной породой, властительницей следующего за лесным субальпийского пояса.

Флора северных склонов Заилийского Алатау очень разнообразна. По исследованиям академика АН КазССР Н. В. Павлова, здесь растет около 1200 видов высших растений.

В таких условиях обитает несколько десятков видов птиц. Из них более сорока видов устраивают гнезда и выводят птенцов именно в лесном поясе. Среди них есть питающиеся в основном растительным кормом — например, тетерев, вяхирь, большая горлица, арчовый дубонос, седоголовый щегол, красношапочный выюрок, клест-еловик, обыкновенная и арчовая чечевицы.

Многие лесные птицы поедают только насекомых и других мелких беспозвоночных животных. Это — лесной кулик вальдшнеп, совсем недавно обнаруженный на гнездовье в Большом Алматинском ущелье; обыкновенная кукушка, разные виды ласточек; трясогузки — горная и маскированная; крапивник, три вида пеночек; желтоголовый королек, обыкновенная пищуха.

Еще больше среди лесных птиц таких, которые в одно время года отдают предпочтение растительным кормам, в другое — животным. Это дрозды — деряба и черный, синяя птица, разные виды горихвосток, синиц, завирушек, черная ворона, сорока, кедровка и другие.

Всех этих птиц поедают в свою очередь пернатые хищники. В горном лесу живут три вида мелких соколов — чеглок, дербник, обыкновенная пустельга; ястреб-перепелятник (а в последние годы стал гнездиться и тетеревятник!), орел-беркут и совы: ястребиная, ушастая, мохноногий сыч, сплюшка и филин.

С какими же растениями и животными связаны питанием птицы горных лесов? По важности на первом месте стоит тьянь-шаньская ель — вечнозеленое хвойное дерево высотой до пятидесяти метров, с узкой конической, колонновидной или пирамидальной кроной и горизонтальными ветвями, которые в благоприятные годы украшены темно-фиолетовыми или зеленоватыми шишками. Хвоя этой ели мягче, чем у других, и служит зимним кормом тьянь-шаньского тетерева. Питаясь летом разнообразной растительной и животной пищей, в холодное время года он довольствуется в основном еловой хвоей.

Гораздо больше потребителей семян тьянь-шаньской ели. Это замечательное дерево начинает цвести и плодоносить в редколесьях с сорока пяти лет, а в густом лесу — только с шестиде-

сяти. В конце мая и первой половине июня маленькие мужские шишечки, каждая всего в сантиметр длиной, начинают выделять огромное количество желтой пыльцы. Ее настолько много, что вода в горных озерах желтеет, а по берегам их образуются целые валы из желтой пены. Около десяти дней длится буйное пыление, но только через три месяца, где-то к сентябрю, созревают семена, которые сохраняются на дереве тоже не более трех месяцев. К середине зимы шишки уже практически пусты, и только в самые урожайные годы они частично сохраняют семена до конца зимы.

На одной ели средних размеров бывает до четырехсот шишек, в каждой из которых в среднем около сотни семян. Общий урожай может составлять до шестидесяти тысяч шишек или шести миллионов семян на гектар! Если к этому добавить высокую питательность (примерно 30 процентов жира) и не менее высокие вкусовые качества еловых семян (их охотно поедают даже животные, никогда раньше их не видевшие, — например, обитатель песчаных пустынь трехпалый карликовый тушканчик), то станет ясно, как велико их значение для огромного количества самых разных животных — от насекомых-семяеда до многих зверей и птиц.

Среди пернатых главные потребители семян еловой шишки — клест-еловик и кедровка.

Станным кажется на первый взгляд клюв клеста: концы загнуты да еще и перекрещены. Однако эта форма очень удобна: работая челюстями, словно жуя, птица легко раскрывает плотно сомкнутые чешуйки шишки, расковыривает даже незрелые. Отодвинув чешуйку, клест дотрагивается до лежащего под ней крылатого семечка своим липким от густой слюны языком и отправляет его в рот.

Тьянь-шаньские клесты обычно не срывают шишку, а кормятся на ней, повисая часто вниз головой или спиной. Иногда для удобства берут ее клювом за свободный конец, не отрывая, кладут на ветку, с которой она свисала, наступив лапой, начинают обрабатывать. При последующем вращении шишки вокруг оси стебелек, на котором она висела, рвется, и шишка падает, но не пустая: в ней почти всегда остается какое-то количество семян, иногда значительное. Тем самым клесты доставляют корм мышевидным грызунам и другим животным, которые не могут залезть на дерево. В то же время птицы способствуют и консервации семян на какой-то срок, так как попавшая на влажную землю шишка не размывает свои чешуйки, сохраняя несъеденные семена.

А сколько их съедают клесты? Много. Специалисты подсчитали, что одна птица может за минуту обработать две шишки и извлечь из них двадцать — сорок семян. Среднесуточная норма взрослого клеста-еловика — 2100 семян, общим весом около шести граммов. За Двадцать два дня пребывания в гнезде (до поднятия на крыло) птенцы одного выводка съедают около девяноста тысяч семян ели, что

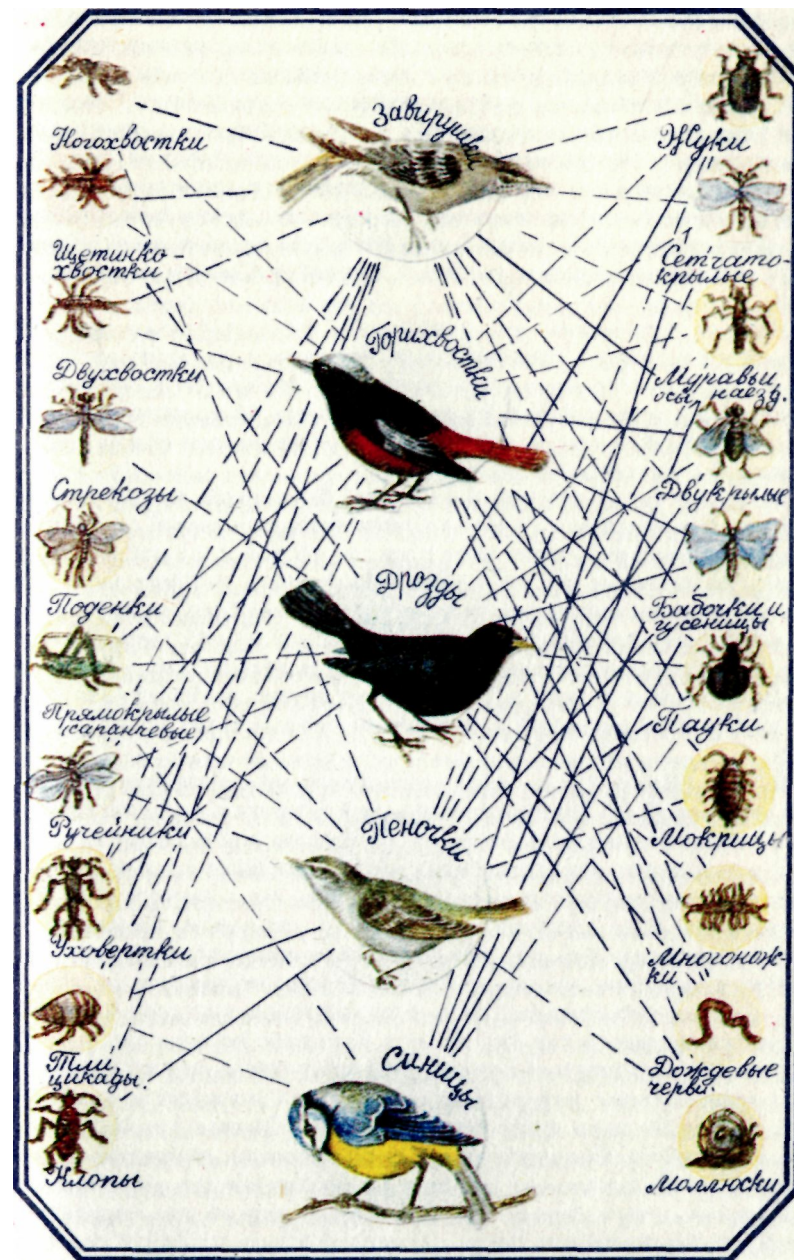
примерно равно урожаю двух еловых деревьев среднего возраста! Как видим, масштабы потребления внушительны. Однако не спешите зачислять клестов в разряд вредителей — ведь определенная часть семян из оброненных ими шишек прорастает, и этого бывает достаточно для возобновления елового леса.

Клест — хороший пример птицы с узкой пищевой специализацией. Питаясь почти исключительно растительной пищей (животные корма встречаются в его меню только в виде примеси), он наиболее приспособлен к добыванию еловых семян и может обходиться только ими. Таких животных, привязанных к одному виду пищи, принято называть стенофагами в отличие от эврифагов, поедающих широкий набор кормов. Узкая специализация хороша при достаточно высоком урожае кормового растения, а при полном неурожае, что у ели бывает раз в пять-семь лет, клесты вынуждены массами улетать в поисках новых районов кормежки. Такие налеты сибирских клестов известны в различных районах Европы, удаленных нередко на тысячи километров от исконных мест обитания этих птиц.

Однако благодаря разнообразию климатических и иных природных условий, в горах Тянь-Шаня практически не бывает полного неурожая еловых семян на всей территории. Если в одних ущельях семян нет, а в других мало, то на соседнем хребте ели-исполины могут буквально ломиться от полновесных шишек. Поэтому перемещения тянь-шаньских клестов чаще всего невелики и не выходят за пределы хребта или во всяком случае — за пределы гор Средней Азии. Хорошим примером может служить 1971 год, когда в Талгарском ущелье Заилийского Алатау урожая еловых семян почти не было и клесты не встречались, а в Большом Алма-Атинском ущелье, всего в тридцати-сорока километрах к западу, урожай оказался очень высоким, и клесты там были многочисленны.

От семян ели зависят не только сезонное распределение клестов, но и сроки их гнездования. Эти птицы гнездятся так, чтобы время появления птенцов приходилось на период наибольшей обеспеченности кормом, то есть на разгар плодоношения ели. Поэтому в равнинных европейских и сибирских лесах, где семена обыкновенной ели созревают зимой, а к весне уже осыпаются, клесты гнездятся преимущественно в зимние месяцы, нередко в самые лютые морозы. У тянь-шаньской же ели семена созревают ранней осенью, и в это же время размножаются и тянь-шаньские клесты. В конце июля, а в иные годы только в начале августа, когда все другие птицы уже вывели потомство и меняют старое оперение, готовясь к дальним перелетам или к трудной зимовке на родине, клесты только приступают к постройке гнезд и откладке яиц. Весь сентябрь и октябрь они заняты своими гнездовыми делами, и в холодные октябрьские дни еловый лес наполнен криками молодых клестов, обучающихся искусству обработки шишек. Изредка выдаются годы, когда при обильном плодоношении семена в шишках сохраняются всю зиму. Тогда отдельные пары рискуют выводить птенцов по второму разу — в декабре и даже январе.

Пищевые связи некоторых насекомоядных птиц

в еловых лесах Заилийского Алатау

Ну а чем питаются эти птенцы весной и летом, когда нет еловых семян? Этот вопрос еще почти не изучен, но известно, что им приходится поедать почки и семена различных древесных пород, тлей из галлов на тополях и т. д. В самый канун гнездования, когда семена ели еще не созрели, клесты кормятся, срывая пленки на концах почек молодых побегов и выискивая что-то между хвоинок.

А как обстоит дело с другим семяедом — кедровкой? Эта крупная птица из семейства вороновых — ближайшая родственница сороки и галки — не является таким строгим стенофагом, как клест. Более того, летом она почти всеядна, питаясь в основном насекомыми и другими беспозвоночными, не упустит случая поймать мышшь или мелкую птицу. Но уже с конца лета, всю осень и зиму кормится почти одними семенами хвойных пород: в Сибири — сибирского кедра.

Ученые установили, что одна особь, питаясь только орешками, съедает их в сутки в среднем сорок граммов, а за осень около двух с половиной килограммов, но собирает за этот период она не менее шестидесяти килограммов, из которых почти 95 процентов запасает впрок. Простой расчет показывает, что этого запаса одной кедровке хватило бы на четыре года!

Зачем же такой огромный избыток? Во-первых, по наблюдениям орнитологов, кедровки не только сами питаются зимой своими запасами, но и выкармливают ими птенцов весной следующего года — вплоть до подъема их на крыло. Во-вторых, значительную часть этих запасов растаскивают за зиму различные грызуны. В-третьих, и это очень существенно, часть запасов весной прорастает. Таким образом, кедровка не расхищает семенной материал, как может показаться на первый взгляд, а, пряча его от других расхищателей, разносит на большой площади и тем самым способствует возобновлению кедра.

В Тянь-Шане обитает свой подвид кедровки, которую так и зовут тянь-шаньской. В Заилийском Алатау и других северных хребтах Тянь-Шаня основным кормом ей служат весной и летом вредители леса: жуки-усачи и долгоносики, различные виды клопов, реже она поедает кузнечиков, муравьев, моллюсков. Но с августа и до весны следующего года кедровка питается в основном семенами ели, которые запасает так же, как сибирская кедровка орешки.

Примечательно, что до августа кедровки незаметны (особенно в мае — июне, когда они почти не встречаются), и вдруг с начала осени они появляются как бы сразу в большом количестве: отовсюду слышны их характерные крики «ррра-ррра-ррра», видны и сами птицы, перелетающие над ущельями с еловой шишкой в клюве. Это кедровка несет свою добычу к «столовой». Срывая шишку с дерева, птица каким-то образом проверяет ее качество: замечено, что примерно каждую пятую она бросает на землю тут же. «Столовой» же для кедровки служит пенъ или поваленное дерево, где она, закрепив шишку в какую-нибудь щель, расклеивает ее, выбирая все полноценные семена.

После плотного утреннего завтрака кедровка начинает делать запасы, пряча шишки в укромных местах. Мнения специалистов о роли этой деятельности птицы для тянь-шаньских ельников различны. Одни считают, что спрятанные семена впоследствии дают всходы и, следовательно, кедровку с полным правом можно назвать возобновителем леса. Другие, наблюдавшие, как птица прячет шишки в толстый слой мха, считают, что ненайденные ею впоследствии семена пропадают без пользы для леса, так как сгнивают от избытка влаги. Последнее не всегда верно, так как кедровка прячет шишки не только в мох, но и в разрыхленную почву, где нет избыточного увлажнения. Кроме того, как выяснилось, она прячет не только целые шишки, но и кучки семян-летучек, закапывая их везде, где можно разрыхлить почву и прикрыть ею свой запас. И несомненно, многими всходами, появившимися за пределами леса, ель обязана именно деятельности кедровки.

Мы уже говорили, что не только клестов и кедровок привлекают еловые семена. Ими лакомятся многие пернатые, и зерноядные, и питающиеся насекомыми. Так, трехпалый дятел, характерный только для еловых лесов и своего рода их санитар, осенью и зимой кормится в основном семенами ели, раздалбливая шишки в своеобразных «кузницах». Переключаются на семена и оба вида синиц — московка и джунгарская гаичка, которые тоже распространены только в еловых лесах и живут в них круглый год. Лишь в годы неурожая их можно встретить зимой в несвойственных им местах — в предгорьях и даже в городских насаждениях Алма-Аты.

И многие другие птицы, хотя и не обнаруживают столь тесной связи с елью, тем не менее охотно поедают ее семена. Среди них седоголовый щегол с его узкоконическим, острым на конце клювом (некоторые ученые предполагают, что такая форма клюва выработалась у этой птицы именно вследствие регулярного питания семенами ели), и собрат щегла красношапочный, или как его еще зовут, королевский выюрок; и обладатели мощных конических клювов — арчовая чечевица и арчовый дубонос, и другие.

Интересную картину довелось нам наблюдать в Заилийском Алатау как-то в апреле, когда появились первые проталины в разреженных ельниках у верхней границы леса. Почти на каждой такой проталине кормились различные выюрки и среди них арчовые дубоносы и арчовые чечевицы. Птицы были настолько заняты поисками пищи, что подпускали человека ближе, чем обычно. Присмотревшись, мы увидели, что они ворошат какие-то длинные валики, состоящие из шелухи желтоватого цвета. Это были летучки еловых семян, некогда заполнявшие подснежные ходы грызунов, а теперь вытягившие из-под снега. Почти все они были пусты, лишь изредка попадались и целые семена. Их-то и искали птицы. Таким образом, эстафета, начатая в конце прошлого лета клестами и кедровками и подхваченная затем грызунами, заканчивалась ранней весной усилиями многих выюрковых птиц. Как будто незримой нитью связала ель этих столь непохожих между собой обитателей леса.

Еловые семена привлекают не только лесных жителей. Гималайские выюрки, населяющие каменистые участки субальпийского луга, в урожайные годы осенью и зимой огромными стаями прилетают к верхней границе елового леса и буквально облепливают плодоносящие деревья. Так же поступают и спускающиеся с субальпийского и альпийского поясов бледные завирушки, и прилетающие на зиму зяблики, юрки, чижи, чечетки и другие. Все они зимой широко кочуют по ельнику, собираясь в местах, где семян еще много. Интересно, что у всех птиц, даже самых флегматичных, в процессе питания еловыми семенами резко повышается двигательная активность; движения становятся порывистыми, как бы вороватыми. Выхватив семечко из шишки, птичка — будь то синица, завирушка или выюрок — стремительно слетает с дерева на землю, там, в укромном месте, торопливо поедает его и спешит за следующим. Птиц при этом с трудом узнаешь — столь необычно их поведение. В отличие от этих одиночных пернатых чижи и чечетки кормятся на елях стаями и ведут себя, как клесты, то есть подолгу остаются на дереве, поедая семена — здесь же, на самой шишке, на которой закрепляются в самых различных позах.

Нам приходилось видеть, как охотно поедали лакомый корм даже серые вороны-одиночки, прилетавшие из города в ельники у Большого Алматинского озера. Ясным морозным январским днем, уже ближе к закату, они деловито расхаживали под кронами отдельных елок и склевывали с наста опавшие летучки семян. Такой способ «приобщения» к ели доступен всем зимующим у нас вороновым — черной вороне, грачу, галке, клушице и альпийской галке.

Пожалуй, не меньшую роль в питании пернатых играют плоды другой хвойной породы, распространенной в Тянь-Шане гораздо шире, чем ель. Это арча, или можжевельник нескольких видов, из которых наиболее широко встречается туркестанская арча. В Северном Тянь-Шане она растет в виде кустов или даже стланика, хотя южнее бывает древовидной. Мы уже говорили, что арча — высокогорное растение. Выше границы леса (2700—2800 метров) она образует местами сплошные заросли и вместе с лугами составляет основной ландшафт субальпийского пояса. Плоды арчи, называемые шишкоягодами, — небольшие, округлые, созревают два года. Их сочная смолистая мякоть содержит много сахара и вполне съедобна.

Очень тесно с арчой связан арчовый дубонос — крупная птица из семейства выюрковых. На ней, как правило, строит он гнезда, ярко-коричневыми полосками ее луба выстилает лоток, шишкоягодами выкармливает птенцов и кормится сам круглый год. Только в конце лета, в период линьки, дубонос разнообразит свою диету ягодами рябины, которую в это время едят многие линяющие птицы.

Арчовый дубонос — единственная птица, поедающая семена, то есть ядрышки арчи, и выбрасывающая вкусную мякоть — ту самую, которой питаются прочие. Ядрышки она добывает, раздавливая косточку мощным толстым клювом. Вот как описывает кормежку арчового дубоноса видный орнитолог нашей страны Л. М. Шуль-

пин: «... клюв раскрывает нешироко, благодаря острым концам он захватывает ягоду сбоку; вонзает клюв в ее мякоть и острым краем челюстей, помогая своеобразным, напоминающим ложечку, языком, быстро очищает косточку от мякоти и кожуры, которые падают на землю. Бока подклювья утолщены, в основании вздуты; утолщение, величиной почти с горошину, сверху плоское, покрыто параллельными мелкими рубчиками, как насечкой. На надклювье им соответствует особо утолщенная стенка. В результате получается нечто вроде плоскогубцев, на которые ложкообразной поверхностью языка подается косточка и силой очень крупных челюстных мускулов раздавливается, несмотря на ее твердость. Об удобстве и силе этого приспособления говорит то, что человеческими зубами эта косточка не раскусывается и при этом скользит на зубах».

Все остальные птицы поедают шишкоягоды арчи целиком, но переваривается у них только сахаристая их мякоть, а твердые косточки выходят неповрежденными и несколько не теряют своей жизнеспособности. При экспериментальной проверке они дают всходы даже раньше, чем контрольные семена, не прошедшие через пищеварительный тракт птиц. По-видимому, кислоты, содержащиеся в желудочном соке, хорошо очищают косточку от смолистых веществ, препятствующих доступу влаги к зародышу, что и ускоряет его развитие. Кроме того, попадая на почву вместе с птичьим пометом, семена сразу же получают и какую-то дозу высококачественного удобрения.

Осенью и зимой в Западном Тянь-Шане, где мы проводили наблюдения в 1959—1966 годах, семенами арчи питаются многие млекопитающие — от мелких мышевидных грызунов до бурого медведя, а также птицы, среди которых наиболее многочисленны альпийские галки и четыре вида дроздов — деряба, рябинник, чернозобый и черный. Масштабы их деятельности по разносу семян очень велики, так как эти птицы кормятся шишкоягодами почти полгода — с сентября по март.

Как-то в середине января в каньоне реки Аксу в Таласском Ала-тау мы наблюдали за ежедневными кормовыми вылетами альпийских галок из скал альпийского пояса в предгорья. Каждое утро, около десяти часов, огромная стая этих птиц, не менее тысячи особей, медленно двигалась по направлению к низовьям. Время от времени часть их присаживались на какое-нибудь из растущих по склонам каньона деревьев арчи, и тогда остальные образовывали некоторое подобие воронки, пикируя вслед за своими соседками. Подвергнувшись такому «нападению» дерево становилось буквально черным от облепивших его птиц. Обобрав шишкоягоды, стая поднималась и продолжала движение, пока не выбирала следующее подходящее дерево.

Возвращались галки в верховья примерно в шестнадцать часов. Летели они уже сравнительно небольшими стаями, по пятьдесят-сто особей, вдоль скалистого борта каньона, обращенного к югу, то есть там, где были хорошо выражены восходящие потоки нагретого

воздуха. Около каждого поворота каньона птицы кругами набирали высоту, а затем без единого взмаха крыла планировали до следующего скалистого выступа. За час проследовало не менее десяти таких стай. В пищеводе и желудке добытой галки мы обнаружили остатки сорока трех шишкоягод. Можно предположить, что пролетевшая в верховьях тысяча птиц несла с собой одновременно сорок три тысячи шишкоягод арчи! Если учесть протяженность их маршрута, равную почти тридцати километрам, и его регулярность (мы наблюдали эти полеты ежедневно, а Л. М. Шульпин в этом же месте видел их за 30 лет до нас!), то можно представить себе ту колоссальную роль, которую играют в расселении арчи эти птицы. В скалы, расположенные выше верхней границы сплошных арчовников, семена попадают исключительно благодаря альпийским галкам.

«Сеятелями» арчи являются и дрозды, особенно деряба. Чтобы установить количество поедаемых этими птицами шишкоягод, мы еще в 1965 году провели простой эксперимент. Трех деряб, выращенных из птенцов, поместили в просторные клетки и зимой кормили шишкоягодами полушаровидной арчи. Каждое утро закладывали в кормушки по сто шишкоягод, а затем в течение дня наблюдали за их поеданием и скоростью их переваривания. В полдень добавляли еще по сто шишкоягод, а на следующее утро, перед дачей корма, тщательно убрали накопившийся помет. Обнаруженные в нем семена впоследствии высаживались для проверки на всхожесть.

Так нам удалось установить, что один дрозд-деряба за зимние сутки даже в условиях неволи при ограниченных тратах энергии съедает от семидесяти до ста шестидесяти ягод арчи, которые перевариваются в его желудке за двадцать-двадцать пять минут. Простые расчеты показывают, что за полгода — с сентября по март, он способен съесть тринадцать-девятнадцать тысяч шишкоягод и распространить тридцать-сорок тысяч семян. Даже если прорастет одно из ста семечек, то и тогда получится триста-четыре-ста всходов. И это результат деятельности всего одной птицы! Выясненные нами сроки переваривания семян могут указывать и на возможные расстояния, на которые дерябы разносят семена: за двадцать пять минут дрозд в состоянии пролететь двадцать-тридцать километров. На такое расстояние по прямой дерябы, конечно, не перемещаются, но ежедневные суточные миграции на пятьдесят километров они совершают, спускаясь по утрам почти до подножий гор, а на ночь забираясь нередко выше границы леса.

Сам процесс распространения семян растений при помощи животных — явление широко распространенное, получившее научное название «зоохория», в отличие от «анемохории», то есть разноса семян ветром. К каждому из этих способов распространения имеются особые приспособления: если маленькое легкое семечко одуванчика имеет миниатюрный парашют, при помощи которого путешествует на десятки и сотни метров, то плодик репейника снаб-

жен надежными зацепками для удержания в шерсти животного (или на одежде человека). А семена всех ягодных пород деревьев и кустарников попадают в пищеварительный тракт животных, проходя предпосевную стратификацию — химико-температурную обработку.

В ельниках Тянь-Шаня это в первую очередь рябина, смородина, несколько видов жимолостей, шиповников, барбарис, крушина, кизильник и другие. У многих из них ягоды начинают созревать во второй половине лета — как раз к началу линьки у большинства мелких лесных птиц. Что это — совпадение? Вряд ли. Скорее всего еще один пример приспособления в жизни птиц. Ведь процесс линьки требует усиленного витаминного питания. Каждый, кто пробовал держать у себя дома ярких птиц, например, красного самца чечевицы, знает, что после линьки в клетке он надевает тусклый наряд: вместо красного — желтый. Но если в это время ему регулярно давать ягоды жимолости, то начинает расти такое же красное перо, как и то, что выпало.

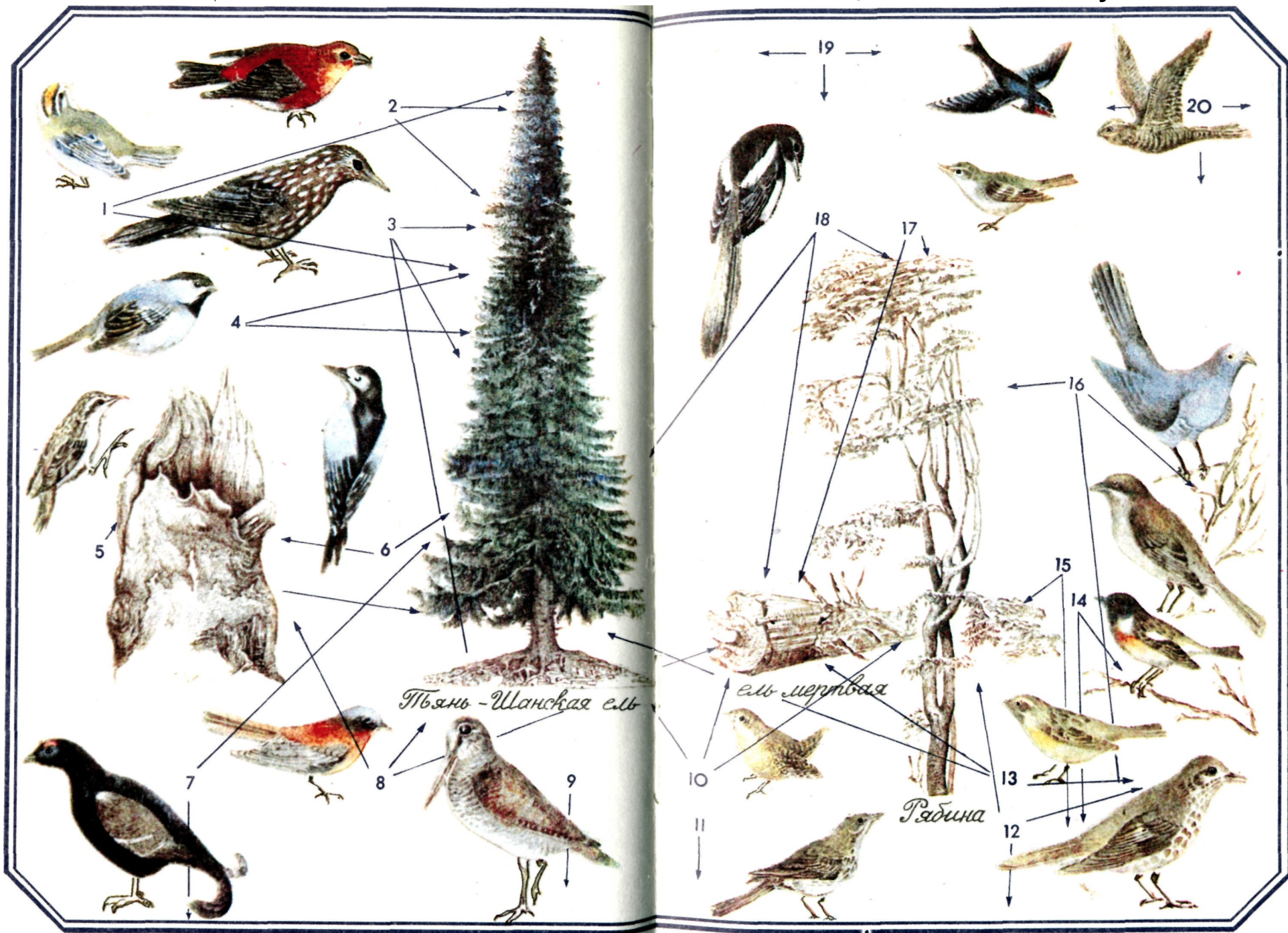
Вот почему начинающие линять певчие птицы с жадностью набрасываются на ягоды. Это делают даже те птицы, которые первую половину лета питались исключительно насекомыми. Во второй половине июля и в августе на одном и том же обильно плодоносящем кусте жимолости где-нибудь на лесной поляне можно встретить и дрозда-дерябу, и чечевицу — арчовую и обыкновенную, и горихвосток — обыкновенную, седоголовую и красноспинную.

Как правило, рано поспевающие ягоды жимолости птицы объедают уже к концу августа, после чего настает очередь рябины и облепихи. Позже всех держатся барбарис и шиповник, ягоды которых сохраняются еще значительную часть зимы. А когда заканчиваются и они, птицам приходится довольно туго. Как-то в середине февраля, в год неурожая арчовых шишкоягод, на лесных полянах близ Большого Алматинского озера мы видели, как арчовые дубоносы обледали старый помет дроздов-деряб, выбирая из него целые семена шиповника (ягод на кустах уже не было.)

Таковы лишь некоторые взаимосвязи лесных птиц с древесно-кустарниковыми породами. С обширным миром трав пищевые связи во много крат разнообразнее, и нужны еще годы упорных исследований этих незримых, но прочных уз, связывающих животных и растительный мир. Сегодня же мы только начинаем приоткрывать завесу этих сложных взаимоотношений и узнаем лишь первые интересные примеры. Вот некоторые из них.

Самым популярным кормом для многих наших вьюрковых птиц в конце весны и начале лета является одуванчик. Уже в середине мая желтые цветы его сменяются пушистыми белыми головками, содержащими сотни плодиков с парашютами. И с этого времени на посевших от одуванчика лесных полянах собирается своеобразная компания родственников — вьюрковых птиц, живущих обычно в разных условиях и далеко не всегда по соседству. Здесь и седо-

1. КОРОЛЕК
2. КЛЕСТ-ЕЛОВИК
3. КЕДРОВКА

4. ДЖУНГАРСКАЯ ГАЙКА
5. ПИЩУХА
6. ТРЕУГОЛЬНЫЙ ДЯТЕЛ

7. ТЕТЕРЕВ
8. ГОРИХВОСТКА
9. ВАЛЬДШНЕП

10. КРАПИВНИК
11. ЛЕСНОЙ КОНЕК
12. ДРОЗД ДЕРЕВЯ

13. ЧЕРНОГОРЛАЯ ЗАВИРУШКА
14. ЧЕРНОГОЛОВЫЙ ЧЕКАН
15. ЖУЛАН

16. КУКУШКА
17. ПЕНОЧКА
18. СОРОКА

19. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛАСТОЧКА
20. КОЗОДОЙ

головые щеглы, и красношапочные вьюрки, арчовые и обыкновенные чечевицы, и арчовые дубоносы, и гималайские вьюрки. Собираются они стаями, так что нередко заполняют всю поляну.

Такая массовая кормежка напоминает грабеж: каждая птица, найдя полузакрытую головку одуванчика, «распечатывает» ее, отдирая плотную зеленую обертку, и начинает быстро набивать рот тоненькими продолговатыми семенами, откусывая у каждого пушинки-парашютики. Все торопятся захватить незрелые головки, потому что полностью раскрытые облетают от малейшего дуновения ветерка или прикосновения птицы. Спешка объясняется еще и тем, что многие птицы не столько кормятся сами, сколько набирают корм для птенцов.

В июне и июле в горах созревают козлобородник и козелец, пушистые головки которых напоминают гигантские одуванчики. Ими тоже кормятся и выкармливают птенцов многие вьюрковые птицы. И здесь сроки размножения птиц связаны со временем созревания массового корма.

Еще сложнее и многообразнее не прямые, а косвенные связи птиц с лесом — через насекомых и других беспозвоночных животных, которые живут за счет продуцируемой деревьями и кустарниками зеленой массы, а сами, в свою очередь, служат пищей для птиц. Разнообразие и численность лесных беспозвоночных колоссальны. Можно сослаться на хрестоматийный пример, который приводится в большинстве пособий по птицам: «На отдельно стоящей березе с 20 000 листьев обитает 680 тысяч животных. Под корой сосны на одном квадратном метре поверхности дерева насчитывали до 4 тысяч жуков и их личинок. На одном гектаре травяно-мохового покрова под Ленинградом живет 125 миллионов особей насекомых и паукообразных» (К. Н. Благосклонов. Охрана и привлечение полезных птиц, М., 1957).

Еловые леса Тянь-Шаня не являются исключением, в них тоже обитает огромное количество беспозвоночных животных — как в древесине и кроне самих елок, так и в подлеске, кустарнике, на траве и в почве. Есть и специфические насекомые, которые живут только на тянь-шаньской ели. Так, большая еловая тля, поселяясь на вершинах особенно молодых елочек и питаясь соками побегов, нередко образует обширные колонии и может вызывать даже гибель деревьев.

Под корой ели развиваются личинки жуков-усачей, короедов и тянь-шаньского рогохвоста из перепончатокрылых: все они питаются древесиной ели, уничтожая тем самым ее живые ткани. Эти насекомые относятся к фитофагам, то есть растительноядным, и являются по сути вредителями леса. Но есть еще и насекомые-зоофаги: они существуют за счет вредоносных фитофагов. Так, муравьи, особенно черный, кампонотус-геркулес, и обычный рыжий лесной, питаются сладкими выделениями тлей, поэтому охраняют их колонии и даже расселяют на соседние деревья. Очень интенсивно уничтожают тлей божьи коровки, а также златогазка из отряда

сетчатокрылых. Как видно, даже среди самих насекомых, живущих на ели, существуют сложные взаимоотношения.

Пернатые поедают самых различных насекомых, причем разные виды птиц, имея свою специфику добывания корма, работают, как принято говорить, на разных этажах леса, в разных экологических нишах: от верхушек деревьев до толщи лесной подстилки (см. схему на стр. 40—41).

Стволы деревьев обшаривают трехпалый и большой пестрый дятлы, которые продавливают кору и древесину в местах расположения ходов короедов и ловят вредителей в их же убежищах. Обыкновенная пищуха долбит не может, зато тщательно обследует все щели и выемки коры, доставая насекомых своим тонким изогнутым клювом-пинцетом. Крону ели обслуживают синицы — московка и джунгарская гаичка. Они осматривают все ветки, выбирают насекомых между хвоинок, а гаичка при необходимости долбит кору, доставая из-под нее личинок. Здесь же, в кроне, часто ищут корм сороки, кедровки, крапивники, седоголовая и красноспинная горихвостки; впрочем, последние нередко ловят пролетающих насекомых — почти как мухоловки. На самых концах еловых веточек обычно разыскивают насекомых желтоголовые королики, зеленые пеночки и зарнички. Такую массивированную профилактику елей осуществляют птицы все теплое время года, а синицы, королики, дятлы и пищухи — даже зимой.

Приведенные примеры, конечно же, не исчерпывают всего разнообразия способов добывания корма пернатыми. Если многие птицы собирают корм на всех этажах, то другие — только на избранных. Лесной кулик вальдшнеп предпочитает дождевых червей и почвенных насекомых, которых находит в лесной подстилке и мягкой почве, регулярно зондируя ее своим длинным мягким клювом с чувствительным кончиком. Только на земле и в траве разыскивает корм лесной конек, преимущественно на земле — дрозды, кукушка, туркестанский жулан и черноголовый чекан. Но и внизу, под деревьями, эти виды добывают корм по-разному: кукушка и конек просто собирают насекомых с травы, дрозды роются в лесной подстилке, добывая до моллюсков, червей и многоножек, а жулан и чекан высматривают свои жертвы с возвышения, а затем слетают и схватывают.

Какими же насекомыми в конечном счете кормятся в горном лесу птицы? У всех ли видов жертвы одинаковы или, наоборот, разные? Для ответа на эти вопросы необходимо знать, чем питается каждый вид пернатых в то или иное время года, что не так легко выяснить. Ведь до сравнительно недавнего времени единственным достоверным методом изучения состава пищи у птиц считалось определение содержимого желудка. Это значит, что птицу надо было застрелить, вскрыть ее желудок и по сохранившимся в нем остаткам насекомых определить их вид, род или хотя бы семейство. При этом для получения убедительных данных требовалось убить не одну, а несколько птиц каждого вида в каждую из нужных дат и т. д. Сегодня такой

метод не только трудоемок, но и недопустим с точки зрения охраны природы.

Поэтому широкое распространение получил метод лигатур, предложенный лет тридцать назад ленинградскими орнитологами А. С. Мальчевским и Н. П. Кадочниковым. Суть его заключается в том, что гнездовым птенцам воробьиных птиц накладывают на шею лигатуру, то есть нетугую повязку, которая не мешает дышать, но и не пропускает корм. Периодически контролируя каждое кормление птенца родителем, ученый извлекает из пищевода птенца задержавшийся пищевой комок для дальнейшего определения его содержания, а птенца кормит другой сходной пищей. Таким методом можно собрать много сведений, не причиняя птенцам вреда. Правда, он приемлем только при изучении питания гнездовых птенцов и только определенного, примерно недельного, возраста, так как совсем маленьких — их еще называют пуховичками — самка обычно подолгу обогревает, что не дает возможности осматривать их после каждого кормления. А полностью оперенные птенцы при частом беспокойстве могут просто сбежать вместе с лигатурами и, значит, погибнуть.

И все-таки метод лигатур прояснил многое в питании птенцов. В Заилийском Алатау, у верхней границы ельников близ Большого Алматинского озера, в течение нескольких лет мы при помощи этого метода получили сведения о двух с половиной тысячах приносов корма птенцам в 233 гнездах девятнадцати видов певчих птиц. Из тринадцати с половиной тысяч экземпляров изъятых у птенцов беспозвоночных животных почти треть приходилась на долю двукрылых насекомых — мух, комаров-долгоножек, мошек; столько же — на долю тлей и мелких цикадок. Вообще же птицы выкармливали птенцов представителями семнадцати отрядов класса насекомых, а также многоножками, паукообразными, ракообразными, моллюсками и кольчатыми червями. Сложность пищевых связей между некоторыми наиболее характерными насекомоядными птицами елового леса и их жертвами наглядно демонстрирует схема на стр. 33.

Различные места и способы добывания корма у тех или иных птиц обуславливают и различия в составе их пищи. Так, бледная и черногорлая завирушки, собирающие корм в основном на земле, чаще всего приносят своим птенцам тлей и комаров-долгоножек — это вместе три четверти корма; дрозды — деряба и черный — выкармливают птенцов обычно бабочками, их гусеницами и двукрылыми, к которым добавляют дождевых червей и жуков; у двух видов горихвосток — седоголовой и красноспинной — помимо двукрылых и бабочек, составляющих половину корма, большую роль в питании птенцов играют саранчовые и пауки; пеночки — зеленая и зарничка — носят птенцам в основном двукрылых и тлей (вместе — около 70 процентов).

Из двух видов синиц, собирающих корм преимущественно в кронах елок, московка предпочитает двукрылых, жуков и бабочек (вместе — почти 80 процентов), а джунгарская гаичка чаще всего

приносит птенцам гусениц-пядениц, крупных летающих муравьев, зато двукрылых — втрое реже, чем московка.

Особый интерес представляет тот факт, что джунгарские гаички постоянно и в большом количестве приносят птенцам галлы. Эти небольшие, до пяти миллиметров в диаметре, круглые мягкие образования с массой мелких белых личинок внутри располагаются между хвоинок на тоненьких еловых веточках, как правило, с нижней стороны и в верхних частях кроны. Пораженность елей этими галлами довольно большая, на поиски их гаички тратят считанные секунды. Зато для птенцов галлы представляют нечто вроде бутерброда из растительной и животной ткани: по-видимому, это достаточно питательный и витаминизированный корм.

Как видим, птичий рацион очень разнообразен. Он включает не один десяток видов беспозвоночных животных из самых различных отрядов, хотя основу его составляют немногие, определенные группы жертв. И наоборот: каждый вид насекомых может поедаться множеством видов птиц, но есть из них потребители наиболее постоянные, а есть случайные. Вот такое разнообразие связей и создает ту сложную мозаику взаимоотношений между хищниками и их жертвами, а также между животными и растениями, на которой и держится равновесие в живой природе.

Это равновесие, о котором в наше время все чаще упоминают, причем не всегда в одобрительном смысле, — непрменный закон природы. Проявления его можно найти во всем — от человеческого организма до крупных экосистем. Великое достоинство равновесия — способность к саморегуляции. Если по какой-либо причине одно из звеньев единой цепи вдруг или постепенно выпало, происходит частичная перестройка системы, кто-то или что-то принимает на себя функции выпавшего звена, и система вновь уравнивается. Но это возможно только до определенных пределов, за которыми восстановить равновесие окажется невозможным. Вот об этом мы всегда должны помнить и стремиться как можно меньше нарушать гармонию взаимоотношений в мире живой природы.

Сорбулакские этюды

Кто не бывал в экспедициях, тому, вероятно, трудно представить будни полевой жизни, как, например, вот эти. Потрескивает слева керосиновая лампа, справа Вахтанг Кикабидзе поет про «мои года»... Светит луна. Безветренно. Сквозь лунную тишину доносятся звонкие весенние голоса жаб и лягушек. Рядом на дворе бубнят ночные мигранционщики. Это — орнитологи, изучающие ночные перелеты птиц по «лунной методике»: один в телескоп смотрит на луну, другой записывает с его слов всех птиц, летящих на фоне лунного диска. А по хозяйственным полкам полевой кухни начали свою трудовую ночную жизнь мыши...

Был я на многих стационарах и в различных маршрутных поездках — все они очень разные. Вот и сорбулакский стационар мало напоминает мне остальные. Правда, когда знакомым рассказывал, где я проводил экспедиционное время весной и летом 1981—1982 годов, на меня смотрели с недоумением и всем видом как бы говорили: чему человек радуется. Ничего удивительного: точно так же и я относился раньше к работавшим здесь. Сорбулак — это сточные озера миллионного города — Алма-Аты. Не побывав тут, представляешь невесть что. А на самом деле все иначе. В Сорбулак вода попадает уже после био- и химической очистки. Эти стоки за много лет образовали два озера — Малый и Большой Сорбулак (последний длиной 20 км), связанные между собой каналом.

У Малого Сорбулака мы и стоим. Пологие берега его покрывает буйная растительность из рогоза и тростника. Несколько островков, полуостровков и разливы — его достопримечательности. Есть причал и три лодки — байдарка, шпонка и с мотором. Вода с водорослями и мелкой живностью — благодать для лягушек и жаб. А в Большом Сорбулаке водится рыба — сазаны и карпы. Никто не верил, пока мы в 1981 году не поймали для ихтиологов несколько рыбин около полуметра. Это была сенсация! С 1976 года стоят здесь орнитологи и не знали о рыбе. Она хороший показатель жизнеспособности озера.

Самая же главная примечательность обоих водоемов — рай орнитологический. Сколько здесь пернатого населения, особенно

водоплавающего! Это перевалочная база — и «столовая» и «санаторий» — для птиц, летящих на Север. Более ста видов, в основном пролетных, насчитали орнитологи. Они всех, кого удастся, ловят сетями, кольцуют и выпускают дальше. Я же занимаюсь «гадами» — черепахами, ящерицами и змеями. Основной объект моих наблюдений — среднеазиатская черепаха. На помеченных особях нужно изучить белые пятна в ее биологии: суточную и сезонную активность, площадь используемого участка, питание, размножение и т. д. Черепаха относится к тем немногим пресмыкающимся, которые имеют хозяйственное значение. В связи с интенсивным освоением мест обитания черепахи, а также ее усиленной заготовкой настало время более полного изучения рептилии, которая живет на Земле около двухсот миллионов лет.

Урочище Сорбулак — один из немногих уголков природы вблизи города, среди распаханых полей которого сохранились еще первозданные черепаший угоды. Такой «уголок» площадью около десяти гектаров и находится возле нашего стационара.

Наш стан состоит из различных сооружений: землянки, палатки-лаборатории, фанерного домика, палатки для гостей, моей палатки, кухни-столовой из деревянных щитов, цистерны на колесах, погреба и двух собачьих земляночек. И все это обнесено проволокой — от нашествия местных коров.

В разгаре весна 1982 года. Природа живет полной жизнью. Ее слышишь в многообразии птичьих голосов, в неистовых «песнях» земноводных, в завывании ветра, в мерном шелесте дождя и шуме прибоя. Все эти звуки действуют умиротворяюще. А как спится под хлопанье палаточной ткани от ветровых порывов, да еще со вспышками молний! Цивилизация изредка дает о себе знать гулом машин или летящего самолета.

...Полевое бытие так и просится на страницы блокнота. Но, к сожалению, сколько событий, больших и малых, надолго запоминаемых и мимолетных, смешных и грустных, остается за его «бортом»! Так трудно заставить себя регулярно записывать то, что прямо не относится к работе. Но вечерами вырываю время. Вот еще штрих нашей жизни.

Лагерную сиесту* вдруг нарушает грозное и громкое: «Где брында?! Ты куда дел сыр?!» Бам, бам, трах! В ответ — истошный визг! Это большой и рыжий бывалый орнитолог «допрашивает» своего плутоватого, громадного (как и хозяин) пса после очередного хищения им двух головок сыра. Спектакль и на публику. Это только начало. Затем пса волокут на место преступления, слегка поддавая под грозное вопрошание. Я же в воплях собаки слышу — «не... будууу больше, не будууу, а... а...! Простиии!» Обиженный на всех и вся, Марсик отлеживается в конуре. Но плохое забывается,

пес снова полон энергии и готов на новые «подвиги». Если же понаблюдать за ним незаметно, то во всем его мечтательном иногда облике можно как бы прочесть: «Хоть я и был побит, но сыр стоит того».

А братья наши меньшие «на публику не работают». И чтобы подсмотреть за их «представлениями», нужны время, терпение и удача.

В центре лагеря полдня лежал змей — восточный удавчик и огрызался на проходящих, делая ложные выпады. Чтобы не раздавили, пришлось угнать его в укромный уголок. Полозов у нас ловят почти каждый день: то в землянке, то в погребе, то около лагеря. Я уже не говорю о своей палатке — помеченных змей я здесь же выпускаю. Несколько их запустили на кухню — погугать обнаглевших мышей.

Какое тут приятное общество — оно доброжелательно к змеям. Но к мелким тварям пока еще относится с опаской. И мне с большим трудом удалось отстоять права на жизнь и местожительство у входа в мою палатку тарантулихи Василисы. Я подкармливал ее мухами, жучками, когда она была голодна. В этом случае паучиха сидела у самого выхода из вертикальной норки, а одну из длинных передних лапок клала на ее край. Затем Василиса перестала есть, а все чаще и дольше выставляла наружу брюшко. Стало ясно: она ждала потомства. Однажды после холодов я нашел вход в ее убежище плотно затянутым паутиной с вплетенными в нее стебельками травы. О ее благополучии я следил только по этой поправляемой крышке, которую нет-нет да прорывала, наступая, соседская собачонка величиной с кошку — Ора. А почти месяц спустя вход открылся, и Василиса показалась со своим многочисленным семейством — может, сотней-другой тарангулят, плотно облепивших ее брюшко. Но вскоре опять скрылась: видимо, еще не все вывелись. Что будет дальше — известно. Василиса на себе понесет своих чад к воде, напоит их и начнет сеять: по пути стряхивать с себя задними лапками. Сегодня дал тарантулихе огромного мотылька, она вылезла из норки, взяла его из рук и снова задвинулась в свое тесное жилище. Как она отошала!

А неподалеку земноводные, или амфибии, уже обзавелись новым поколением: из своей колыбели — водоема — маленькие жабята выходят на сушу, поутру вовсю прыгают по территории лагеря. Взрослых можно встретить в траве не только ночью, но и днем, хотя зеленая жаба считается ночным животным. Сейчас больше и громче поют озерные лягушки. Дерут свои глотки, особенно по вечерам, иногда утром, а то и днем.

...Вот небольшой паучок спустился с потолка кухни до моего лица, затем, как матрос по вантам, снова взобрался к себе на верхотуру. Дал ему мотылька, который был моментально перетянут паутиной вдоль и поперек, «отбуксирован» на паучиную кухню, и паук приступил к трапезе. На нашей же кухне кро-

* Сиеста — послеобеденный отдых, самое жаркое время дня.

ме пауков, мышей, мотыльков поселился громкоголосый сверчок. Но сегодня он почему-то молчит. Выключен и приемник. Ветер шуршит полиэтиленовыми «стеклами», сквозь черноту ночи сверкают дальние молнии, и вот-вот грянут буря или дождь, что-то очень частые этой весной. А вот и гром. Иду спать в свой теплый спальник...

Следующие страницы блокнота открывают властелины воздушного океана — птицы. Мир пернатых здесь, на Сорбулаке, чрезвычайно многообразен. Едва рассвет чуть-чуть наметит о себе — где-то около пяти утра, как птицы начинают свою активную трудовую жизнь. Жаворонки заводят нескончаемые песни в вышине, как бы дополняя хор лягушек и жаб. А на воде черно: чайки, лысухи, поганки, пеганки, чирки, кряквы, краснобаши, кулики и т. д.

Все больше становится огарей, вероятно, прилетели сюда на линьку. Сотня или более их кормится на канальных разливах. С этой красной уткой связаны все мои экспедиции. Только прежде (от гор до пустынь) я привык их видеть одну пару, ну две — не больше. А здесь такое нашествие! Однажды решил заснять этих интересных птиц с близкого расстояния. Пополз через траву по-пластунски, весь порезался о нее и озеленился, подкрался, и не то что аппарат пристроить — голову поднять не успел, вся стая снялась и с «карканьем» поспешно от меня удалилась. Им-то было, может, и весело, что разгадали мою хитрость, а мне?!

А птичья жизнь кипит вокруг. Новые интересные сценки привлекают внимание. Вот почетный эскорт из пяти-семи «женихов» — чирков-свистунов — сопровождает обычно одну самочку и на воде, и в воздухе. Два поганенка черными шариками покачиваются возле своих родителей, которые кормят малышей, причем каждый своего, ныряя за пищей на дно. А недалеко плавает другая мать-поганка с птенцами, сидящими у нее на спине.

Недавно была шумная дележка кормовых береговых участков среди пар длинноногих куликов-ходулочников. Говорят, когда они дерутся, то пинаются своими длинными красными ногами. Это вполне вероятно. Я же наблюдал, как они друг друга «тузили» только крыльями.

С канала тяжело летит озерная крачка с рыбешкой в клюве. Невольно сравниваешь ее с озабоченной женщиной, нагруженной сумками. А до дома — бывших сточных озер — крачке еще почти двадцать три километра.

Полчища овец никак не дают вывести многочисленным жаворонкам. Сколько уже гнезд с яйцами или птенцами-малютками они затоптали!

Вездесущие домовые воробьи освоили ниши в лагерных постройках и скоро, вероятно, выведут своих воробьят. Другие — колоннальные: индийские и испанские воробьи освоили часть лесополосы, и их гвалт стоит там весь день.

За моей палаткой с рассвета до темна солирует самец желчной

овсянки. Хотел я его подманить ближе к своему дому, расставил палочки-стебельки, но он предпочитает облюбованные ранее места «сцены», где и поет. Когда только кормится?

«Ембэриза бруниэпс» — так по латыни зовут эту довольно стройную, величиной с воробья птицу. Самец красив и элегантен. Он заметно выделяется среди других пернатых ярко-желтой окраской оперения туловища в сочетании с ярко коричневым цветом головы. Самка же намного скромнее.

Об их прилетах весной из далеких краев сразу же узнаешь по характерной песне, которая автоматически высвечивает в сознании знакомый образ этой птицы, спутницы многих моих экспедиций. Все уголья, которые я почти ежедневно обхожу, прилетевшие желчные овсянки делят на участки и бдительно их охраняют. Песня — эффективнейший способ информации — территория занята!

Какое здесь поле деятельности для орнитологов по изучению индивидуальных участков птиц. Конечно, для этого всех их на определенной территории надо переловить и каждую пометить.

Один такой «землевладелец» и живет сзади моей палатки. Его участок расположен вдоль берега, и он периодически облетывает его, присаживаясь на высокие тростники.

Другой самец живет за нашей полевой кухней. Наблюдательные пункты — кольца забора и проволока между ними. Его патрульные полеты проходят как раз вдоль забора. И так равнина до лесополосы, около семисот метров, занята индивидуальными участками желчных овсянок. Весь этот ежедневный рабочий маршрут меня сопровождают самцы, поющие на стеблях растений. Их можно встретить в любой час дня, самок же — крайне редко. Они в это время сидят на яйцах. Снова задаю себе вопрос: «Когда же кормятся самцы овсянок?» Но потом я увидел, что одно с другим самцы удачно совмещают, то есть питаются без отрыва от основного занятия — пения. Попоем, попоет — раз в кусты, смотришь, кого-то поймал. И так все время. Недавно встретил двух самцов на границе участков. Они бдительно следили друг за другом, перелетая с ветки на ветку, и теребили что-то на кустиках (это называется «смещением поведения»), но до стычки дело не дошло. Самцы, по-видимому, очень чтут участки друг друга. Один только раз я видел «конфликт» между ними, и то в самом начале — при дележке территории. Если иному и приходится пролетать транзитом чужие владения, он делает это скрытно, летя низом, используя естественные понижения, чтобы только не встретиться с хозяином. Один из самцов (может, несколько) периодически на «бреющем полете» летал на берег канала, используя для скрытного перемещения канаву.

А в лагере тем временем появился мрачноватый чернолобый сорокопуденок, которому мы дали имя Бони. Под вечер он освоился и стал с жадностью брать пищу из рук. Через несколько дней орнитологи уехали кольцевать птенцов на бывшие сточные

озера, а на мое попечение оставили лагерь и в придачу Бони. Прокормить его одному человеку оказалось тяжеловато. Как назло, попадались только мелкие кузнечики. Перерыл хлам в помещениях, ловя мотыльков, пытался добывать мух (благо их уйма). Но пасть прожоры закрывалась только на короткий период. Дав мне передышку, Бони опять закатывал истерику: пронзительно кричал на весь лагерь, раскрыв свою бездонную пасть, тряс крыльями и приседал на насесте. Особенно истерично птенец кричал, когда видел меня бегущим выполнять свою добровольную миссию кормильца. Он словно торопил: «Быстрее, быстрее. А... а... а... а!» Процесс его пищеварения шел беспрерывно, как конвейер высокой производительности: принимая пищу, тут же отдавал переваренную. Зато уморительно было смотреть на сытое кейфование, обычно послеобеденное: глазки сами собой закрывались, голова клонилась книзу и полуоткрывался клюв. Но, словно чувствуя насмешливые наши взоры и словесную иронию, спохватывался и бодрился, но ненадолго — сытость делала свое дело.

Колесо сорбулакской жизни накрутило еще одно событие, о котором стоит рассказать поподробнее.

11 мая встал, как всегда, рано и по привычке пробежал свою обычную дистанцию — два километра. Поднявшись на пригорок и повернув к лесополосе, увидел следовавшую параллельным курсом лису. Я сделал разворот, двинулся вдоль полосы и что-то, похожее на клич индейцев, прокричал рыжей. Когда я уже возвращался к лагерю и оглянулся — лиса бежала за мной. Я обрадовался и еще сильнее припустил — в лагере у нас имеется небольшой телескоп.

И вот навожу прибор на видневшееся вдали светлое пятно и зрю не лисицу, а лиса в великолепной позе. Он сидит на задних лапах, как собака, и смотрит в мою сторону. Окаймленные черным, стоячие, относительно короткие уши. Мудрая какая-то физиономия с клочками старой светлой шерсти, как бакенбарды, темные усы и, мне кажется, желтые глаза. От лагеря лис находился на расстоянии примерно четырехсот метров. Перед этим ночь была холодная и утро тоже — дул пронзительный ветер. Как неуютно, видимо, сейчас этому прославленному персонажу сказок! Немного посидев и не забывая посматривать по сторонам, лис лег на землю, свернулся в клубок и прикрыв хвостом лапы, стал дремать, но при этом посматривая в мою сторону. Так он пролежал довольно долго. Когда я сказал своим коллегам, что за мной бежал лис, и рано проснувшимся показал его, то мне поведали, что его выгнала из норы самка, так как у нее детеныши.

Другие заботы отвлекли меня, и я прекратил наблюдение, но вечером решил сходить на то место, откуда бежал мой знакомый. И точно: поднявшись опять на пригорок, я увидел силуэты взрослой лисы и нескольких детенышей. Она смотрела на озеро. А смотреть было на что. Как всегда, сорбулакское

«море» манило дичью: на берегу спокойно охорашивались лысухи, на воде чернели их ныряющие силуэты, чуть дальше плавали разные утки. Такая желанная добыча!

По-видимому, не зря нора лисицы оказалась поблизости от богатых угодий. Еще в марте орнитологи наблюдали охоту рыжей на одном из островов, к которому можно было пробраться только с одной стороны по уже ненадежному льду. То там, то здесь показывались ее ушки над тростничками острова. Затем донесся шум борьбы, и охотница с добычей в пасти тем же путем направилась к берегу. Судя по размерам, добычей оказался, вероятно, зазевавшийся чирок.

Но вернемся к семейке. Не успел я рассмотреть семейную идиллию, как все изменилось в мгновение ока: лиса повернулась в мою сторону... и бросилась прочь от норы, лисята прижались к земле. Она выполняла материнский долг — отводила опасность от своего потомства: приседала, когда я останавливался, убегала, когда я приближался к ней, и стремительно мчалась на меня, когда я шел к норе.

Но это было потом. В первый же раз я подходить не стал, а начал рассматривать мамашу большого семейства в бинокль. Где еще так хорошо увидишь дикого зверя в естественной обстановке? Весна и раннее лето — время для смены наряда. Та шкура, которую так ценят женщины, сейчас на лисице ничего не стоила. Ключья шерсти желтовато-серого цвета свисали с нее лохмами. Красно-рыжие только ноги и нижняя часть тела. Хвост похож на метелку тростника. Кончик его беловатый. Лисята же справные, толстенькие и симпатичные, их пятеро. Когда я пошел к лагерю, лиса последовала за мной, но на приличном расстоянии.

Утро 12 мая тоже было холодное. После подъема сразу же побежал к своим новым знакомым и застал семейство в полном составе — оба родителя и детки уже находились снаружи. Один из взрослых, пролаяв, стремглав бросился прочь от норы. Как я убедился позже, это был лис. Самка, как и в первый раз, далеко не отбежала. Опять пыталась отвести меня, проделывая различные маневры: ложилась, вставала, убегала поочередно в разные стороны. Когда же я стал подходить к норе, кинулась мне наперерез на приличном расстоянии и залаяла. Лисята, конечно, спрятались еще раньше и больше не показывались. Подойдя к норе, я оставил у ее входа четырех погибших в ловчих сетях воробьев. Пробежав по обычному маршруту, вернулся к лагерю. Лис, как и в первый раз, сопровождал меня и, усевшись, опять стал смотреть в сторону лагеря.

Вечером семейка встретила меня более миролюбиво: лиса суежилась меньше, да и лисята подпустили ближе. В этот раз я принес им объедки с нашего стола. Воробьи утренние, конечно, исчезли. Назад лиса меня провожала, а, повернув, стала нюхать мои следы и некоторое время я видел ее бежавшей по гребню небольшого холмика.

В очередное утро у меня не было никакого подарка, и я только издала посмолтрел на нору, но там никого не увидел. Подумал, не увела ли мать детенышей подальше от человека? По-видимому, за свою нелегкую жизнь первый раз лиса встречала двуногое существо, носящее к норе съестное. Лисица помнила и другие посещения. Кто-то пытался выкурить их из подземного жилища, о чем свидетельствуют закопченные входы в норы.

Но вечером мои опасения не подтвердились. Все, кроме лиса, были в сборе. И, как мне показалось, встретили с заинтересованностью мое появление. Мамаша, не торопясь, отбежала от норы на безопасную дистанцию, легла и стала внимательно смотреть. Я же ходил медленно и всячески демонстрировал свое миролюбие. Лиса продолжала за мной наблюдать. Лисят было почему-то четверо, и они тоже смотрели то в мою сторону, то в сторону матери. Но подпустили меня уже гораздо ближе. Я не стал испытывать нервы лисицы, бросил бумажный пакет с приношением и покинул лисий участок. Посмотрим, как разовьются события следующих дней, если ничто не помешает моему удивительному знакомству.

Утром, 14 мая, состоялась опять встреча с лисой. Она прошла, как и раньше. Но, придя к норе вечером, я застал возле нее только лису, а угощение — обрезки от дичи — было не тронато. Хозяйка совсем близко подбежала ко мне, и на этот раз я ее хорошо рассмотрел, не подозревая, что вижу лисицу в последний раз. Свое семейство она, вероятно, увела раньше, а сама еще несколько раз, может быть, из любопытства приходила к родному «дому», (который, судя по перепончатым отпечаткам, уже обследовали, видимо, земляные утки-пеганки).

Что ж, здесь слишком людное место: часто ездят машины, да и наши орнитологи туда хаживают. Долгое время неподалеку стоял чабан с отарой. А недавно за бугром распахали землю под кукурузу и люцерну, видимо, на охотничьем участке лисы. Все это и побудило семейство податься в новые края.

То же самое происходит и в ближайших окрестностях, поэтому рыжие ищут укромные уголки. Пошел я за лесополосу попроведавать черепах, а там встречается меня взрослая лисица. Я хожу по участку — поодаль ходит за мной «по пятам» лиса, разумеется, на безопасном расстоянии. А когда я присел около лесополосы, чтобы занести в дневник свои впечатления, лиса подошла метров на тридцать пять, посмотрела на меня и не спеша удалилась, оглядываясь на мое тихое посвистывание. Наверное, зверь знал, что ему ничто не угрожает.

Но самое интересное, на моем черепашьем участке появилась свежая и обитаемая, судя по следам, лисья нора. Вот это соседство! Лиса же первый враг черепаших кладок и черепашат. Как быть? Но мне не пришлось что-либо предпринимать — лиса здесь не поселилась. Так и закончилось мое знакомство с этим «коммуникабельным» животным. А на смену пришли новые. Но об этом чуть позже.

Лето, вступив в свои права, вносит поправки и в нашу жизнь.

Утреннюю прохладу сменяет дневная жара. Она приносит полчища мух, а к вечеру — бесчисленных комаров. От них уже просто не отмахнешься. Кто-то мажется антикомариными жидкостями, я надеваю комаронепроницаемую одежду, а на голову — шляпу пчеловода. В таком карнавальном одеянии вновь заполняю страницы блокнота.

Жизнь всего сущего идет своим чередом. Тарантулиха Василиса наверняка рассеяла свое потомство, потому что появились подросшие молодые тарантулы, по-видимому, не только от этой, но и от других Василис.

Поймали в лагере каракурта. Это — единственное существо в Казахстане, которого надо действительно бояться. Его яд по силе действия намного превосходит яд казахстанских змей, тарантула и скорпиона.

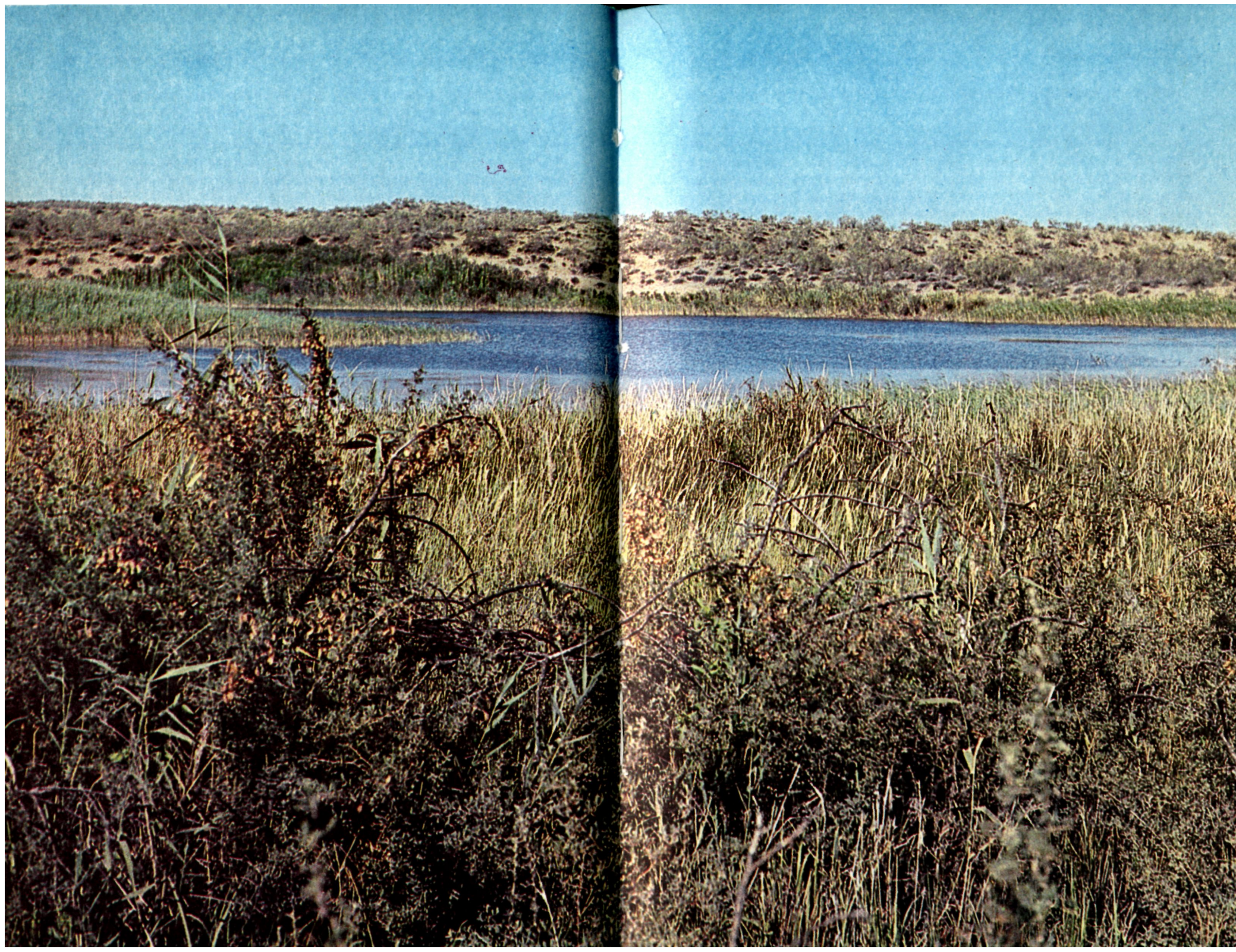
По вечерам звучит хор лягушек. Сколько их на озере: тысяча, две, три? Трудно сказать. А жаб уже не слышно — сезон размножения у них закончился. Подросшие жабыта уходят все дальше от воды, завоевывая участки суши под свои владения.

Все больше становится черноголовых трясогузят, похожих по сочетанию светлых и серых тонов на селедки. Стаи молодых обыкновенных скворцов носятся над полями.

Между тем лето надело свою жаркую шубу. Максимальная температура воздуха 35°. Старожилы говорят, что это только начало. И вдруг сюрпризы: позавчера, 21 июня, была пыльная буря. Раза два в сезон выпадает «счастье» познакомиться с этим явлением. Приближение ее замечаешь примерно за полчаса: северная половина от горизонта до самых небес как будто закрывается белесым занавесом. У нас же стоит зловещая тишина. И вдруг налетает шквал порывистого ветра. И начинается круговерт: ветер все рвет и несет пылью, палатка ходит ходуном. Скорость такого ветра десять метров в секунду, или около сорока километров в час. Меньше чем за два часа такой шквал дошел до города (по отзывам приехавших оттуда). Заканчивается эта погодная «симфония» обычно дождем с громом и молнией. Зато потом приходят свежесть и прохлада, как будто природа приняла душ. Занавес зловещий и черный уже с южной стороны постепенно раздвинулся и открыл чудесную панораму: цепь гор со снежными вершинами — Заилийский Алатау. Смотри и радуйся!

А вчера в полночь запад (у нас вся непогода обычно оттуда) разразился тропическим ливнем. Потоки сверху и по покато́й территории лагеря, ветровая тряска моего «дома», ярчайшие вспышки молнии, оглушительные раскаты грома. Все это я с удовольствием воспринимал в своем спальнике, но и с опаской подумывал, как бы не сорвало палатку. Все закончилось благополучно. А вот орнитологов понесло на ночной лов (опять-таки для кольцевания) водоплавающих птиц на Большом Сорбулаке. Сполна отведав все прелести разбушевавшейся стихии на середине озера в открытой лодке, только в два часа ночи они вернулись в родные пенаты. Вот было наутро веселых разговоров!

Перемена погоды, смена людского состава, смена собак, временами наезды гостей — эти маленькие события разнообразят размеренную полевую жизнь. Но особенно скрашивает наши будни всякая живность.

Для опытов привезли нам пятьдесят желтых утят, и лагерь чем-то стал напоминать утиную ферму. Желтенькие комочки как-то незаметно превратились в больших белых красавцев. Целый день проводит на озере белоснежная стая, удивляя, наверное, дикую пернатую рать. Утки удивительно дружны. Сами уходят утром после небольшой кормежки на озеро, по десять-двенадцать часов проводят на нем, заплывая довольно далеко от берега. Затем занимаются водными процедурами на мелководье, часть дня лежат в прибрежной траве, принимают солнечные ванны, а с наступлением вечера белая переваливающаяся с ноги на ногу «толпа» с громким кряканьем спешит домой — в огороженный участок, получает порцию пищи и затихает до следующего утра.

Несколько раз прилетали в лагерь индийские скворцы-майны. Вначале появились стаями, покружились, что-то пощебетали и улетели. Но один из них стал постояльцем, присоседился к уткам, точнее, к их кормушкам, облюбовал в лагере несколько мест, где любит полежать, как-то мудро поглядывая вокруг. Ложится на живот, поджав лапы, и весь распушается или на доске сверху утятника, или на цементной трубе, или на одном из столбов калитки. Показывает свое безразличие к каждому из нас и близко никого не подпускает. А ранними утрами он «деловито» шарится в лагере. Но однажды скворец куда-то делся. Может, обзавелся подругой, а может, какой-нибудь браконьер отправил его на тот свет? Жаль, мы так к нему привыкли.

Но свято место, говорят, пусто не бывает. Покинула лагерь одна живность — появилась другая. На большом тростниковом острове был пойман совсем молоденький волчок, или, как называют орнитологи, «щенок». Слово «волчок» означает веретено. И действительно, эта птица из семейства цапель напоминает веретено: длинная, тощая, с непропорционально большими лапами. Клюв острый, длинный, с зубринами (пилоподобными) на внутренних сторонах кончика. Бегаёт очень шустро и все норовит «нырнуть» в густую траву. Орнитологи питают его кузнечиками и мелкой рыбешкой из канала. Волчок время от времени меняет свои позы. Они у него разнообразны. Он может сильно вытягиваться в длину, стоя вертикально, причем клюв задирает вверх. Или сжимается в основном за счет шеи, как-то незаметно втягивает ее куда-то или просто складывает ее зигзагообразно, как цапля, и становится похожим на цыпленка, только с удивительно большими лапами. В позе «цыпленка» он обычно убегает.

Недавно один из наших орнитологов привез с собой из города Чуконю — ручную и потешную сову-сплюшку: рожки-ушки на голове, мягкое, пушистое и пестрое оперение, когтистые мощные лапы и хищный клюв. Ну и конечно, огромные примечательные гла-

зищи. Сама же она маленькая, величиной со скворца. Но, прижимая или распушая оперение, птица сильно меняет свою величину. Со сплюшкой я уже подружился, она берет пищу из рук и позволяет себя почесать за ушком, но по настроению. Ее надо ласково поупрашивать, иначе щелкает клювом и шипит. А днем, когда жарко и одолевают мухи, Чуконя резко и как-то непонятно притопывает лапой или двумя, выбивает быструю барабанную дробь. С наступлением вечерней прохлады сова оживает. Это и понятно: ведь она сугубо ночное животное.

Где-то рядом, в обрывистых берегах канала, гнездятся ласточки-береговушки. А ласточки деревенские частенько посещают наш лагерь, залетая то в палатку, то в домик, то на кухню — ищут подходящее место для гнезда и частенько улетают с нашими подарками — кольцами на лапках. Пара ласточек вечером обследовала мою палатку: посидели, пощебетали и улетели. Рано утром опять появились, разбудили меня, а минут через двадцать я обнаружил фундамент под ласточкин дом. Первый раз вижу гнездящихся ласточек в палатке, где гнездо находится на уровне головы. За день выстроили наполовину. Придется приютить. Не захотели почему-то загнеститься в землянке, на кухне или в домике!

Гнездо вскоре развалилось, так как не выдержала основа — рулон бумаги, подвешенный под матицей. Пришлось заменить его доской. Немного птички погоревали, пощебетали и снова за работу. Через два дня новое гнездо почти готово. Но поднялся ветер, и оно отлепилось от основания, кое-где потрескалось. На этот раз пришлось мне его приклеивать, а трещины замазывать грязью. Посмотрим, что будет дальше.

На третий день самка натаскала выстилку (соломку с пухом). Самец тоже периодически залетает и осматривает гнездо изнутри и снаружи. Он проявляет свою привязанность к самочке, но она сердито его отгоняет и что-то «говорит» (вероятно: «Подожди, снова начнется ветер, и гнездо будет развалиться. Потом посмотрим, как хозяин палатки будет вести себя!»).

Наконец ласточки решили «бросить якорь в моей гавани» — появились в гнезде два яйца, и вскоре еще два. Самка меня почти не боится — не вылетает из палатки, когда я туда захожу и начинаю возиться в ней. Представилась прекрасная возможность понаблюдать за «семейными» отношениями. Самец «покрикивает» на свою дражайшую, но когда она открывает очень широко свой ротик и «говорит» ему что-то отрывистое, короткое и громкое, он стремится отлететь от нее подальше. Эти «ссоры» у них часто происходят перед входом в палатку на отдыхе, буквально в двух метрах от моего стола, и хорошо мне видимы и слышимы. Самец поет, щебечет, иногда подлетает к гнезду, садится на его край и долго, внимательно смотрит в него, как будто считает яйца. Самка, наконец, осталась на гнезде на ночь — приступила к насиживанию. Участвовали в этом оба родителя, но самка сидела на гнезде чаще.

В конце июня произошла еще одна встреча.

При очередном обходе черепаших владений я увидел крупную «тортиллиу», жадно поедавшую траву. Как обычно стал ее осматривать, измерять и вдруг за спиной услышал странное гнусавое жужжание, как будто муха попала под газету или пленку и хочет, но не может вылезти. Звук все нарастал. Думаю, dokonчу манипулировать с черепахой, посмотрю, что это такое. Наконец, оглядываюсь и вижу: стоит на задних лапах столбиком хорь и «гнусавит». Зверек почти черный с белыми пятнами на голове. Очень зло смотрит на меня и как будто спрашивает: «Зачем вторгся в мои владения?» Несколько секунд мы смотрели в глаза друг другу. За эти мгновения я успел достать фотоаппарат, но — хорь не выдержал и дал деру. Я — за ним. Увидел его снующим среди кустов терескена. Я — назад, хорь за мной, снова встал столбиком и смотрит в мою сторону. Я за фотоаппарат, хорь от меня. В конце концов пришлось его оставить. Может быть, странности поведения зверька были связаны с потомством — не знаю, но только раньше хорей на этом месте я не видел. Гнусавыми звуками он хотел, вероятно, меня напугать или выяснить, что я есть такое.

Кажется, всех примечательных животных, так или иначе связанных с сорбулакским стационаром, я описал, хотя понятие «примечательный» очень зыбкое, как и деление животных на полезных или бесполезных, симпатичных — несимпатичных и т. п. Вот, к примеру, зеленая жаба. Она относится к животным, которых не любят. А спросите, за что? Многие скажут: за безобразный вид. Да, красавицей жабу не назовешь. У нее толстое, почти круглое тело с длинными задними лапами, широкая округлая голова и бугорчатая шершавая кожа. Но таково первое поверхностное восприятие животного. А что кроется за этой внешностью? Посмотрите, какие у нее большие, выразительные глаза. Как изящно и быстро она плавает. Наконец, мелодичные «серенады» самцов могут кого-то и порадовать в вечерней тиши. А шершавая, бугорчатая кожа — это от большого количества желез, которые выделяют слизь и увлажняют тело, предохраняя его от высыхания, что для нее очень важно. Ведь жаба относится к жителям и суши и воды, то есть к земноводным.

Она самый широко распространенный вид в Казахстане и встречается в самых, казалось бы, неподходящих условиях для земноводных. Достаточно сказать, что это животное очень хорошо себя чувствует в пустынях и может подниматься высоко в горы, до 3300 метров над уровнем моря. Конечно, ее можно встретить прежде всего около воды — на побережье озер, в поймах рек, возле колодцев и около временных луж. Жабы хорошо переносят соленость воды. Я встречал их на островах озера Алаколь, вода которого содержит восемь-десять граммов соли на литр и не годится для питья. Много жаб и на Малом Сорбулаке, где есть все условия для их жизни.

Но в 1982 году сорбулакским жабам не повезло. Весной они отложили икру на мелководье. Вскоре вывелись головастики, заполнившие все водные отмели. Но после резкого падения уровня воды в озере, изменения ее химического состава многие головастики по-

гибли перед самым выходом на сушу. Жабыта в том году встречались редко даже вблизи водоема, тем более вдали от него.

Зеленая жаба — одно из полезнейших наших животных. Она охотится с наступлением темноты, когда дневные наши друзья, например насекомоядные птицы, спят. Уничтожая вредителей садов и огородов, она выполняет свою полезную работу как бы во вторую смену. Ее рацион в июне-августе: слизни, пауки, саранчовые, медведки, муравьи, клопы, мухи, жуки.

Жаба совершенно беззащитна перед человеком, а при хорошем к ней отношении всегда найдет место в саду или огороде и окупит симпатию к ней сторицей. Много ли надо жабе? Укрытие от дневной жары: ямы, пустоты под камнями, нора грызуна, прохлада густых кустарников, а для размножения весной — небольшой ручеек или постоянная лужица.

Теперь решайте, чего заслуживает зеленая жаба? Конечно, симпатии.

Закончилась моя сорбулакская экспедиция. В последние дни было не до бдений с блокнотом: перед отъездом почему-то всегда остается много «хвостов».

Еще раз я встретил восход. Это так просто: проснись рано, отверни стенку палатки и смотри на рождение нового дня. В последний раз сходил на Большой Сорбулак, в лесополосу, на разливы канала, сплавал на остров с колонией чаек, что находится напротив нашего лагеря...

Большой Сорбулак стал еще больше. Прибрежные затопленные заросли чия шевелятся от косяков сазана — началось второе в этом году икрометание. Малый Сорбулак, наоборот, почти высох, его берега еще пустые, но скоро сюда нагрянут перелетные с севера кулики. Травянистое ожерелье вокруг озера стало гуще, остров, где гнездятся чайки, буйно зарос, зато рядом, на равнине, почти все выгорело. Молодые чайки и крачки уже на крыле, в гнездах остались только еще утиные яйца.

Канал с разливами обмелел — больше воды пошло на полив. Но заросли рогаза и тростника зеленеют как ни в чем не бывало. Среди островков можно увидеть торопливо собирающих корм повзрослевших птенцов водяной курочки, черных, с короткими беленькими вздернутыми хвостиками, на длинноватых, как у девиц-подростков, ногах. Услышав тревожное кудахтанье матери, они улепетывают в глубь зарослей.

Распался лягушачий хор, их молодежь «резвится» в береговых зарослях. Все реже попадают змеи, черепахи и жабы. Среди птиц все больше видов, прибывающих с севера. Начался осенний перелет. Для орнитологов снова наступает горячая пора.

С сожалением расставался со своими «квартирантами» по палатке — ласточками. Они уже совершенно меня не опасались. Любимое их место — на передней оттяжке палатки или на флюгере из метелки тростника, где любит распевать самец, поворачиваясь вместе с примитивным указателем направления ветра под его порывами.

Я изредка заглядывал в их гнездо, используя зеркальце, но до конца насживания еще далеко, а отъезд уже близок. Я, естественно, попросил ребят присмотреть за опустевшей палаткой и гнездом. Опережая события скажу, что ветер все-таки с палаткой расправился — разодрал ее в клочья. А ласточки? Увы! Прошли все сроки, а потомства все не было. Причина этого, вероятно, в высокой температуре воздуха около гнезда. Оно действительно находилось в горячей зоне и отделялось от жаркого солнца только тонким брезентом. При наружной температуре 35 градусов под коньком палатки было 49. А злой ветер случился позже. Так печально закончилась попытка освоения ласточками нового жилья — брезентовой палатки.

По традиции ждет меня последний в этом сезоне экспедиционный обед. Уже за столом «господин случай» преподнес мне и остающимся еще один счастливый миг. Прямо над нами «проплывала» стая лебедей, девять больших птиц (мы их недавно издали видели на Большом Сорбулаке). Солнечная гладь озера, аккуратные строения на его берегу, выскочившие из-за стола люди и белоснежные величавые птицы низко над всем этим — картина прямо-таки для кисти художника. Я смотрел и досадовал — в такой момент не оказалось под рукой фотоаппарата...

Вот и вся сорбулакская эпопея. Теперь меня окружают другие люди, звуки и шумы большого города. Но наиболее яркие моменты недавнего бытия чередой проходят в сознании...

Осмысливая все виденное и слышанное на Сорбулаке, еще раз приходишь к мысли о неразрывности тех уз, которые связывают в единое сообщество все живое на Земле: беспозвоночных, земноводных, пресмыкающихся, пернатых, зверей и Homo sapiens. Каждый выполняет свою незаменимую миссию, отведенную ему природой, и все у нее равноправны. Но человек разумный кроме того еще ответственный и за судьбу всего живого.

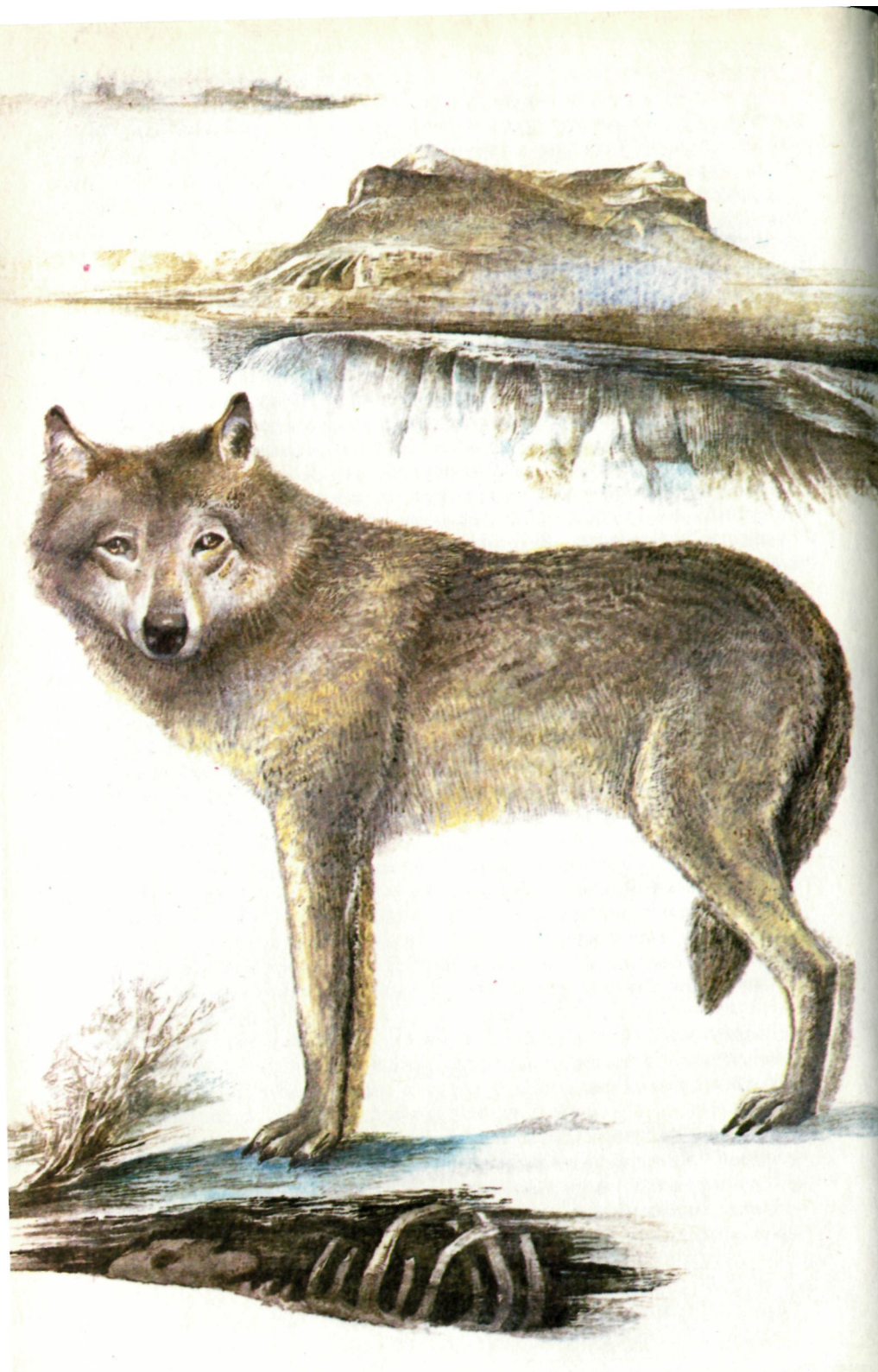
Владыка Приаральской равнины

«Минут через десять на сухом берегу того же ручья мы увидели сразу пять старых и молодых львов. Львы спали. Мы подъехали метров на сорок — спят! Двадцать метров..., десять. Три метра — спят! Позы как у спившихся личностей. Глава семьи с косматой, нечесаной гривой небрежно раскинул ноги и, кажется, специально для мух выставил туго набитый живот. Рядом с ним лежал, видимо, младший сынок. Двое детей постарше, не открывая глаз, хвостами сгоняли мух. Мама львица лежала чуть в стороне...» Африка! Живой музей под открытым небом! Царство диких зверей! Разве у нас можно увидеть что-либо подобное? — вздохнет некий очарованный чужими странами читатель, откладывая книгу талантливого писателя и журналиста, лауреата Ленинской премии Василия Михайловича Пескова «В гостях и дома», вышедшую в 1985 году на его родине — в Воронежском Центрально-Черноземном книжном издательстве.

Да, в век урбанизации, когда большинство людей скопилось в душных, закованных в асфальт городах и по характеру трудовой деятельности утратило возможности постоянного общения с живой природой, многим из нас трудно представить, что на необъятных просторах нашего Отечества сохранилось немало уголков первозданной природы, где можно увидеть, хотя и других, но не менее интересных представителей дикой фауны.

... Волк в понятии многих вполне обычный зверь. А такой ли он обычный? Для жителей некоторых стран он так же далек и таинственен, как для нас слон, лев, леопард... Несмотря на то, что этот зверь все историческое время существует рядом с людьми, человек еще недостаточно знает о нем, отчего нередко искажает действительность. В противоположность «хитрой лисе» он представлял его в рассказах, баснях, народных сказках таким страшным, всегда голодным, глуповатым простачком. Не так ли и сейчас выглядит волк на экранах полюбившихся нам развлекательных, полных веселого юмора, а порой поучительных мультипликационных фильмов из серии «Ну, погоди!»? А ведь в жизни волк далеко не такой растяпа! До недавнего времени даже ученые-специалисты не смогли отнести волка к разряду хорошо исследованных зверей фауны СССР.

Распространен волк очень широко: в Северной Америке, в Европе

и Азии вплоть до южной Индии и Индокитая, встречается в самых различных природных зонах: от холодной тундры до жаркой пустыни, а в горах вплоть до альпийского пояса. Однако на сегодня численность этого зверя резко сокращена в большинстве европейских стран, а в некоторых, например в Англии, он и вовсе исчез. Не случайно волк занесен в Красную книгу Международного союза охраны природы. В нашей стране он зарегистрирован повсюду, за исключением отдельных северных островов и Сахалина. Особенно его много в Казахстане, где, по самым скромным подсчетам ученых, обитает тридцать тысяч зверей.

В 1985 году в союзном издательстве «Наука» вышла подробная и нужная книга «Волк», подготовленная большим коллективом зоологов под редакцией профессора Д. И. Бибикова. Но в нее, к сожалению, не вошли все результаты региональных исследований, проведенных зоологами в различных ландшафтах страны. Самый значительный ее раздел — о поведении волка.

Более четверти века находясь в непосредственной близости, как говорят, «бок о бок» с казахстанским волком, обитающим в Северном Приаралье, мне удалось подметить некоторые интересные моменты его поведения, в частности взаимоотношений с человеком и сайгой. Об этом и хочется рассказать.

В Северном Приаралье обитает, по-видимому, степной подвид волка, занимающий промежуточное положение между сибирским и пустынным подвидами. Волк — крупный стройный зверь, внешне напоминает собаку — восточноевропейскую овчарку. В нашем районе средний вес самцов — 34, а самок — 28 килограммов, максимальный вес — до 50 килограммов. В Казахстане серый хищник встречается всюду, но в основном на равнине, в пустыне, полупустынных степях, предпочитая места с пересеченным рельефом. Логово устраивает обычно поближе к воде, так как постоянно нуждается в питье. Весной и летом волки держатся вблизи логова, а зимой кочуют и по безводным местам, утоляя жажду снегом. Питаются грызунами, зайцами, такими более мелкими хищниками, как лиса, корсак, перевязка, степной хорь, а также копытными. В районах, где этих животных мало, нападают на домашний скот.

Постоянные убежища волка чаще всего представлены норами, которые он обычно использует лишь в период рождения и воспитания молодняка. Рождают волки от двух до тринадцати детенышей, которые очень быстро растут и развиваются. К двум годам молодые уже сами способны к размножению. Серьезных врагов у волка, кроме человека, нет. Поэтому волк, зверь осторожный и «хитрый», успешно противостоит преследованию человека и всегда проявляет по отношению к нему острую наблюдательность и напряженное внимание.

... Вспоминаю тот далекий день, когда я, начинающий зоолог, впервые близко столкнулся с волком. Как-то в конце экспедиции я возвращался в лагерь вдоль берега пересохшей реки Чаган. Время от времени останавливался, чтобы осмотреть местность в бинокль, и

вдруг замер от неожиданности. В нескольких десятках шагов на противоположном берегу неподвижно стоял волк. Зверь заметил меня значительно раньше и теперь внимательно, с настороженностью и явным любопытством следил за мной. Положение было не из приятных. Ружье осталось в лагере, а под руками у меня лишь бинокль и записная книжка. Что делать? Мгновенно сообразив, что бегство всегда возбуждает у хищников инстинкт преследования и нападения, и стараясь внешне не выдать признаков охватившего меня страха, я медленно пошел вперед. Волк по противоположному берегу последовал за мной. Я остановился, стал и он. Так мы около минуты изучали один другого, после чего я вновь стал удаляться. Почти в точности копируя мои действия, не приближаясь и не останавливаясь, зверь неотступно следовал за мной. Так продолжалось до тех пор, пока из-за холма, наконец, не показался спасительный лагерь — две палатки и стоявшая около них автомашина. Увидев впереди что-то новое, зверь остановился, уселся по-собачьи и стал внимательно наблюдать за лагерем, провожая в то же время меня взглядом. Только после того как я подошел к палаткам, волк скрылся в одной из многочисленных береговых промоин. Впоследствии подобные встречи повторялись не раз, но эта, первая, навсегда осталась в памяти как самая яркая и впечатляющая.

Исследовавший волков в низовьях реки Тургай зоолог А. Н. Филимонов такие случаи следования волка за человеком назвал «проводами». Помимо проводов, для этих хищников характерны «подходы», когда звери по собственной инициативе приближаются к человеку. Вот как описывает А. Н. Филимонов один из таких эпизодов. «... В урочище Баба мы заметили пару матерых волков в двух километрах от нас, преследовавших одиночную сайгу. Мы остановились и сели на землю, наблюдая за ними. Прекратив ставшую бесполезной погоню, волки оглянулись и заметили нас; резко изменив направление движения, они рысью, иногда переходя на галоп, стали приближаться к нам. Подойдя метров на сто, волки перешли на осторожный шаг; не доходя до нас метров семьдесят, волчица, куснув самца за плечо, резко отвернула в сторону и скрылась за холмами, волк же продолжал подходить, постепенно обходя по дуге, и метрах в тридцати сел, и сидел минут пятнадцать, разглядывая нас».

Помимо «проводов» и «подходов», волкам свойственно «наблюдение за лагерем», когда звери подходят к месту стоянки людей и остаются неподалеку длительное время. В конце мая 1980 года мы ночевали на берегу Аральского моря в двенадцати километрах от рыбацкого поселка Ак Эспе. К вечеру темные грозные тучи еще больше сгустились. Засверкали молнии. Совсем близко раздалась гулкие раскаты грома. Пошел дождь. Хлестко, словно по барабану, стучал он по туго натянутому брезенту палатки. Уставший после длительного переезда на автомашине по бездорожью, томясь от несвойственной обычно пустыне влажной вечерней духоты, я лег на раскладушку, головой в сторону рас-

пахнутого входа в палатку и, несмотря на гром, скоро заснул.

В дождливую погоду обычно хорошо и крепко спится. Поэтому я не смог понять, сколько времени прошло, когда прекратился дождь и засветила луна. Внезапно какой-то, словно электрический, импульс пронзил сознание. Я проснулся и тут же почувствовал рядом присутствие постороннего живого существа. Открыл глаза и вдруг увидел у изголовья морду крупной собаки, которая тут же бесшумно исчезла. Я не придавал этому особого значения. Такое случалось и прежде. Когда мы располагались на ночь вблизи населенных пунктов, голодные собаки в поисках пищи не раз посещали лагерь. Лежа с открытыми глазами, я еще несколько минут размышлял, откуда могла забрести собака? Ближайший поселок был далеко, юрт и аулов вблизи не было. Вдруг в тишине ночи до слуха донесся звук падающего металлического ведра. Осторожно, стараясь не скрипнуть раскладушкой, я приподнялся на локте, выглянул наружу и сразу увидел их. Они стояли в нескольких шагах от поваленного на бок ведра у потухшего костра. Полные напряженного внимания позы, торчащие уши, опущенные вниз, поджатые под ноги хвосты. Волки! — мелькнуло в сознании, и рука автоматически потянулась к лежавшему рядом ружью. Пока я в спешке, непослушными от возбуждения руками пытался вынуть его из чехла, волки успели скрыться.

Невольнo вспомнилась и та осенняя лунная ночь, когда я, как ошалелый, выскочил из спального мешка от звука прогремевшего выстрела. Что случилось? — с тревогой подумал я. И тут же, как ответ на мой немой вопрос, за палаткой раздался голос нашего шофера И. К. Слюсарева, страстного охотника и шутника: «Не всегда Магомет идет к горе, бывает, и гора идет к Магомету». «Что произошло, Магомет?» — в тон ему спросил я. «Убил волка» — спокойно, как будто это был обыкновенный будничныи случай, сказал он. Все случилось, действительно, донельзя просто. Слюсарев, «голубой мечтой» которого было добыть волка, почти никогда не расставался с ружьем, даже ночью он спал с ним в кузове автомобиля. Разбудили его какие-то посторонние звуки, он выглянул через борт, увидел волка и тут же застрелил его.

На этот раз волки, появившиеся в лагере, вели себя более дерзко. Утром по следам, оставленным на сыром песке, я установил, что, прежде чем подойти к открытой палатке, звери детально ознакомились с окружающей обстановкой. Сначала они подошли к груде лежавших в отдалении ящиков, затем обошли вокруг грузовой машины, обследовали со всех сторон закрытую наглухо соседнюю палатку, в которой находились пять человек, приблизились к моей распахнутой палатке, а затем к залитому дождем костру. Хотя они не оказались людоедами, наглость их не укладывалась ни в какие рамки. На рассвете, зарядив ружье картечью, я отправился по их следам.

Две цепочки следов зверей, шагавших рядом по двум колеям влажной после дождя дороги, вели к месту стоянки другой нашей группы. Пространство вокруг одиноко белевшей в степи палатки, приютившей трех человек, было испещрено множеством волчьих следов. Хотя уже высоко поднялось солнце, палатка была застегнута изнутри, люди в ней спали. «Данабек! — громко окликнул я одного из них. — Не напугали ли вас волки?» — «Да, они нагнали на нас, сонных, страху. После их визита мы долго не могли уснуть», — ответил он и рассказал, что ночью звери «хозяйничали» рядом с палаткой, а утром выяснилось, что они утащили большой кусок сырой баранины, подвешенный к одной из веревок, растягивающих палатку. Продолжая дальше тропление, я вскоре увидел волков. Они спокойно удалялись вдоль берега моря к видневшимся впереди далеким холмам, где преследовать их было уже невозможно.

У читающего эти строки может невольно возникнуть вопрос: опасен ли волк для человека? Ответ неоднозначен. Как и всякий крупный хищник, волк потенциально опасен, и отдельные случаи его нападения на человека бывали. Несомненно, однако, что для волка всегда характерна оборонительная реакция — боязнь человека. Более четверти века наблюдая за волками, я порой имел с ними самые напряженные контакты: отбирал у них добычу, даже забирал из логова потомство и т. п., но ни разу не подвергался их нападению.

Однажды в жаркий июльский день на берегу озера Челкар-Тенгиз, в нескольких десятках шагов от воды я обнаружил жилое волчье логово. Многочисленные следы вокруг него, соединяясь в отдельных местах в торные тропки, вели к водою. Обычно в полуденный зной волчата отсиживаются в прохладной норе. Чтобы убедиться в этом, я срезал с растущего неподалеку куста джингила длинный прут и засунул его глубоко в нору. Когда щуп уперся во что-то податливо мягкое и, казалось, живое, я с легким нажатием повернул его, вытащил и осмотрел. На конце его оказались волоски щенячьей шерсти. Удача! Волчата в норе! Но как их оттуда извлечь? Думая об этом, повторил попытку, но тут же почувствовал такой сильный рывок, что едва удержал прут в руке. Дальнейшее знакомство с волчицей, которая оказалась в норе, не сулило ничего хорошего, и я поспешно ретировался. Через несколько часов, когда, захватив в лагере лопату и на всякий случай ружье, в сопровождении помощника вернулся в надежде раскопать нору, она была пуста. Волчица-мать увела детенышей в прибрежные тростники.

Не сообщалось о случаях нападения здоровых волков на человека и местное население. Другое дело — раненые или бешеные. Такие звери крайне опасны. Раненый волк, когда его преследуют, обычно бесстрашно обороняется. В исступлении бросается он на человека, автомашину. Я не раз наблюдал даже, ког-

да хищник в ярости, с оскаленной пастью пытался прыгать на летевший за ним самолет.

Знакомый пилот рассказал мне следующий случай, едва не окончившийся для него трагически. В конце пятидесятых годов в авиации использовали легкий самолет Як-12 — моноплан с верхним расположением крыла. Из его четырехместной кабины открывался хороший обзор, а с места пассажира, сидящего справа рядом с пилотом, было удобно стрелять из ружья. Самолет часто использовали для работы представители госохотинспекции. В один из полетов зимой над Северным Устьуртом пилот и летевший с ним егерь заметили бегущего впереди одиночного волка. На бреющем полете самолет быстро настиг зверя. Егерь выстрелил. Волк кувыркнулся и остался лежать неподвижно. Совершив неподалеку посадку, они стали подходить к убитому, как сочли, волку, но тот неожиданно вскочил и бросился на людей. Более расторопный, к тому же легко одетый стрелок стремглав побежал к самолету. Облаченный в стесняющий движения меховой комбинезон и собачьи унты пилот не успевал за ним. Пытаясь отвлечь от себя внимание зверя, он бросил ему мешавшие краги. Отвлекающая уловка оказалась безуспешной. Не проявив к ним интереса, волк настиг убежавшего пилота и вцепился ему в зад, прокусив и порвав в нескольких местах плотный комбинезон. Пока пилот оборонялся, напарник добежал до самолета, успел схватить остававшееся там ружье и добил зверя.

Бешеный волк теряет обычную осторожность и чувство страха. Он может неожиданно появиться у юрт чабанов, у ферм, забрести в поселок. Буйству и неистовству его нет границ. Потребность кусать встречное — живое и неживое — неутолима. Чаще всего от укусов больного зверя страдают люди, работающие вдали от населенных пунктов: животноводы, члены их семей, сотрудники экспедиций...

В Казахстане волк тесно связан с сайгой — основной для него пищей, без которой численность этого хищника вряд ли была бы такой высокой и стабильной. Сайга, напоминающая внешне небольшую антилопу, но родственная козлам, — одно из немногих животных и самое многочисленное из копытных, которое в основном обитает в нашей стране и лишь частично заходит в Китай и Монголию. Причем преимущественно живет в Казахстане. Недаром известный исследователь животных Африки, страстный борец за охрану редких и исчезающих животных, немецкий профессор Бернгард Гржимек, побывавший в 1963 году в Казахстане и познакомившийся с сайгой, в своей книге «Дикое животное и человек» посвятил ей отдельную главу, которую назвал «Чудо в Казахстане». Тот, кому посчастливилось хоть раз увидеть в степи огромные стада сайги, вряд ли сможет забыть это грандиозное зрелище.

Там, где она живет, волки, как правило, кочуют следом за

ней, за исключением теплого периода, когда хищники выводят молодняк и временно ведут оседлый образ жизни. Зависимость волка от сайги особенно заметна зимой, когда возможность добывания пищи резко ухудшается. Разнообразны приемы охоты серых. Это и подкарауливание с последующим коротким броском, скрадывание, перехваты, нагоны на засаду, загоны в топкие солончаки, а зимой — в глубокий снег, на наст и т. д.

... Как-то в погожий октябрьский день, один из тех, когда в Приаралье после осеннего ненастья обычно устанавливается на время хорошая погода, спрятавшись за пожелтевшими от ночных заморозков кустами тамарикса, я наблюдал за поведением стада сайги. От кромки песков, где я замаскировался, до берега реки Тургай, окаймленного узкой полосой кустарников, в широкой долине паслось около двух тысяч животных. Большое стадо сайги я видел не впервые, но, глядя на него, каждый раз испытывал чувство восхищения и гордости за то, что в нашей стране, как и в Африке, есть еще возможности созерцать столь значительные скопления животных.

Рассредоточившись на пастбище, животные мирно паслись. Покой и гармония царили над землей. Вдруг среди застывшей тишины, как гром среди ясного неба, раздался короткий вой волка. Вглядываясь в направлении, откуда донесся знакомый звук, я несколько минут не мог обнаружить зверя, находящегося среди массы животных, которые, не проявляя никаких внешних признаков беспокойства, продолжали щипать траву. Когда я уже стал сомневаться, не ослышался ли, вой прозвучал снова, и тут я увидел хищника. То и дело меняя направление движения, словно в каком-то живом лабиринте, зверь петлял среди сайгаков. Вот он стал приближаться к одной из самок. Резкий бросок в ее сторону. Но она, словно сжатая пружина, отскочила на несколько шагов и тут же, как ни в чем не бывало, вновь принялась пастись. Скачок сайги в сторону в сочетании с продолжением прерванного «занятия» напомнил смахивание назойливой мухи. Находившиеся вблизи этой сцены животные, не реагируя на происходящее, продолжали пастись. В течение получаса волк сделал еще несколько безуспешных попыток, каждый раз выбирая новое животное. Поняв, что усилия напрасны, хищник сел по собачьи и, будто от обиды, тоскливо завыл.

Казахстанские ученые А. А. Слудский, В. А. Фадеев установили, что в период миграций, которые происходят у сайги весной и осенью, волки редко появляются вблизи крупных ее скоплений. Чаще всего они нападают на мелкие и менее осторожные табунки, идущие за основной массой копытных. Конечно, из этого правила бывают и исключения. Как-то в мае во время миграций я наблюдал, как тысячное стадо сайги, поднимая пыль, двигалось по склону глинистого холма. А с его вершины за стадом следили два матерых волка. Затем не спеша по одной из ложбин они начали спускаться в сторону основной массы животных.

После того как стадо миновало склон, я направился вдоль одной из ложбин к месту, где последний раз увидел хищников. Вдруг впереди, примерно в сотне метров от меня, они оба выскочили из промоины и побежали в гору. Здесь же, на дне промоины, лежал только что зарезанный, еще не тронутый ими крупный рогац со вспоротым боком и следами покусов на шее.

Волк способен бежать быстро лишь на короткие расстояния, к тому же в скорости бега он заметно уступает сайге. Поэтому пробежав за стадом сто-двести метров и не сумев схватить добычу, звери обычно останавливаются. Такое их поведение является как бы «пробой сил». Хищники пытаются выявить и убить ослабевших по той или иной причине животных, которых как бы выбраковывают. Таким образом, удача сопутствует серому не всегда. Ему редко удается в одиночку поймать сайгу, которая хорошо угадывает его намерения, предугадывает время, скорость броска и дистанцию, с которой волк может начать атаку. В свою очередь, когда хищник более или менее уверен в успехе, он может длительно и упорно преследовать сайгу. Догонять ее он старается, как правило, в тех местах, где на пути встречаются препятствия, перед которыми жертва бывает вынуждена снижать темп бега.

Яркую, полную драматизма сцену такой удачной волчьей охоты я наблюдал летом в пойме реки Эмба. Река в этот сезон года почти пересохла и существовала лишь в виде отдельных, мелководных протоков и ручейков, извивающихся среди голой широкой песчаной поймы. С удобного места на краю высокого обрыва это открытое пространство, как цирковая арена, хорошо просматривалось. По плотному сырому песку к воде не спеша, настороженно оглядываясь по сторонам, приближалась самка сайги с детенышем.

С противоположной стороны реки из-за кустов прибрежного тальника за ней внимательно следил волк. Зверь, по-видимому, хорошо знал водопой сайги и выбрал наиболее подходящее место. Самка, зайдя почти по брюхо в воду, начала пить. Теперь их разделяло расстояние около десяти метров. Шумный прыжок в воду. Сноп искрящихся на солнце брызг. Сократив расстояние до пяти метров, волк помчался за сайгой двухметровыми прыжками. Стараясь уйти от преследования, бежавший рядом с матерью сайгаченок резко отвернул вправо. Не снижая темп, волк продолжал преследовать самку. Дважды жертва и хищник на большой скорости преодолевали неширокие броды. Волк гнался за сайгой, стараясь приблизиться к ней то справа, то слева. Наткнувшись на третий брод, самка сделала крутую петлю и помчалась в противоположном направлении, но перед другой водной преградой еще более замешкалась. Этого было достаточно. Волк рванул ее за левый пах, в мгновение схватил упавшую за горло, после чего все было кончено. Затем зверь волок ее по песку и через брод затащил в кусты на берегу. Я направился туда, он

подпустил меня на расстояние немного дальше ружейного выстрела и, бросив добычу, скрылся.

В условиях бесконтрольного размножения волк наносит немалый ущерб домашним и диким животным. Это вызывает необходимость жесткого государственного регулирования его численности. Именно поэтому охота на него разрешена в любое время года.

Волки питаются сайгой не всегда. Когда эти копытные откочевывают, звери переходят на питание другими животными. Среди них преобладают грызуны: сурки, желтый и малый суслики, большие песчанки. Обычно волк медленно, с остановками подползает к удалившемуся от норы во время кормежки зверьку. Затем, выбрав удобный момент, делает бросок и быстро ловит его. Волки хорошо знают места концентрации грызунов и время их активности. К их поселениям они подходят, когда зверьки ранней весной начинают выходить на поверхность, но мелких мышевидных грызунов мастерски добывают и зимой из-под снега.

Я не раз с интересом наблюдал эти полные азарта волчьи охоты. Обнаружив участок, заселенный полевыми, хищник начинает возбужденно двигаться от одного до другого торчащего из-под снега предмета, будь то куст, кочка, пучок травы и т. д. Когда он близко почувствует самого зверька, поведение его еще более преобразуется. Реакция становится быстрой и резкой. Пытаясь поймать невидимую под снегом полевку, он мечется, торпливо тыкаясь мордой в снег, усиленно принохивается, издавая при этом звуки, напоминающие чихание и фыркание. Иногда он «волчком» кружится на месте, прыгает в стороны и вверх, стараясь во время приземления прижать добычу лапами или сразу схватить зубами. Поймав зверька, он тут же, придавив его, наспех, не разжевывая, проглатывает. Когда полевок много и их легко удастся добыть, волк наедается до полного насыщения. Мышевидные грызуны — постоянный питательный и калорийный корм волков не только в Казахстане, но и в других регионах.

Существует неправильное мнение о необычайной прожорливости волка. Основано оно на том, что после волчьего пиршества от жертвы остаются иногда жалкие остатки. Но, по-видимому, немногие знают, что большую часть мяса волки растаскивают или закапывают про запас. При обилии пищи эта особенность свойственна им почти всегда. В нормальных условиях зверь в сутки съедает в среднем немногим более килограмма мяса. Только после длительного голодания он может съесть до восьми килограммов. К такому выводу пришли исследователи Е. Н. Мычко и А. В. Шубкина. Чтобы убедиться, сколько может вместить желудок волка, я также проделал опыт. Отпрепарировав несколько волчьих желудков, наполнил каждый из них водой до предела. Максимальная вместимость составила семь с половиной литров. У исследованных нами хищников средняя масса содержимого желудка колебалась между полутора и двумя килограммами.

Таким образом, рассказы о безмерной прожорливости волка относятся к категории выдумок.

В моей комнате на стене висят несколько шкур взрослых волков, добытых в Северном Приаралье. Я сохранил их не только как охотничьи трофеи, но прежде всего потому, что каждая из них оригинальна по окраске. Наряду с обычным серым цветом, который дал волку и соответствующее имя-синоним, особенно распространенное в народном творчестве, здесь есть совершенно светлая, почти белая шкура, коричнево-охристая и особенно привлекающая к себе внимание ярко-рыжая. Коллекция всегда вызывает у посещающих меня друзей и знакомых неизменный интерес. Особенно курьезные вопросы о волке задают люди, далекие от общения с природой. Может быть, именно потому, что рыжий волк больше всех годился бы на красивый пушистый дамский воротник, чаще всего им интересуются женщины. «Где Вам удалось добыть такую большую лису?» — как-то заинтересовалась одна из них. Когда я ответил, что это не лиса, а волк, она с недоверчивой улыбкой спросила: «А разве рыжие волки бывают?» «Иногда встречаются даже черные», — ответил я и рассказал о том, как мне вместе с друзьями Ф. М. Ворониным и В. Р. Красильниковым удалось добыть черного волка.

... К наступлению сумерек мы сидели в глубокой расщелине оврага на расстоянии верного ружейного выстрела у «привады», посещаемой волками. Ждать пришлось долго. Волки появились, словно призраки, — тихо и неожиданно. В сиянии лунного света мы увидели семь зверей. Послышался хруст разгрызаемых костей. Пора! Осторожно высовываемся из укрытия. Гремят выстрелы. Гулкое эхо прокатывается по оврагу, и сразу становится как-то особенно тихо. Оставшиеся в живых волки разбежались. Осторожно, держа ружья наготове, приблизились мы к приваде и замерли от изумления. Издали в полутьме все звери казались одинаковыми, и вдруг среди трех убитых один оказался черным. Случай выглядел сенсационным. После того как он был описан в газете «Актюбинская правда», а затем в короткой заметке в «Известиях» за 8 января 1970 года под рубрикой «Мир интересного», он пересказывался еще в ряде газет. Однако ничего сверхъестественного в этом факте не было. Наряду с обычными серыми порой встречаются чисто белые звери — альбиносы, желто-белые — хромисты и черные — меланисты. Случаи добычи таких зверей были известны еще в прошлом столетии. Черный волк с желтыми пятнами под глазами был описан в 1871 году. В книге А. Брэма «Жизнь животных» (М., 1937) сообщается о том, что «темноокрашенные и даже совершенно черные волки встречаются изредка всюду...»

В коллекции зоологического музея Московского государственного университета и сейчас хранится чучело ржаво-желтого волка, отстрелянного в Рязанской губернии в конце девятнадцатого столетия. В. Песков, автор популярной статьи о волке, опубликован-

ной в «Комсомольской правде» в январе 1969 года, писал, что на Кавказе, среди взятых из логова волчат, находился белый щенок. Затем в газете «Известия» несколько раз сообщалось о волках самых разных окрасок. Добытый нами зверь отличался к тому же одной интересной биологической особенностью. У него оказалось 44 зуба вместо 42, как это бывает у обыкновенных волков и собак. Черный волк явился первым из описанных в Казахстане. Шкура его не попала в мою коллекцию. Вместе с отпрепарированным скелетом она была отправлена в Алма-Ату на хранение в коллекцию Института зоологии Академии наук Казахской ССР, а в данное время, по соглашению об обмене научным фондом, находится в Федеративной Республике Германии.

В дальнейшем число встреч с нетипичными по цвету волками увеличилось. Так, в июле 1977 года в песках Тайсуган охотники добыли четыре молодых и два взрослых черных зверя. По их словам, раньше волков подобной окраски они никогда не видели. Трудно, однако, утверждать, чистопородные это звери или волче-собачьи гибриды, появившиеся в отдельных регионах страны в связи с массовым уничтожением волков. Подробности о них можно прочитать в интересной научно-популярной статье, опубликованной в журнале «Природа» (№ 3 за 1982 г.) известными зоологами Л. С. Рябовым и Д. И. Бибиковым.

Во время приемки пушными организациями нетипичных волков часто случаются казусы. Однажды в Челкарскую заготконтору охотник принес шкуру убитого им волка, за которую полагалась выплата денежной премии. Приемщик был неопытен. «Шкур собак не принимаем», — заявил он. Потребовалось вмешательство специалиста для доказательства того, что шкура принадлежит волку. Денежная премия охотнику была выплачена. Между тем отличить волчью шкуру от похожей на нее по окраске собачьей не так уж трудно. Для этого достаточно вырвать на загривке один грубый, так называемый, направляющий волос и внимательно его рассмотреть. У волка он имеет всегда четырехзонарную окраску: светлое его основание переходит в бурую, затем белую окраску и заканчивается наиболее длинной темной частью, тогда как даже у похожей по окраске собаки (у овчарки) волос имеет всего две зоны: светлое основание заканчивается более или менее темной частью. Кроме того, у волка в отличие от собаки на наружной стороне хвоста, ближе к его середине, заметно темное, иногда черное пятно, да и кончик хвоста темный, чаще черный.

Казахстанские ученые доказали, что, охотясь на сайгаков, волки убивают обычно стареющих и неполноценных в физическом отношении животных, оздоравливая тем самым популяцию и не оказывая заметного влияния на численность сайги, так как не причиняют ущерба основному стаду производителей. В местах обитания и сосредоточения сайгаков волки почти не нападают на скот, и поголовное истребление их там нецелесообразно. Иное

дело, когда серый хищник наносит урон животноводству. Здесь с ним нужно бороться решительно.

Между тем линия отношения человека к волку никогда не была прямолинейной. Например, к концу 60-х годов численность хищника резко снизилась как следствие его усиленного истребления. В это время в русском переводе вышла талантливо написанная книга канадского исследователя Фарли Моуэта «Не кричи: „Волки“». Под впечатлением ее, а также ряда статей в защиту зверя, в отношении к нему произошел перелом. Покатилась обратная волна. Его все реже стали называть врагом, а именовали «санитаром», «селекционером». Примерно через десятилетие численность волков вновь возросла, а отсюда увеличились и масштабы причиняемого им вреда. Волка опять начали повсюду уничтожать. Появился даже воинственный призыв: «Смотреть на волка через прорезь прицела». Но такой односторонний подход неправилен. А истина, как давно доказали ученые, в том, что деление животных на вредных и полезных неоправданно. Нельзя бездумно просто решать серьезные экологические проблемы. Разумнее стараться поддерживать численность серого на том уровне, когда причиняемый им вред будет мало ощутим по сравнению с пользой.

Забываясь о подъеме животноводства, вряд ли следует винить волка в том, что он является в некоторых районах чуть ли не основным тормозом в развитии отрасли. Как-то в одном из номеров сатирического журнала «Шмель» была помещена юмореска. На рисунке изображены зубастый волк и стоящий перед ним на трясущихся полусогнутых ногах человек. Смысл рисунка заключался в следующем. Встретив в степи одинокого путника, волк принял его за председателя колхоза и решил с ним расправиться. Узнав, что это агроном, он примирительно сказал: «Ты молодец, густые бурьяны по полю развел, есть где мне скрываться. Иди и передай председателю, что я все равно его прикончу. Много баранов поел он с друзьями, а всех на меня записал».

В этой смешной картинке скрыта жизненная правда. Не слишком ли часто и несправедливо кое-кто из хозяйственников обвиняет волка, стараясь скрыть свои грехи? Однажды зимой в совхозе «Таупский» мне довелось стать случайным свидетелем того, как волк проник в оставленную открытой на ночь бетонную кошару, загрыз несколько овец, а большая их часть погибла от давки. Слушаев подобной беспечности со стороны людей можно привести, к сожалению, немало.

Волки, действительно, причиняют ущерб, нападая на скот. В том, что в Казахстане с его интенсивно развитым животноводством с ними нужно вести неослабную борьбу, вряд ли кто сомневается. Недаром за уничтожение волка полагается денежная премия. Однако полностью сваливать вину на зверя нечестно.

Отстрел хищников необходимо сочетать с различными профилактическими мерами, которые помогли бы предотвратить воз-

можные случаи их появления вблизи мест выпаса и содержания скота. При правильно организованном регулировании численности волков можно получать значительный экономический эффект от заготовки их шкур — легких, прочных и красивых. Они всегда пользовались спросом. Из них изготавливают теплые шубы, тулупы, спальные мешки, шапки, воротники. Особенно ценится мех волка на международном рынке.

В борьбе с волком, как хотелось бы еще раз подчеркнуть, необходимы разумные пределы. Человеку не дано право произвольно нарушать сложившееся веками в природе экологическое равновесие. Много еще загадок задает нам этот умный, красивый и сильный зверь. Он интересен всем, кто его наблюдает и изучает. Волк должен всегда оставаться одним из компонентов всего многообразия животного мира.

Длинноухий спринтер

Как-то в кругу туристов у костра, когда по традиции каждый рассказывал о своем городе, о себе, о профессии, зашел спор о том, какой смысл изучать животных всем известных, ну, скажем, зайцев. Что нового можно узнать о них, кому это нужно? Потомкам? Так все с детства знают зайца по сказкам, картинкам, мультфильмам, как такого «трусливого оптимиста». Вот и пословица «Труслив как заяц» широко бытует. Пospорив о том, что заячий оптимизм, как, впрочем, и трусость значительно преувеличены, согласились в одном: длинноухого мы еще знаем недостаточно.

Зайцы, которых еще не так давно в отечественной литературе относили к отряду грызунов, в свете новых исследований принадлежат к самостоятельному отряду зайцеобразных, близкому к грызунам, но в то же время и отличному от них анатомически, физиологически да и образом жизни. К примеру, зайцы имеют вторую пару резцов, более мелких и располагающихся на верхней челюсти позади двух передних крупных. Причем резцы обладают постоянным ростом, то есть стираются и растут одновременно вновь. Нам бы такие зубы! Кто знает, может быть, ученые когда-нибудь выяснят закономерность такого роста и используют его в стоматологии?

В отряд зайцеобразных входят два семейства, внешне мало сходные: пищухи — маленькие, почти бесхвостые, вечно озабоченные существа, короткоухие и коротконогие. А зайцы крупные, длинноухие, с удлинненными задними ногами, быстрые в движениях. Они живут практически во всех известных климатических регионах Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Африки и даже в покрытой льдами Гренландии.

В Казахстане обитают три вида зайца — русак, беляк и песчаник. Первый из названных наиболее типичен и изучен. Но именно ему мы и посвящаем наш очерк. Почему?

Русак — самый крупный из зайцев, обитающих на территории Советского Союза. Длина тела превышает пятьдесят три сантиметра, а вес достигает пяти-шести килограммов. Уши длинные, ланцетовидные, с черной широкой каймой. Хвост клиновидный с черной полосой на верхней стороне. Летом меховой покров русака рыжеватый, с песчаным оттенком, а зимой сильно белеет, но на

спине обязательно остается более темное пятно. Линяет он дважды в год — весной и осенью. Самки крупнее самцов.

Русак — характерный для Казахстана обитатель открытых пространств: лесостепей, степей, полупустынь и даже пустынь. А как известно, на открытых пространствах живут самые быстрые бегуны планеты. Русак отличный бегун, но на короткие дистанции. Он может бежать со скоростью до шестидесяти километров в час, мгновенно удаляется от опасности, а затем, путая следы, залегает или продолжает убежать обычно кругами, но уже на небольшой скорости. Свойство «спринтера» помогает зайцу спастись от врагов. Стремительному бегу способствуют слегка вытянутая голова и задние конечности, которые почти вдвое длиннее передних. Вот в самых общих чертах внешний облик русака.

В Казахстане этот заяц распространен широко: от песчаных пустынь на юге (Уральская, Гурьевская области) до лесостепи на севере (Кустанайская, Северо-Казахстанская области). В отличие от многих зверей русак довольно быстро распространяется. За последние пятьдесят лет он расселялся ежегодно в среднем на восемь-десять километров, причем не постепенно, а только в благоприятные годы, то есть когда теплая весна, хорошие корма, невысокий снежный покров и т. д. В такие годы он и проникал на новые территории, а в плохие ему приходилось отступать. Потом он вновь появлялся здесь.

Насколько быстро русак расселялся на восток и север, настолько медленно на юг, где обитает его конкурент: заяц-песчаник, или толай, самый мелкий представитель отряда. Этот очень верткий и быстрый зверек распространен на юге Казахстана, предпочитая знойные песчаные пустыни, где он хорошо приспособился к обитанию среди зарослей местной растительности — саксаула, тамарикса, джужгуна и т. п. Русак не смог прижиться в южных районах республики даже тогда, когда ему попытались в этом помочь. Очевидно, помешало соседство с толаем. Так, в 1958—1963 годах в Алма-Атинской области в долинах рек Или и Иссык с целью акклиматизации было выпущено четыреста русаков. Но они не прижились. В те годы высокой там оказалась численность зайца-песчаника. Кроме того, бедные переселенцы, возможно, страдали от местных клещей и других паразитов.

А вот с зайцем-беляком русак живет в мирном соседстве, деля «место под солнцем» сообразно привычному образу жизни: русак любит обширные открытые поляны, опушки леса или редкий кустарник, беляк же предпочитает лес, да погуще. Этот заяц — лесной житель. Вся его жизнь тесно связана с древесными и кустарниковыми зарослями, где он отлично ориентируется. Летом его окраска темная — палево-землисто-сероватая, а зимой — полностью белая, и только кончики ушей остаются темными. Конкуренция между русаком и беляком тоже существует, но в основном из-за «жилищного» вопроса. Чем больше лесных массивов, тем многочисленнее беляк, и наоборот. Доброе сосед-

ство бывает чревато неожиданными последствиями, особенно весной, когда никакие отличия не в силах предотвратить брачные союзы беляков и русаков — этих немного разных по внешности и привычкам видов зайцев. А потом рождаются гибридные дети — тумак, они обычно крупнее русаков, а от белячьих предков наследуют окраску. И явление это не такое уж редкое. В литературе описаны случаи массового появления тумак в Сибири, на Алтае, причем в одних случаях тумак имели сходство с беляками, в других — с русаками.

Рефлекс расселения у русаков настолько силен, что, например, на Украине в многоснежные зимы, спасаясь от голода, зайцы собирались, образуя своеобразные временные «стада». И уже совместно они совершали переходы на десятки километров. Достигая благоприятных мест обитания, русаки вновь рассредоточивались на большой территории. В Казахстане такие «стада» — очень редкое явление.

Ну а раз стадо, то обычно должен быть и его вожак, проявляющий большую активность и осмотрительность. Но зайца представить вожаком трудно, не правда ли? Легче поверить в хитрого да косого, который при преследовании «вызывает огонь» не на себя, а выгоняет, например, с лежки молодого, прячась в его убежище. Так оно в действительности и есть. Никаких признаков «социальной» иерархии у зайцев, даже тогда, когда они на короткое время группируются, не замечено. Основной фактор их миграции — это пища. В Западной Европе, где зимы мягкие и нет недостатка в корме, зайцы вообще не мигрируют.

Русаки могут и плавать, но на короткие расстояния — сто-двести метров. Пловцы они неважные. В воде, скорее, беспомощны, переднюю часть тела пытаются повысить поднят над водой, а задними лапами делают много бесполезных движений, что требует лишней затраты энергии. Многие зайцы быстро теряют силы, шерсть их намокает, и они тонут. Так они гибнут весной во время половодья, а еще чаще от переохладения. Тем не менее зайцы часто переплывают ручьи и неширокие реки, кочуя в поисках более благоприятных мест.

Несмотря на кочевки и на способность к расширению «своих владений», русакам свойственно и привыкание к уже обжитым местам. Встречаясь, как мы уже говорили, во всех природных зонах Казахстана (за исключением гор) и занимая самые разнообразные биотопы, русак предпочитает песчаные пустыни Уральской и Гурьевской областей. Здесь меньше снега, доступнее корма. В песках русаки держатся весь год. Песок конденсирует влагу воздуха, и поэтому здесь дольше сохраняется зеленая растительность. Заросли жимолости, шиповника, тамарикса, ивняка, различных видов трав, особенно по пойменным пескам, служат для зверьков довольно надежным убежищем. Самые лучшие условия для себя русак издавна нашел в Волжско-Уральских песках и в пойме реки Урал.

Степь в местах с пересеченным рельефом (оврагами, балками), полезащитными полосами и лесными колками, чередующимися с посевами зерновых культур, тоже благоприятна для русаков. Здесь они находят хорошие укрытия и питание. Зимой зверьки переселяются в более защищенные места, концентрируясь возле лесных насаждений, в балках, займищах. В многоснежные зимы близко подходят к поселкам и обитают в бурьянах, на залежах, в огородах, садах и в низинах вокруг озер.

В отличие от многих зверей, строящих удобные жилища (гнезда, норы), зайцы отдыхают и даже рожают детенышей на лежках — в небольших лунках глубиной до десяти сантиметров. Там они лежат, плотно прижавшись к земле, буквально «слившись» с ней, прижав уши к туловищу. Располагаются лежки чаще возле воды, в кустах, но в жаркие дни — на возвышенных местах. Края их обычно обрамляет трава, что делает зайца менее заметным для хищников. Лежат зверьки всегда головой против ветра. Зимой они устраивают лежку с подветренной стороны — за деревом, за сугробом снега. На дне такой лунки снег обычно подтаивает. При большом снеге, сильном ветре и наступлении морозов русаки, подобно зайцу-беляку, залегают в выкопанные снежные норы, а в рыхлый сугроб буквально «ныряют» на бегу.

Однажды на реке Урал мы наблюдали за зайцем, внезапно появившимся впереди нас и также внезапно вдруг исчезнувшим из поля зрения. Оказалось, он «нырнул» в сугроб и притаился. А вот другой случай. Дул сильный ветер с поземкой. В кустах терна мы вспугнули зайца, который, пробежав некоторое время, исчез в сугробе. Подойдя к нему вплотную, мы опешили: заяц внезапно выскочил, но не сбоку через входное отверстие, где его ожидали, а вверх — взорвав 70-сантиметровую толщу снега.

Зима всегда тяжелый период для животных вообще и для русаков в частности. После выпадения снега вскоре появляются хорошо утрамбованные лапками зверьков тропы протяженностью в два-три километра, охватывающие основные места обитания зайцев. Такие «магистральи» постоянно обновляются. Выпавший снег зверьки утаптывают за одну ночь. Чем сильнее морозы, тем, естественно, быстрее бегают зайцы, согреваясь от холода. Тропы расширяются до тридцати-сорока сантиметров, глубина же их зависит от высоты снежного покрова. В многоснежные зимы это уже не тропы, а коридоры, которые скрывают бегущего зайца. По ним свободно может ходить и человек. От таких магистральных троп во все стороны отходят «жировочные» тропинки.

Да, трудно длинноухим зимой, очень ограничены они в возможностях передвижения. В снегопады зайцы могут лежать по два-три дня, не выходя на поверхность. Но как только рыхлый снег уплотнится так, что выдерживает зверька, он начинает чувствовать себя в большей безопасности и может применять свои уловки против постоянных преследователей. На жировку, то есть на место, где заяц постоянно кормится, он бежит мел-

кими, короткими прыжками, и след его не бывает прямолинейным. Охотники называют его «жировым следом». При слое снега примерно в пятнадцать сантиметров протяженность оставленных следов может составлять до девятисот метров. На этих следах встречаются многочисленные лунки, вырытые зайцем в поисках пищи. После окончания трапезы, перед тем, как выбрать логово, заяц делает достаточно большой круг и обязательно пересекает свой след. Затем, возвращаясь, он сдвигает свои следы так, что их отпечатки идут на некотором расстоянии один от другого. После этого он под прямым углом прыгает в сторону, то есть делает «скидку». Пробежав еще, он прыгает, но уже в направлении своей «двойки» и, сделав энергичный сильный скачок, залегают. При этом место лежки располагается поблизости от оставленной «двойки». При глубоком снеге заяц прыгает на лежку прямо с проложенных троп.

Вот к каким ухищрениям, выработанным в многовековой борьбе с «любителями» зайчатины, прибегают длинноухие. Спасаясь от опасности, они оставляют после себя «гонный» след, делая большие прямолинейные прыжки длиной до двух с половиной метров. Чтобы распутать заячьи следы, надо потратить уйму времени, терпения и иметь достаточный опыт.

Русаки ведут сумеречный и ночной образ жизни. Весной и летом встают поздно, «завтракать» начинают в 17—19 часов и заканчивают жировку в шесть-семь часов следующего дня. Зайцы постоянно прислушиваются. Особенно они осторожны во время еды. Пощипав траву пять-шесть секунд, русак приподнимается и осматривает местность, при этом уши его насторожены, передние лапы сложены на груди. Вместе с тем звери могут спокойно пастись среди стада крупного рогатого скота, совершенно не боясь его. В жаркое время дня летом поднять русака с лежки трудно. Бывали случаи, когда он выскакивал в метре от человека. Оказывается, зверек в такую погоду крепко засыпает.

Чем и как питается заяц? Наблюдения убедили нас в разнообразии его «меню». Список поедаемых этим зверьком растений включает до пятидесяти трех видов, но он зависит от сезона.

С весны и до поздней осени зайцы питаются исключительно травянистыми кормами. Охотно поедают различные виды полыней, типчак, пырей, донник зубчатый, лебеду белую, конский щавель и многие другие виды зеленых растений, но отдают предпочтение культурным и диким злакам, у которых съедают все надземные части. На дорогах подбирают зерна и ростки пшеницы, не пренебрегают и сухой растительной ветошью. Зимой резко изменяется заячий рацион. На солнечных склонах или под снегом в поле они находят прошлогоднюю траву, зерна ячменя, пшеницы. При высоком же снежном покрове и в гололед зайцы вынуждены переходить на древесные корма. Почти девяносто процентов содержимого их желудков в этот период составляют кора и древесина.

Погрызы зайцев на деревьях встречаются на высоте тридцати-сорока сантиметров от поверхности земли, а при уплотненном снеге — и до двух метров. Особенно охотно зверьки посещают лесосеки, где поедают срубленные ветви. Любят кормиться и сеном, находя его случайно на дорогах или гумнах. Бескормица и морозы приводят зайцев к истощению, а порой — и к массовой гибели. Вот почему в охотхозяйствах стараются регулярно подкармливать их. Для этого осенью завозят на участки корма, приготовленные летом, — немолоченные снопы овса, ветви древесно-кустарниковых пород в виде веников, сено; валят и осины. Подкормка помогает им пережить неблагоприятное время.

Зайцы прожорливы. Кормятся они несколько раз в сутки, съедая в среднем 960 граммов, — почти килограмм. Но, как мы уже говорили, они могут обходиться и без пищи по два-три дня. Летом русаки, как правило, держатся вблизи водных источников и утоляют жажду обычно ранним утром. В то же время замечено, что зверьки встречаются, а в некоторых случаях и в большом количестве, даже в местах, лишенных на многие десятки километров водных источников. Значит, они могут обходиться длительное время без воды, питаться сочными травами, луковичками, корнями растений.

Шесть-семь месяцев в году — с февраля и до конца июля — у русаков проявляется брачная активность. Внешние ее признаки выражаются в том, что зайцы становятся очень «смелыми», попадаясь людям на глаза даже днем. На снегу появляются многочисленные, издающие сильный запах синие пятна. Они необходимы для быстрого отыскивания друг друга особями обоего пола (у зайца-беляка, кстати, эти пятна красно-оранжевого цвета). Сроки спаривания зависят от широты местности. В западных и южных районах Казахстана первый гон проходит 9—15 февраля, в северных — в марте. Второй гон отмечается в апреле-мае и третий — в июне. А в Западной Европе, на Украине и в Белоруссии с их мягким климатом период размножения начинается уже в январе.

В это время на открытых полянах можно встретить «свадьбы», состоящие из самки и нескольких самцов, защищающих каждый свое право на любовь. При этом соперники дерутся: кусаются, царапаются, а задними лапами наносят удары с такой силой, что от пострадавшего летят клочья шерсти. Привычка терять ее помогает иногда русакам спастись от хищников, в зубах у которых остается кусок кожи, а заяц убегает. Бывает, что в поединках они наносят друг другу и более серьезные увечья. Встречаются самцы с разорванными ушами, травмами на голове и туловище. Довольно часто попадают и слепые.

Вот так, безбидные на первый взгляд зверушки могут быть «героями». Ведь только сильный самец добивается расположения избранницы, а выбрать ее надо быстро, так как физиологические проявления у самки (течка) длятся всего около суток. Более слабые

самцы не устаивают ее внимания и с позором покидают место состязания.

Первые зайчата рождаются в марте-апреле, а в Европейской части СССР — даже в конце февраля. Обычно их бывает у самки сравнительно мало — в среднем два-три, что, по-видимому, связано с недостатком полноценных кормов ранней весной и в первую очередь витамина Е. Зайчата второго помета, самого плодотворного — от четырех до девяти детенышей появляются в мае-июне и третьего — в августе-сентябре. Они рождаются, хотя и слабыми, но почти самостоятельными: зрячими, покрытыми нежной шерстью и уже способными в первый день после рождения бегать. Веса новорожденные в пределах ста сорока граммов. Едва появившись, еще не совсем облизанные матерью, они принимают ее сосать. А молоко заячье жирное — около 23 процентов. Напьется зайчонок такого молока за раз до сорока граммов, и сыт неделю, лежит, притаившись, переваривает. Самка не проявляет особой заботы о детенышах, но и не покидает их совсем. Убежит зайчиха-мать, замешкается где-нибудь, но не останутся без корма ее малыши: любая другая зайчиха, оказавшись рядом, накормит их. И снова зайчата, затаившись, лежат, большеголовые, с прижатыми ушками и совершенно слившиеся с местностью.

Эта удивительная способность прятаться спасает зверьков от многочисленных врагов — пернатых и четвероногих хищников. Птицы их просто не увидят с высоты, хищные звери — не учуют, потому что потовые железы расположены у зайцев на подушечках лап и на голове и запах выделяют только при движении. Подожмут зайчата лапки, спрячут головы среди травы и не пахнут. Проведан был такой эксперимент: лисицу на цепочке провели мимо залегших зайчат, и она, к удивлению, не заметила их, прошла мимо.

Нередко зайчат находят дети и даже взрослые. Трудно, конечно, удержаться от искушения поднять и отнести домой — «спасти» такой милый пушистый комочек, но не спешите его «спасать»: это может стоить ему жизни. От неумелого обращения малыш быстро погибнет. Ведь диким лучше жить в поле, лесу или степи. Это их дом. Любая, даже очень хорошая пища и человеческая ласка не могут заменить им свободу и жизнь в «родном доме». К опасностям они приспособились, научились их преодолевать, а слабых и хилых природа сама выбраковывает по закону естественного отбора.

За лето и осень молодые вырастают и к ноябрю уже весят три с половиной килограмма, но мать пока не оставляет их без опеки. Находясь где-нибудь поблизости, она всегда в случае опасности приходит на помощь, защищая от ворон, сорок и более серьезных врагов всеми доступными ей способами. Например, использует распространную среди диких животных уловку — отвлекает внимание врага на себя, притворяясь еще слабее и беззащитнее своих детенышей. Так, зайчиха вдруг падает на бок, встает и, прихрамывая, тяжело передвигается, уводя хищника в сторону от расположения детей. На эту уловку часто попадают лисы, собаки и даже волки.

Самец в этот сложный для зайчат период жизни ведет себя безразлично, совершенно не участвуя в их воспитании, хотя тоже находится где-нибудь поблизости.

И все-таки, несмотря на различные приспособления защиты, почти половина всех рожденных зайчат погибает от заморозков, хищников, болезней, от сельскохозяйственной техники.

Живут зайцы обычно восемь-двенадцать лет. Дожившие до этого возраста зверьки хитры и даже храбры.

В декабре 1971 года в поселке Мергенево на реке Урал зима была суровой. Морозы достигали 30°C, а глубина снега тридцать-пятьдесят сантиметров. Для русаков наступили времена тяжелых испытаний. При прыжке в сторону зверьки буквально утопали в сугробах. Все труднее становилось добывать корм. Зайцы стали сбиваться поближе к людям — к дорогам, поселкам, жилью — в поисках остатков сена, соломы или веток. Взрослый русак облюбовал для себя сложенные возле двора бревна, сверху покрытые толстой снежной подушкой. В какое время русак приходил в свое теплое убежище, расположенное где-то посредине этих бревен, нам увидеть не удалось, вероятно, предрассветным утром, о чем сообщали свежие следы и залихватистый лай собаки. Но днем он находился «дома», уверенный в своей полной безопасности, и не обращал внимания на постоянный шум, людей, проходящих мимо, собак. Вечером же мы часто наблюдали, как наш «домашний» заяц, обычно сопровождаемый лаем собаки, возмущенной непрощенным соседством, быстрыми прыжками удалялся к проселочной дороге, там он кормился съедобными остатками, которые всегда имеются на дорогах. Так и перезимовал благополучно зверек. А с первыми признаками весны наш «любитель домашнего очага» вновь переселился в пойму реки и сначала реже, а потом и совершенно прекратил посещать свою «зимнюю квартиру». Подобные случаи в этих местах отмечаются часто.

Убегая от преследователя, заяц всегда оглядывается, оценивая обстановку, как бы измеряя расстояние между ним и собою, и всегда держит дистанцию. Если его догоняет серьезный враг, например, борзая, то русак развивает предельную скорость — иной возможности спастись у него просто нет. А вот к привязанной собаке, чувствуя ее беспомощность, зайцы подходят почти вплотную, спокойно пасутся, несмотря на ее яростный лай. Острый слух, быстрый бег, способность «слиться» с ландшафтом, различные уловки помогают этим зверькам избегать своих врагов. А их много. Важнейший из них — лисица. Страдают зайцы и от волков. Реже ловит их корсак. Из пернатых хищников более всех опасен филин. Огромный вред длинноухим наносят бродячие собаки.

Самый, однако, большой урон приносит браконьерская охота — установка петель на зимних тропах, по которым передвигаются зайцы, или истребление их с автомашин ночью, «из-под фары». Слепленные зверьки становятся беспомощными. Даже человеку трудно бывает перешагнуть линию луча, так как за ним — непроглядная темнота.

А ведь численность многих видов промысловых животных регулируется человеком с пользой для обоих. Природные ресурсы, в частности растительные, не безграничны. В иные годы, достигнув большой численности, зайцы начинают испытывать острый недостаток кормов, что ведет к ослаблению организма и гибели. К тому же при большой численности зайцы могут наносить определенный вред человеку, зимой повреждая, например, полесозащитные лесные полосы, а летом иногда совершая набеги на бахчевые культуры и виноградники. Поселяются зайцы и на посевах зерновых культур. Осенью во время уборки урожая они часто попадают под косилки. Существует даже способ, как предотвратить гибель зверьков. Косить начинают не с края поля, а с середины, и постепенно зайцы вытесняются из зарослей на окраину, где скрываются в прилегающих полях.

Охота на зайца — увлекательное и трудное занятие. Представьте: первая пороша! Лес, казалось бы, застывший в ожидании чуда, внезапно оживает. Это заметно по бесчисленному количеству следов на снегу. Вот мелкие и частые цепочки, оставленные мышевидными, а рядом с ними — более крупные и вытянутые следы их преследователей — ласки, горностая, а случается, и лисицы. А сколько следов — мелких и крупных разной формы — оставлено птицами, от воробья до тетерева или куропатки. Как тут не взволноваться! Охотника-зайчатника приводят в трепет следы русака, сердце его замирает, учащается пульс, и он уже не обращает внимания на все остальное. Для него существуют только следы русака, и все мысли направлены на одно — перехитрить зайца. Здесь требуются знания, наблюдательность, опыт. Найдя свежий след и определив его направление, охотник начинает его «тропить» — идет по следу, лучше рядом. След обычно приводит к жировочным тропкам, к петлям, двойкам и сметкам. Сметка служит верным признаком местонахождения лежки. Необходимо хорошо отреагировать на появление зайца, ибо в следующий момент уже будет поздно. Зверек появляется и моментально исчезает.

Не каждому охотнику сопутствует удача, чаще наоборот. Выработанный веками инстинкт самосохранения у зайцев срабатывает вернее, и тогда охотник возвращается с пустыми руками. Но и в этих случаях приятная усталость, впечатления, оставшиеся после расшифровки следов, восхищение хитростью и умением русака обмануть человека — все это доставляет истинную радость. Но если охотнику сопутствует удача, то впечатлений и рассказов хватает на много дней.

Почти погас костер. Многие туристы разошлись по палаткам, а оставшиеся еще обсуждают рассказ о зайцах. Да, вот такие они беспечные — ни жилища себе построить не могут, ни о запасах на зиму подумать... Но в другом они преуспели — в способности убежать, обмануть преследователя — и живут благодаря этому. Так пусть же длинноухий восхищает нас своей удалостью и хитростью!

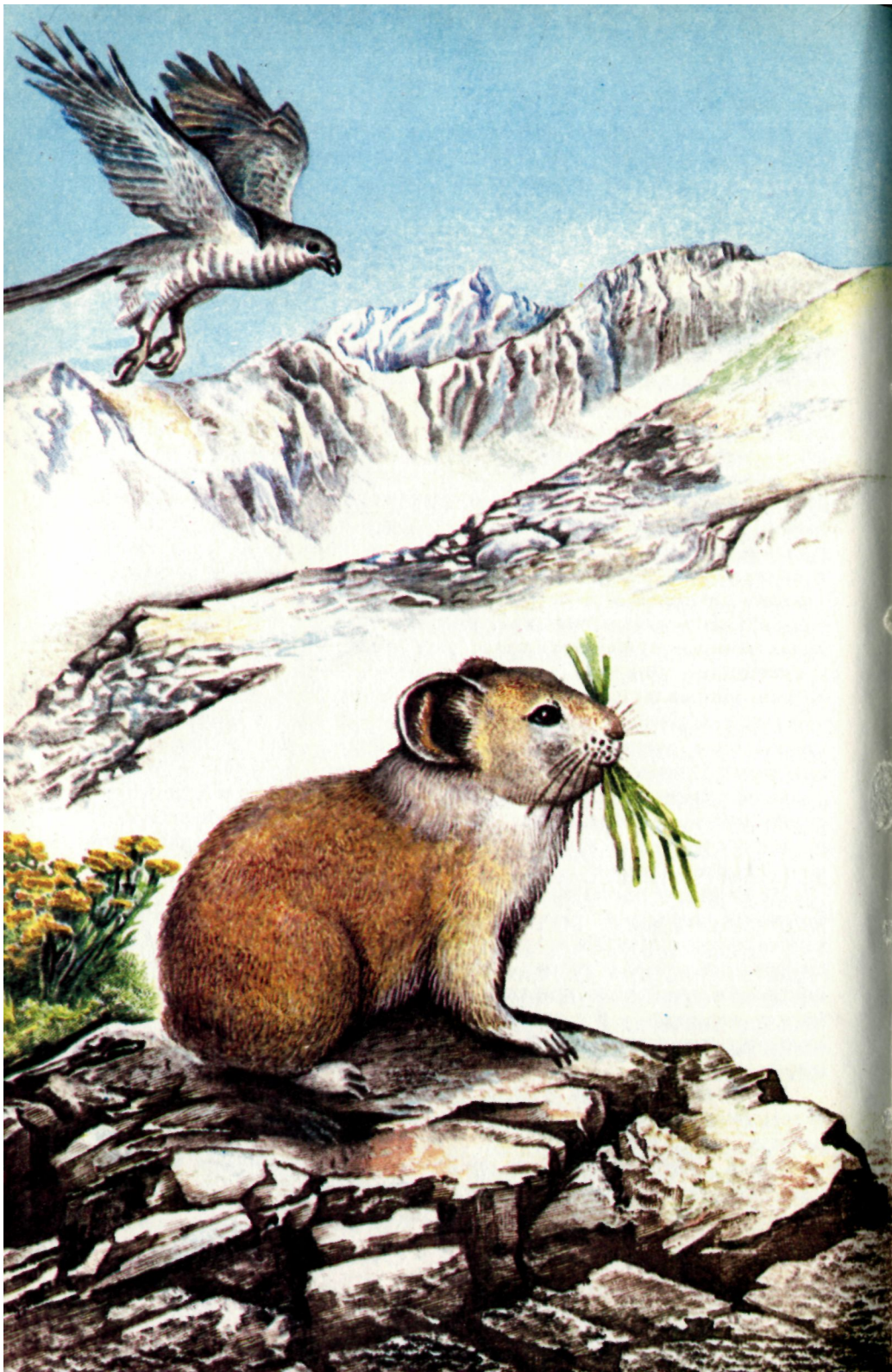
Хозяева каменистых россыпей

Кто часто бывает в горах, не может не обратить внимания на быстрых небольших зверьков, с тревожным писком скрывающихся в россыпях при появлении человека. Там, где вы увидели зверька, легко найти и следы его пребывания: белые и красные пятна мочи, характерный помет в виде зеленоватых дробинки, запасы сена в миниатюрных «стожках», услышать своеобразный свист. Кто же он? Давайте наберемся терпения, подождем, пока хозяин россыпи успокоится и появится. Тут мы и познакомимся с ним. Забавный зверек подарит нам немало познавательных и приятных минут.

Россыпь как вымерла, но вот зверек неожиданно вырос на камне — нужно разведать обстановку. Вокруг все спокойно, опасность миновала, можно приниматься за обычные дела. И он направляется к ближайшим зарослям, откуда вскоре возвращается с травой во рту, свисающей, как гигантские зеленые усы. Сенокос — так метко называли нашего незнакомца за умение запасать корм впрок, или «сено ставить». Но и другое название зверек получил неспроста, а за характерные отрывистые свисты — «питчи-у». Отсюда и имя — пищуха, которое вошло в научную литературу.

Пищухи — очень интересная и своеобразная группа мелких млекопитающих из отряда зайцеобразных. Остатки их известны со среднего олигоцена, то есть они жили еще двадцать пять миллионов лет назад. Расцвет группы давно прошел. В настоящее время в семействе пищух всего один род, а вымерло десять. Ученые предполагают, что древние вымершие пищухи больше походили на зайцев: перемещались длинными прыжками и почти все время проводили на поверхности. Но постепенно в ходе своей эволюции они приобрели настолько своеобразные черты и стали так сильно отличаться от зайцев, что теперь ученые их выделили в особое семейство.

Из четырнадцати здравствующих ныне видов мы познакомимся с алтайской — самой крупной пищухой. Внешне она напоминает кролика, но отличается округлыми небольшими ушами, короткими задними лапами, совсем незаметным хвостиком. Глуховато-забавное выражение мордочки, пушистые «усы», чер-

ные бусинки глаз — вот и готов портрет нашего героя или героини, самца или самки, которые, на неискушенный взгляд, покажутся одинаковыми. Только весной «рыцари» невыгодно отличаются от «дам» изрядно потрепанной в боях шкуркой. Длина тела алтайской пищухи может достигать двадцати пяти сантиметров, вес самцов в среднем равен 324 граммам, самок — 228. Так же, как заяц, пищуха дважды в год меняет свой наряд — с зимнего на летний и наоборот. Однако ее окраска иная, чем заячья. Летом — довольно пестрая: спинка охристая, бока коричневато-ржавые, брюхо бледнокоричневое, и в целом зверек хорошо гармонирует с цветом камней, покрытых лишайниками, тоже коричневато-ржавыми. Поэтому неподвижно сидящую на камне пищуху увидеть трудно. Большую же часть года (9 месяцев) зверьки одеты в зимний наряд, хотя и менее яркий, но на снегу хорошо заметный. Однако он не особенно вредит пищухам, потому что зимой они очень мало времени проводят на поверхности. Примечательно, что среди них изредка встречаются совершенно черные особи — меланисты.

Алтайская пищуха населяет Алтай, Саяны, Кузнецкий Алатау, Забайкалье, Монголию, живет на высоте до 3100 метров над уровнем моря, в высотных поясах с лесостепной, лесной, луговой и тундровой растительностью. Жизнь пищухи тесно связана с убежищами. Но она слабый землерой и пользуется теми убежищами, которые создает сама природа. Это — в первую очередь каменные россыпи и осыпи; охотно заселяют зверьки сгнившие сердцевины стволов, пустоты под корнями растущих деревьев, валежники. Почему они предпочитают именно такие убежища? Оказывается, алтайская пищуха, хотя и населяет районы с резко континентальным климатом, плохо переносит как очень большие морозы, так и сильную жару. Ее мех к тому же легко раздувает ветер. Вот и вынуждены зверьки большую часть времени проводить в убежищах. Неуютные, на наш взгляд, хаотические нагромождения камней становятся для них родным домом. Там, под мощной каменной броней, зверек спасается от непогоды. Тепло и тихо в пустотах между камнями под снежным покрывалом высотой в один-полтора, а местами — в два метра. Летом же камни как бы аккумулируют тепло и поэтому сильно нагреваются. А высокие температуры пищуха переносит еще хуже, чем морозы. Она погибает от перегрева. Спасение от жары все там же — в россыпи! Хотя снаружи камни раскаляются, в глубине полостей долго лежит нерастаявший льдистый снег. Он охлаждает и увлажняет воздух в жилищах. Зимой пищухи выходят через отдушины в снегу только в солнечные, безветренные дни, да и то на короткое время. Летом же много времени проводят на поверхности, но никогда не убегают далеко от своих убежищ. Отправляясь за кормом, часто останавливаются, осматриваются, взбегая на высокий камень. Крайняя пугливость и осторожность помогают зверьку вовремя заметить опасность и избежать нежелательной встречи.

Пищухи любят отдыхать. В прохладный день зверек сидит на излюбленном камне сжавшись, а в теплое безветренное время принимает солнечные ванны. Однажды мы наблюдали, как самец грелся на солнышке, подставляя теплым, ласковым лучам то один, то другой бок, а потом и вовсе завалился на спину, задрав кверху лапки, стал греть живот. Он так разнежился, а может, на минутку и задремал, что свалился с камня. Ничуть не обескураженный этим, он деловито поднялся на старое место, посидел с минуту, зевнул, потянулся и побежал подкрепиться в ближайшие заросли трав.

Алтайская пищуха исключительно растительноядна. Она пастется в течение дня на лугу у россыпи: скусывает траву и, встав на задние лапки, обедает молодые побеги с кустарников, а за особенно лакомым кусочком лезет на ветку, часто срываясь и падая. Интересным фактом в жизни пищух является копрофагия — поедание собственных, а иногда и чужих, например сурчиных, экскрементов. Причем зверек выделяет их два вида: зеленоватого цвета круглой формы, которые в пищу не используются, и мягкие черные в форме колбасок. Вот они-то часто тут же съедаются. Значение этого факта еще не вполне выяснено, хотя специальные исследования показали, что эти экскременты по калорийности превосходят обычный корм пищух.

Еще более интересно запасание корма на зиму. Начинается оно весной, а заканчивается с выпадением снега. Причем весной эта работа имеет, скорее, ритуальный характер. Носят траву в основном самцы, но недолго, да и ту сразу же съедают. Эта пора у пищух горячая — пора размножения, и поэтому пока не до запасов. А вот летом, когда страсти стихают, приходят и заботы о корме. Времени до зимы остается мало, и для пищух наступает августовская страдная пора. Тут уж никто не отлынивает от работы — все трудятся «в поте лица»: остепенившиеся самцы, самки и их подросшая молодежь. Но молодые еще не отваживаются бегать за травой далеко за пределы россыпи, они вносят посильную лепту, подбирая траву, оброненную взрослыми, и уносят в «кладовые».

У алтайской пищухи запасы корма представляют собой не стожки в буквальном смысле, а пучки сена, сложенные в щелях и нишах между камней очень плотно, как правило, под двумя-тремя крупными камнями. Вес таких «пучков» достигает порой двадцати восьми килограммов. Укрытые растения хорошо сохнут, сохраняют цвет. Однако не всегда так тщательно зверьки относятся к личным кормам. Рядом с полностью укрытым «стожком» другой укладывается под открытым небом, мокнет под дождем, выгорает на солнце. А уж о специальной просушке травы и говорить не приходится, хотя некоторые исследователи именно так и истолковывали случаи раскладывания пищухами травы вне укрытия.

136 видов растений обнаруживали мы в запасах сенокосов. Стожки отдельных семей различаются в зависимости от видового

состава растений, окружающих ту или иную россыпь. Но во всех сборах много черники и копеечника, по-видимому, излюбленной пищи зверьков. Немало также в их запасах иван-чая, карликовой ивы, различных злаков, сосюрей...

Но вот наступают холода, вокруг россыпи остаются только сухие пожелтевшие травы. Зверьки собирают и их, но все реже и реже выходят на поверхность. В спячку, однако, зимой пищухи не впадают и поэтому не накапливают больших жировых запасов; ведь у них есть возможность кормиться запасенным сеном, к которому проложены многочисленные подснежные «тоннели». Иногда зверьки разгребают снег в этих «тоннелях» и добираются до сохранившихся зеленых растений, разнообразя свое питание. Ну, а если запасы сена истощились, а до зеленой весенней травки еще далеко? В таких ситуациях выручают «аварийные» выходы на поверхность у ближайших кустарников и деревьев, молодые веточки, почки и кора которых служат дополнительным кормом, особенно в конце зимы.

Пищухи — зверьки оседлые, из года в год они используют под кладовые одни и те же каменные ниши. А так как эти ниши обычно не расчищаются, то в них скапливаются многолетние слои несъеденных растений, полных мочой и перемешанных с экскрементами, иногда толщиной полметра и площадью два на три метра. Постепенно в течение длительного времени эта масса перегнивает, перерабатывается микроорганизмами, обогащается микроэлементами, и в результате этих процессов образуется органическое вещество, известное как горный бальзам или мумие еще со времен Аристотеля, Авиценны, Бируни, в трудах которых есть его описание. Если учесть, что среди горных трав, поедаемых пищухой, очень много ценных лекарственных, а экскременты, особенно мягкие, превосходят по питательности травы, то становятся понятными целебные свойства мумие, которое издревле применялось и ныне применяется в медицине при лечении некоторых заболеваний, в основном при переломах костей.

Итак, пищухи используют в пищу разнообразные растения, но отдают предпочтение травам, а у деревьев и кустарников — нежным зеленым листьям и цветкам. Отрицательного воздействия на растительные сообщества, они не оказывают, а даже, наоборот, необходимы для их нормального существования. Почему? Во-первых, пищухи съедают лишь часть растений вблизи своих убежищ, во-вторых, предотвращают засорение многолетних травянистых зарослей сухой ветошью. Скусывая побеги кустарников, они помогают их кущению, а значит, и росту их продуктивности.

Рассказ о пищухе будет неполным, если мы пройдем мимо ответственного периода в ее жизни — размножения. Гон начинается с апреля и завершается в июле, то есть длится три с половиной — четыре месяца. В это время самец, как и у многих животных, ведет себя гораздо активнее самки. Становится возбужденным, агрессивным и особенно нетерпимым к появлению

в своих владениях чужака... Быстро бегают самцы по россыпи в поисках самки, не прекращая громко петь любовную песню-трель. В это время он утрачивает обычную бдительность и часто становится легкой добычей хищников. Нам довелось наблюдать, как одному самцу повезло: длительное время он искал самку и периодически пел, а увидев ее, издал торжествующую трель. К счастью, он не попался за все это время на глаза хищнику. Самки же ведут себя спокойнее и словно бы безразлично относятся к ухаживанию «кавалеров»: они уворачиваются, а при слишком настойчивом преследовании с коротким свистом скрываются в россыпи.

Проследить за поведением пищух во время спаривания и за ростом детенышей в первое время их жизни невозможно, так как это происходит в глубине убежищ. В год бывает выводок два, и вторая беременность, как правило, совмещается с кормлением первых детенышей, вынашивают их самки около тридцати дней. У каждой из них обычно три-четыре детеныша, но бывают два или шесть. Они рождаются беспомощными, слепыми, глухими, весом всего двенадцать-тринадцать граммов, но полностью покрытые шерстью. Растут быстро, вес одного молодого зверька, например, за двенадцать дней увеличился с 13 до 145 граммов, то есть более чем в одиннадцать раз! Уже в августе молодые пищухи практически не отличаются от взрослых, но к размножению приступают только после зимовки. Любопытно, что молодые самки могут забеременеть уже в первые месяцы своей жизни, тогда как самцы становятся половозрелыми лишь весной следующего года. Живут зверьки недолго, обычно два-три года, а старше встречаются редко. Максимальный возраст пищухи — шесть лет, но достигают его единицы.

Алтайские пищухи ведут семейно-колониальный образ жизни. Каждая семья занимает определенную территорию, которую можно разделить на гнездовую и кормовую. Ее границу провести трудно: она не всегда совпадает с границами самой россыпи. Семейная территория ревниво охраняется от посягательств соседей. Чужой зверек почти всегда вторгается стремительно и молча, чтобы не выдать себя. Но каждая такая попытка оканчивается неудачей, так как хозяин зорко стережет свой дом и моментально замечает непрошенного гостя. Нарушителя преследовать могут как самец, так и самка. Чужак с испуганным писком быстро убегает, восвояси. Но так бывает не всегда, и тогда потасовки не миновать. Зверьки встают на задние лапки, насакивают и яростно «боксируют» друг с другом. Чаще выяснение отношений этим и завершается.

Но бывают случаи, когда агрессивное территориальное поведение у пищух не проявляется. Однажды в соседней колонии погиб самец, став жертвой соболя. Самка осталась одна. И когда к ней пожаловал «сосед», она отнеслась к нему вполне благосклонно. После он еще не раз проводывал «овдовевшую» самку, и в результате у нее родились малыши. Но ни разу самец не пытался запастись травой для чужой семьи. Проведав «соседку», он возвращался к себе и «работал» только на своем участке.

Своеобразны внутрисемейные отношения пищух. Территория колонии как бы разделена между членами семьи, каждый имеет свой любимый камень, свои «рабочие» дорожки, по которым в основном и бегает. Создается впечатление, что каждый зверек живет сам по себе, ни в ком не нуждаясь. Только в период размножения пищухи становятся общительнее, но инициатива в таких случаях, как мы уже говорили, почти всегда принадлежит самцам. Ни разу нам не приходилось видеть, чтобы пищухи кормились бок о бок или отдыхали рядышком, тем более играли или ухаживали друг за другом. Не отличаются теплотой и нежностью отношения между родителями и молодыми. Детенышей не обижают, но и не замечают, хотя они и стараются все время напомнить о себе: подбегают к родителям, игриво дерутся с ними, заскакивают с боков, пытаются полакомиться материнским молоком. Но всякий раз сталкиваются с безразличием взрослых. Те просто отбегают от назойливых малышей.

Вот двухмесячный зверек с писком бросился к матери, пролез ей под живот, быстро развернулся и только приготовился сосать, как та поднялась и, продолжая жевать траву, улеглась на новом месте. А малыш остался несолоно хлебавши. Опомнившись, он снова подбежал к матери, но та не сжалилась, и сцена повторилась. Молодому ничего не оставалось делать, как уйти и самостоятельно кормиться.

Юные пищухи еще не растеряли свою общительность, и их отношения немного разнообразней и интереснее. Они часто с писком гоняются друг за другом, дерутся, кусаются и иногда пытаются играть: шутя сталкиваются, барахтаются и игриво боксируют.

Находясь на поверхности или в глубине россыпи, пищухи часто не видят друг друга, да и не особенно, как нам кажется, к этому стремятся. Как же они общаются? Обычно зверьки перекликаются или оставляют специальные «информационные» знаки, то есть попросту метят территорию. Кричат они громко, их голоса слышны далеко. Пищух легче услышать, чем увидеть. Короткие свисты — это основные звуки, с помощью которых зверьки общаются. Они перебиваются в спокойной обстановке, когда кормятся или отдыхают. При опасности же свистят не всегда.

Однажды мы наблюдали зверька, когда он спокойно доедал веточку ивы. Вдруг перестал жевать и замер, как бы вжавшись в камень. Что такое? Что случилось? Внимательно осмотрев россыпь, мы увидели на ее краю великолепного, крупного соболя. Ах, вот оно что! Как же повела себя пищуха? А она так и продолжала сидеть молча, неподвижно. Ее уловка удалась, соболю пробежал мимо в нескольких метрах, не заметив ее. И такие случаи обычны. При близком появлении врага пищуха не кричит, не привлекает внимания, она или затаивается, или молча скрывается в россыпи. Кричат зверьки, увидев врага, только если он далеко и не представляет для них явной опасности. При виде человека пищухи начинают свистеть уже с расстояния пятьдесят-шестьдесят метров, как бы предупреждая сородичей о том, что нужно ухо держать востро.

Многое означает во внутри- и межсемейных отношениях мечение территории с помощью выделений специфических желез, шейных, паховых и других. Особенно важна роль шейной железы. Наклоняя голову, зверек трет шейю возле убежищ и запасов корма. Секрет этой железы у каждого зверька имеет особый запах, что позволяет ему распознавать членов своей семьи и отличать их от чужих зверьков. Но все-таки главная роль мечения шейной железой — это общение внутри семьи. Когда надобность или возможность такого общения почему-либо отпадает, то они уже не метят свой участок, например, при одиночном содержании в неволе.

Члены семьи регулярно обходят самые важные точки территории. Наблюдать за поведением пищух во время мечения очень интересно, разыгрывается целый ритуал: вначале зверек обнюхивает место, где собирается метить, — получает необходимые сведения, затем старательно трет какой-либо предмет шейной железой. Не удовлетворившись этим, пищуха оставляет и другие сигнальные знаки: пирамидки круглых экскрементов, а рядом несколько капель желтой мочи, которая отличается от обычной — бесцветной или светло-зеленоватой. Эта моча имеет резкий своеобразный запах, долго сохраняется и к тому же быстро меняет свой цвет на оранжево-красный и хорошо видна на камнях. Особенно много таких меток зверьки оставляют в центральной части участка и у запасов травы. Теперь вроде бы можно быть спокойным, и вряд ли другой зверек посягнет на столь основательно застолбленный участок.

Колония зверьков прямо-таки усеяна различными метками. Таким образом, бросающаяся в глаза необходимость пищух с лихвой окупается многообразием способов сигнализации. И что интересно, все описанные способы общения прежде всего нужны для членов своей семьи, и уже потом — для чужих пищух.

Вот мы и познакомились с жизнью зверьков внутри семьи и с их межсемейными отношениями. А как же они связаны с животными других видов? Начнем с врагов. Их относительно немного. Из млекопитающих наиболее опасен соболю — ценнейший промысловый зверек. Пищухи играют важную роль в питании этого хищника. Если пищух много, то много и соболей. И наоборот. Сокращается численность первых — резко снижается и поголовье вторых. Чаще всего жертвами хищников становятся неопытные молодые зверьки, которых ловят и другие, более мелкие представители семейства куньих — горностаи, колонок, а изредка даже ласка. Не прочь полакомиться пищухами и крупные звери — лисица и рысь, а также пернатые, например, ястреб-тетеревятник, черный коршун, сокол-балобан, совы. Но есть у пищух и добрые соседи — это сурки, полевки.

Итак, мы открыли лишь некоторые страницы из жизни интересного животного. Пусть этот зверек невелик, не одет в роскошную шубу и не отличается особой красотой. Но он нужен и ценен, так как является, пусть маленьким, но все-таки важным, подчас незаменимым звеном в великой цепи природы. Любящему и терпеливому наблюдателю он может открыть еще немало тайн своей жизни.

Зверек с хоботком

Землеройки. Мало кто их видел в природе, и в зоопарках не содержат за редким исключением. Эти маленькие и юркие зверьки, снующие в почвенной подстилке среди листьев и травы, больше активны не днем, а в сумерках и ночью. Они редко попадаются на глаза человеку, да и тогда несведущие люди их легко путают с мышами. Действительно, землеройка внешне похожа на мышь, разве что мордочка более удлиненная, да шерстка на спине коричневая с буроватым оттенком.

А между тем эти зверьки по происхождению далеко отстоят от мышевидных грызунов. Они, как ежи и кроты, принадлежат к древнейшей группе плацентарных млекопитающих — отряду насекомоядных. Небольшие, примитивные звери, относившиеся к этому отряду, обитали на планете уже сто миллионов лет назад, в конце мезозойской эры, одновременно с динозаврами. От них берут начало все живущие ныне млекопитающие (около четырех тысяч видов), за исключением однопроходных и сумчатых.

Современных насекомоядных известно 374 вида, и около 270 из них составляют землеройки. Распространены они по всему свету, кроме Австралии и Антарктиды. Самая крупная землеройка величиной почти с крысу живет в Африке и зовут ее гигантской белозубкой. А самая мелкая — белозубка-малютка — весит лишь полтора грамма и умещается в спичечном коробке. Она самая маленькая млекопитающая на Земле.

В Советском Союзе — 34, в том числе в Казахстане 13 видов землероек. Они обитают в различных ландшафтно-географических зонах: одни в лиственных и хвойных лесах, другие — в степях и пустынях, населяют и горы вплоть до вечных снегов. Есть виды, например обыкновенные куторы, приспособленные к полуводному образу жизни. Они селятся обычно по берегам речушек и озер, великолепно плавают и добывают свой корм в воде (беспозвочных животных, икру, мальков рыб).

Обитающие в горах Заилийского Алатау землеройки — тяньшаньская и малая бурозубки — являются типичными лесными жителями, распространены в поясе еловых лесов, в местах затененных и увлажненных. Здесь, где много валежника, хвороста, гнилых пней, зверьки устраивают свои жилища и находят обильный корм.

За проворными бурозубками мне интересно было наблюдать в неволе, на небольшой в несколько квадратных метров огороженной территории прямо на земле, среди специально прореженной травянистой растительности (иначе таких карликов трудно заметить), с искусственными убежищами-домиками из картона, наполовину врытыми в почву. Помещенные сюда бурозубки сразу стремились спрятаться в первое подходящее укрытие: в домик, под кусок картона, в кучку сухой травы и листьев, а малая бурозубка, которая мельче тянь-шаньской вдвое и весит всего три-четыре грамма, ловко скрывалась даже под листом травы манжетки из семейства розоцветных.

Вначале очень пугливые, они постепенно привыкли к человеку, а вернее терпели его присутствие. Особенно скрытно зверьки вели себя днем, когда, если и показывались, то лишь стремительно перебегая из одного убежища в другое. С наступлением темноты становились смелее, появлялись чаще, суетились среди корневищ травы, обследуя своим хоботком каждый уголок пространства. При встрече они проявляли явную агрессивность, издавая пронзительно-тонкое верещание высокой частоты, переходящее даже в ультразвук. Обычно, как это наблюдается и у других животных, более слабый уступал дорогу. Постепенно бурозубки, а их в загородке было четверо (тянь-шаньская и три малые), попривыкли к друг другу, у каждого определилось постоянное убежище, но самая сильная, доминирующая могла занять и «квартиру» соседа, выгнав его.

Землеройки ведут одиночный образ жизни. Хозяин гнезда или территории не терпит вторжения сородича. Если двух зверьков поместить в тесную клетку, где жизненное пространство очень ограничено, то они, особенно представители одного пола, плохо уживаются, сильный постоянно преследует слабого, и нередко все заканчивается каннибализмом. В природе же подобные случаи исключительно редки.

Благодаря мелким размерам, бурозубки обживают такие экологические ниши, которые не осваиваются зверями, ведущими наземный образ жизни. Большую часть времени они проводят в подстилочном рыхлом слое почвы, в моховом покрове, различных естественных щелях и проходах, охотно поселяются в заброшенных норах грызунов, хотя сами рыть не умеют и свое название «землеройка» не оправдывают. Не приспособлены у них к рытью ни конечности, как у крота, ни зубы-резцы, как у слепыша.

Однажды мы наблюдали за молодым самцом бурозубки в террариуме. Стремясь выбраться оттуда, он рыл плотный слой дерновинной земли передними лапками, интенсивно помогал мордочкой, протискиваясь в грунте. Результативность такого рытья была небольшой, и в естественных условиях оно вряд ли играет существенную роль. Видимо, этих животных называли землеройками за их способность эффективно продвигаться в рыхлой почве, в слое опавшей листвы. Любопытно было наблюдать, как малая бурозубка в поисках пищи энергичными движениями головы снизу вверх и сверху вниз, раздвигая относительно уплотненную подстилку из

прошлогодних трав, быстро прокладывала ходы-туннели. Некоторые из них зверек использовал неоднократно, и тогда они были хорошо заметны.

Питаются землеройки почти исключительно животной пищей, в основном насекомыми, их личинками, в частности гусеницами. Они настоящие хищники, агрессивные, неутомимые в поисках добычи. При этом руководствуются в первую очередь осязанием, с помощью длинных вибрисс-усов на конце мордочки, и обонянием. Поедают они всю живность, с которой в состоянии справиться, вплоть до крупных жуков, небольших лягушек и даже молодых мышей.

Голодный зверек, энергично суетясь, беспрестанно шевеля длинной мордочкой, обследует каждую неровность почвы, протискивается во все возможные щели, ловко лавируя между густыми травянистыми стеблями. Учув подброшенную нами саранчу, резко кидается на нее, быстро прокусывает передними резцами-зубами голову и грудь жертвы и съедает почти всю целиком, оставляя только жесткие части конечностей и крылья с надкрыльями. Если бурозубка более или менее сыта, она выедает лишь мягкую часть саранчи — брюшко или утаскивает добычу к себе в убежище и там в укромном месте устраивает пищевой «склад».

У землероек очень высок обмен веществ и соответственно прожорливость. За сутки малая бурозубка съедала пищи вдвое больше ее собственного веса. А. Брэм приводит рассказ одного натуралиста, который держал землероек в ящиках: «Мухами, мучными и дождевыми червями или еще чем-нибудь подобным их никогда нельзя было накормить досыта. Я должен был ежедневно давать каждой землеройке по целой убитой мыши или по птичке. Каждый зверек съедал свою порцию начисто, оставляя только кожу и кости... Если же держать их впроголодь, хотя бы очень недолго, они вскоре умирают». Тянь-шаньская и малая бурозубки могли прожить без пищи не более 12 часов.

Поэтому не удивительно, что вся коротенькая (до полутора лет) жизнь землероек проходит в частом чередовании сна с активными поисками добычи, то есть в неустанном движении. Сутки для них разделены на свои «микросутки», различные по длительности. Продолжительность и частота пребывания землероек вне убежища днем заметно меньше, чем ночью, и активность носит более скрытый характер.

Зимой, когда с кормом туго, бурозубки употребляют в пищу и семена растений. К этому суровому времени года у землероек уменьшаются размеры тела и уплощается череп, а весной все восстанавливается. Это явление открыто польским зоологом Августом Денелем и известно среди специалистов под названием «явление Денеля».

Размножение у бурозубок начинается весной и длится все лето. Самки приносят по два выводка, а в благоприятные годы и по три. В каждом выводке обычно по пять-шесть детенышей, которые рождаются на свет слепыми, голыми, но развиваются быстро и уже через двадцать дней способны к самостоятельной жизни. Обычно мать

в первое время выводит из гнезда своих подрастающих малышей «семейным караваном». Мне удалось это наблюдать у малой бурозубки. Подросшие детеныши, чтобы не потеряться, держатся зубами за основание хвоста впереди идущего, образуя цепочку, а первый — за хвост матери, и не спеша вся семейка пробирается по травянистым джунглям, полным опасностей. У них много врагов: змеи, совы, ловкие и юркие хищники — ласка, горностаи, и даже лиса не гнушается ими, хотя предпочитает грызунов покрупнее.

К людям, к их хозяйственной деятельности землеройки, казалось бы, не имеют непосредственного отношения. А между тем они приносят большую пользу — в массе уничтожают насекомых и личинок в рыхлой почвенной подстилке, где их сравнительно мало поедают насекомоядные птицы. Значит, землеройки полезны для лесного хозяйства, так как большинство вредителей леса зимует или окукливается на земле. Велика роль землероек в общей цепи природного равновесия, и наряду с широко известными крупными животными они требуют к себе внимания и заботы человека.

Живые редкости

29. Заилыйский Алатау. Альпийский луг.

←

28. Пустыня весной.

30. Илийская долина. Бархан.

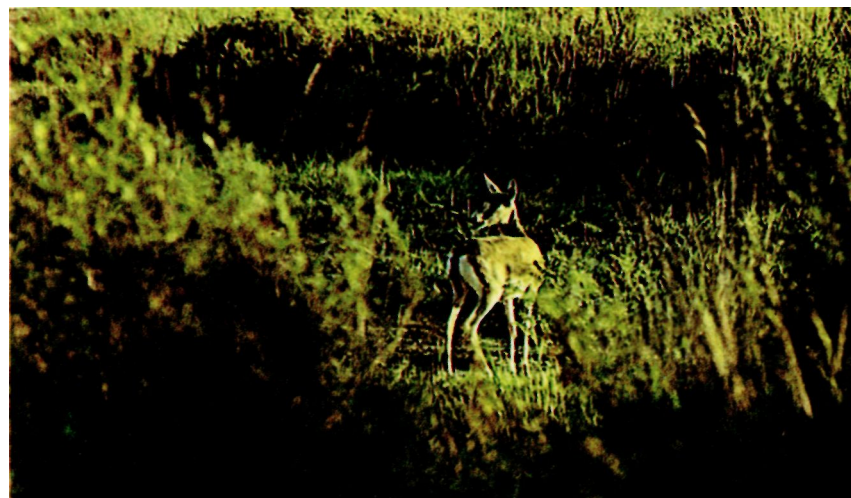

31. Все в этом животном гармонично...

32. На щелчок фотоаппарата джейраненок вздрогнул, но с места не тронулся.

33. Самка джейрана, чего-то испугавшись, остановилась и оглянулась...

Джейран — единственный представитель рода газелей, который освоил наши северные пустыни. Все остальные обитают в Африке и Передней Азии. Нельзя допустить, чтобы исчез этот уникальный зверь нашей фауны.

34. Здесь, в Южном Прибалхашье, обитает саксаульная сойка.

35. Эремурус неравнокрылый — любимое растение многих животных пустыни. Не исключение и сойка.

36. Сойка под гнездовым саксаулом.

37. Сойка выносит из гнезда помет птенца.

38. Горы Каржантау. Здесь, на высоте 2000 м, обитает сурок Мензбира.

39. Закрепленные пески около реки Чарын.

40. Молодой сурок Мензбира удивлен встречей с человеком.

41. Ферула. Весной она напоминает кочан капусты, а летом — деревцо в миниатюре.

42. Высокогорный галечник — единственное место обитания серпоклюва.

43. Гнездо — это всего лишь небольшая ямка среди гальки.

44. Что за необычное сочетание — серп и клюв? Однако стоит увидеть саму птицу — и вопрос отпадает...

45. Птенец не отличается от окружающих его камней.

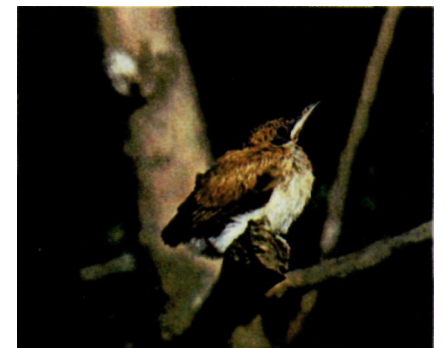

47. Места обитания...

46. Длиннохвостая, или райская, мухоловка — яркая контрастная птица.

48. Растет птенец райской мухоловки не по дням, а по часам.

Тема «Жизнь в сообществе, поведение животных» продолжается и в этом разделе. Здесь рассказывается о редких видах, подлежащих охране и занесенных в «Красную книгу» Казахстана, СССР, а некоторые — в международную. Виды эти находятся под угрозой исчезновения, и их спасение во многом зависит от того, насколько об их бедственном положении знает население, особенно сельское. К сожалению, «Красная книга» республики, изданная в 1978 году малым тиражом, осела в основном в учреждениях и библиотеках, не дойдя до широких слоев читателей. К тому же состояние численности, распространение и даже отдельные черты биологии животных могут, особенно в настоящее время, довольно быстро меняться. И эти изменения должны как можно быстрее доводиться до сведения людей. Поэтому публикация все новых материалов о «живых редкостях», их современном состоянии крайне желательна, тем более, если они сообщаются широкому кругу читателей. Этой задаче в какой-то мере соответствует второй раздел книги.

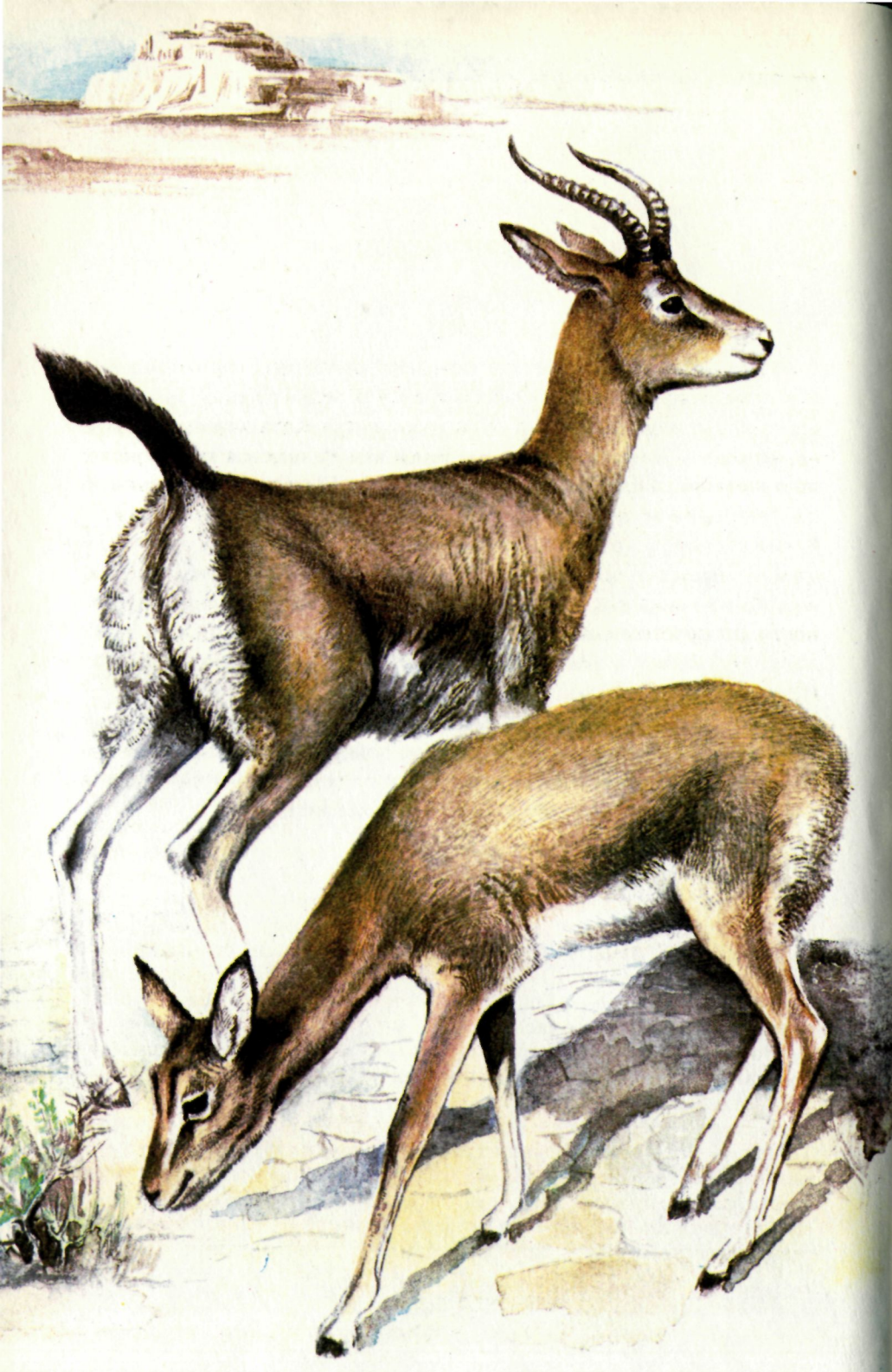
Каракуйрюк — чудо пустыни

Есть на правом берегу реки Или, в среднем ее течении, пустынная долина Калкан-Матай, зажатая с трех сторон скалистыми сухими горами — юго-западными отрогами Джунгарского Алатау. Редкая, словно расставленная в шахматном порядке, растительность напоминает карликовые корявые деревца — причудливые японские бонсаи. Ветер, который старательно дует с раннего утра и приносит прохладу, к полудню утихает. Солнце палит нещадно, обжигая землю. Красноватые камни гор начинают дышать жаром. Появляется марево, которое искажает изображения всех предметов, возникают как бы многочисленные видения озер. Это — настоящая пустыня.

Ничто вокруг не шелохнется. Природа как будто замерла, и вдруг... Из низины сухого русла выбежало животное, высоконое, стройное, — самец джейрана. Он выбежал с легкостью и, казалось, без всяких усилий. Но через несколько десятков метров разом остановился, развернулся, посмотрел назад, на то, что его напугало, и застыл неподвижно, как изваяние. Все в этом животном гармонично: на длинной шее небольшая голова с блестящими, черными, выпуклыми глазами, лировидные, изящно изогнутые рога, сочетание песчаного верха тела с его белоснежным низом и такой же шеей, тонкие грациозные ножки с маленькими копытцами, ослепительно белое околохвостовое «зеркало» и особенно броский на таком фоне короткий черный хвост. Он-то и послужил поводом для казахского названия — каракуйрюк («чернохвост»). Когда джейраны замечают что-то для них необычное, они держат хвост вертикально. Тогда «зеркало», заметное на большом расстоянии, остается без «перегородки», что означает опасность.

Вот и этот красавец-рогач, рассмотрев опасность, побежал галопом дальше. Нет, не побежал, а полетел над землей. Мареву создавало полный эффект полета.

К вечеру жара спала, «дрожание» воздуха постепенно исчезло. То тут, то там стали появляться белые точки. И неожиданно вся равнина «загорелась» точками. Это «светились» околохвостовые «зеркала» джейранов. Их здесь было много, очень много. Вот пасется группа самцов, переходя с места на место. Все при этом вздергивают хвостами. Чуть дальше — самки с джейранятами, а там —

еще и еще. Солнце окрасило все вокруг в красный цвет и огромным шаром начало, словно нехотя, опускаться за горизонт. Джейраны на фоне заходящего светила выглядели уже черными силуэтами. Все это напоминало нечто необычное. Но что? Ах, да — маленький «рай», перенесенный из овечьей детской мечтой далекой Африки сюда, в каменисто-щебенистую пустыню Калкан-Матай, где расположилось Капчагайское охотничье-заповедное хозяйство. Это — единственное место в Советском Союзе именно по плотности населения джейранов.

Здесь в 1981 году началось мое знакомство с чернохвостыми газелями. В ноябре-декабре у них проходит гон. Поэтому мы, два сотрудника Института зоологии Академии наук Казахской ССР, прибыли сюда зимой. Для жилья выбрали заброшенный кордон. Место для наблюдений нашли неподалеку на горе. Оно удовлетворяло всем требованиям, кроме одного — здесь постоянно дули ветры. Но трудности не пугали. Экипировка была надежной: я пошел к месту наблюдений, захватив с собой валенки, рукавицы и другие теплые вещи. Установив трубу, начал наблюдение.

Неподалеку от подножия стоял самец с крупными рогами и смотрел куда-то вниз. Но вот он пошел, затем побежал, вскоре снова перейдя на шаг. Хвост поднял вертикально, шею вытянул вверх, рога выставил вперед-вверх. Походка стала замедленной. И тут я увидел еще одного самца, который шел навстречу первому точно в такой же позе. Они сблизилась, прошли мимо друг друга, стали расходиться. Но неожиданно развернулись и вновь начали сближаться. Ударилась рогами, при этом каждый старался сдвинуть противника назад. Но силы равные, и они отошли, пятась. Снова ударилась и опять разошлись. Начали пастьбу — один, затем другой. Второй самец стал отходить. Самец-хозяин, как я его назвал, посматривал вслед уходившему, а затем подошел к кусту курчавки и бодал его около минуты. «Отыгравшись» на кустарнике, направился по сухому руслу. Увидел кучку экскрементов, тщательно обнюхал ее, разгреб и оставил свою метку. Через сотню метров сделал то же самое с другой кучкой, затем еще и еще. По пути обнюхал кончики веток кустарников, потерялся о них предглазничной железой. Стало ясно: самец обходил свою территорию и метил ее. Наконец, рога вышел на середину участка и спокойно стал пастись, но недолго.

С другой стороны к его участку приближался еще один самец. Хозяин внимательно следил за его перемещениями, затем двинулся навстречу в той же позе угрозы. При этом издавал низкие булькающие звуки, широко открывая рот и поднимая морду вверх. Пришелец оббежал самца кругом, хозяин последовал за ним. Так оба пробежались трусцой до границы участка. Хозяин остановился, посмотрел вслед убежавшему, несколько раз проревел в его сторону, потом вернулся на прежнее место и вновь принялся за пастьбу.

Спустя некоторое время на его участке появились четыре самки. Они сосредоточенно паслись. Рога заметил их сразу. Направился к ним. Хвост поднял вертикально, шею и морду вытянул в одну линию

параллельно земле. Начал преследовать самок по очереди. Они бежали кругами, потому что самец постоянно преграждал им путь. Эти гонки продолжались минут пять. Рога периодически ревел и бежал за самками до границы участка. Там его сменил сосед, и преследования продолжались. Причем сосед настолько увлекся, что забежал на середину участка следующего самца, который кинулся ему навстречу. Сосед остановился, но убежать не стал. С «достоинством» начал пастьбу, постепенно отступая. Хозяин тоже выжидал — сосредоточенно пасся и шел следом за нарушителем. Так они дошли до границы участков. Тут права обоих были равны. Каждый из них энергично бодал кусты со своей стороны границы, метил предглазничной железой веточки кустарников. И так в течение пяти-семи минут. Все закончилось тем, что каждый самец поскреб передней ногой грунт и оставил метку экскрементами. «Удовлетворенные», они разошлись по своим участкам. Так день прошел в смене активности самцов: пастьбы, обходов участка, ухаживаний за самками, демонстраций угрозы нарушителям.

...Наблюдения продолжались две недели, в течение которых я узнал, что у джейранов существует территориальность, а это было до сих пор неизвестно; то есть самцы — хозяева индивидуальных участков — ухаживают за самками только на своей территории, стараясь задержать их здесь как можно дольше. На участке рога находится постоянно, а потребность в воде удовлетворяет за счет снега. Однако не всем самцам удается владеть территорией, некоторые остаются «холостяками». Среди них не только самые молодые и самые старые, но и взрослые самцы, не сумевшие в турнирах доказать свое право на собственный участок. Они ходят вместе с самками с мест водопоев и ночных пастбищ на дневки, но когда пересекают индивидуальные участки, сразу же изгоняются хозяевами.

В мае у самок рождаются джейранята. За одной из них я наблюдал 15 мая. В этот день она находилась вместе с другими самками. К вечеру, как обычно, они спускались с предгорий на ночные пастбища и к водопою. Самка отделилась от других и скрылась за бугром. Проклинаю все неровности на свете, я, насколько мог быстро, оббежал вокруг холма. Это заняло одиннадцать минут. Но как ни торопился — опоздал. Джейраненок уже родился. Мать тщательно облизвала его. Детеныш, качаясь на тоненьких слабых ножках, уже через две минуты начал сосать... Самка продолжала его вылизывать. Через три минуты последовало еще одно за другим два сосания. Когда стемнело, самка оставила детеныша и ушла к горам пастись.

Из литературы я уже знал, что джейраниха первые две-три недели, когда джейраненок еще не может быстро бегать, оставляет его одного, чтобы не привлекать внимание хищников, а сама пасется в трехстах-четырехстах метрах от него. К детенышу подходит только, чтобы покормить.

На следующий день я продолжил наблюдение. Несколько самок паслось в стороне. Часа через два, решив, что джейраненка здесь уже нет и сетуя на невезучесть, собрался уходить. Тут одна из самок

направилась к заветному месту. Приближалась очень медленно, продолжая пасть. Примерно за сотню метров начала продолжительные осмотры. Чтобы обмануть невидимого врага, опускала голову к земле, как бы поедая траву, затем резко вскидывала ее и осматривалась. Делала два-три шага, и снова следовали бесконечные осмотры с обманными маневрами. Прошло минут двадцать, а самка приблизилась к «засекреченному» месту едва ли на тридцать метров. Я успокаивал себя мыслью, что до вечера еще далеко и самка в конце концов подойдет к детенышу. Неожиданно она подняла хвост вертикально и, делая сигнальные прыжки, побежала назад, видимо, чего-то испугавшись. Через сто-сто пятьдесят метров остановилась, развернулась и снова стала смотреть, не отрываясь и не шелухнувшись. Так прошло минут десять. Наконец, она подняла переднюю ногу и замерла в этом положении. Через минуту опустила ее, продолжив осмотр.

Казалось, самке не хватит светового дня, чтобы приблизиться к джейраненку и покормить его. Но после получасовой игры в опасность она решительно зашагала в сторону детеныша, затем побежала. Вдруг опять резко остановилась, еще раз осмотрелась. Через двадцать-тридцать секунд продолжила путь шагом, подойдя почти вплотную к месту, где вчера оставила джейраненка. Тот выскочил и принялся сосать.

Тут началась моя «черновая» работа. Надо было успевать записывать, замеряя секундомером периодичность сосания, продолжительность каждого цикла, паузы и т. д. Интересным был каждый штрих: обнюхала или облизала самка своего детеныша, сам он бросил сосать или мать отошла.

Частота кормления джейраненка явилась полной неожиданностью, так как в литературе отмечалось, что самка кормит своих детенышей трижды в сутки и не более. А тут все не так! Джейраненок сосал, затем бегал вокруг матери и снова принимался сосать; прерываясь через десять-пятнадцать секунд, осматривал окрестности, исследовал разные части тела матери. Вначале детеныш не сразу находил соски, а мордочкой тыкался между передними ногами самки, в ее бок, живот, подходил к ней со стороны хвоста, обходил задние ноги под животом... Прodelывал это два-три раза, пока, наконец, не добирался до сосков. Самка все это время мордой направляла его. После небольшого, в несколько секунд, перерыва и непродолжительной пробежки он вновь начинал поиски. Один раз захотел пройти между передними ногами, но, протиснувшись до половины, застрял. Несколько раз взбрыкнув всеми ногами, он беспомощно затих. Так и висел еще несколько секунд, пока самка не расставила шире передние ноги.

После каждого кормления мать делала два-три шага и вновь кормила детеныша. Таким способом она в течение часа увела детеныша от того места, где он лежал, и уложила в другом. Именно уложила, указав джейраненку место мордой, а сама удалилась на триста-четыре метра от него и продолжила пастьбу.

Судорожно записывая, что успевал, я старался запомнить как можно больше. Но, кроме этого, надо было еще и постоянно наблюдать. Казалось, запомнил, если не все, то многое. Оставалось лишь в «спокойное время» свои наблюдения изложить на бумаге. Но не тут-то было. Аккуратно вписав в дневник две фразы, обнаружил, что это и есть вся информация. Надо было что-то придумать. И я решил многие длинные предложения и понятия для быстроты заменять значками. С ними стало легче.

Джейраниха тем временем, не подозревая о моих проблемах, спокойно паслась. Рассчитывая на длительную передышку, я устроился поудобней перед подзорной трубой и настроился на долгое ожидание. Но самка не более чем через полчаса вновь начала игру в опасность. Те же осмотры и те же обманные движения. Все было бы понятно, если самка делала это у того места, где только что оставила джейраненка, но тут был совсем другой участок. Я даже подумал, что она забыла, где оставила детеныша, и ее демонстративные «маневры» — пустая трата времени. Но неожиданно выскочил джейраненок и подбежал к самке. Она начала его кормить. Это удивило меня настолько, что в течение первых минут я просто заворуженно смотрел на самку с детенышем.

Снова, покормив джейраненка раз тридцать кряду, мать уложила его на другое место, а сама ушла пасть. Поразмыслив над этим странным явлением, пришел к выводу, что, по-видимому, делая записи в дневнике, я незаметно спутал двух самок. Впредь решил быть внимательнее. Но на следующий день самка опять проделала то же самое: сначала покормила одного джейраненка, затем в другом месте через час — другого. Все это было для меня необычно, нигде о таком не читал.

А на равнине у кордона тем временем еще одна самка родила двух джейранят и так же, как первая, кормила их в разных местах и в разное время.

У меня почти не было спокойных перерывов в наблюдениях: когда у одной самки кончалась серия кормлений, у другой — только начиналась. И так до вечера, хотя к каждому детенышу их матери подходили не более трех раз в день, но каждый раз это было многократное кормление. Позже узнал, что есть самки, которые подходят кормить дважды, а есть — четырежды в день. Все, оказывается, индивидуально.

Через три дня после родов джейраниха впервые повела одного малыша к другому. Первый послушно следовал за матерью. Второй джейраненок, увидев приближающуюся самку, вскочил и побежал ей навстречу. «Нервы» у первого не выдержали: при виде быстро приближающегося незнакомого объекта он решительно развернулся и во всю прыть побежал прочь, но через несколько метров залег. Мать, покормив второго детеныша, повела его обратно к первому. Повторилось почти то же, только теперь уже со вторым детенышем. Оба джейраненка, наконец, осторожно приблизились друг к другу, еще издали потянулись носами, стараясь уловить запах. Обнюхались

нос в нос, затем более тщательно исследовали друг друга. Через две-три минуты они уже были почти друзьями, хотя все еще сосали по очереди. Но вот они побежали к матери одновременно, и, как это обычно бывает, с одной стороны и к одному соску. Что тут началось! Отпихивая друг друга, толкались до тех пор, пока один из них не нашел второй сосок. Но все повторилось, когда началось новое кормление.

К концу следующего дня джейранята уже сосали одновременно и из разных сосков. С того дня, как их свели, они стали проводить вместе время и в отсутствие самки. Причем самостоятельно выбрали новое место лежки. Прежнее почему-то не понравилось одному из джейранят. Он встал, поскреб передней ногой лежку, лег и снова встал, пошел искать место поудобней. За ним поспешил и второй. Пройдя несколько десятков метров, они нашли подходящее место и улеглись. Мать все это время в стороне внимательно следила за их передвижениями. Продолжила она пастьбу лишь тогда, когда они успокоились.

На пятый день джейранята начали пробовать растительную пищу. Один из них подошел к пасущейся матери, оттолкнул ее морду и попробовал то, что она ест. Самка стала объедать другой куст, джейраненок проворно подскочил и снова попробовал то, что ела мать. Ему, видимо, это понравилось меньше, чем молоко, так как он сразу бросил пастьбу и начал сосать. Затем отскочил от самки, стал бегать и играть в «догонялки» со вторым джейраненком. Они бежали то в одну, то в другую сторону, то — по кругу.

Недалеко от этого места паслась вторая самка с двумя джейранятами — и те подключились к игре. Обе матери перестали пастись и водили головами вслед за бегущими малышами. Неожиданно и они присоединились. Куда подевалось все взрослое достоинство! Они бегали как угорелые по кругу, прижав уши к голове. Джейранята словно обрадовались такому единодушию со стороны взрослых, стали бегать еще быстрее, прыгать вверх как можно выше, проделывать в воздухе самые невероятные упражнения: крутиться в полете волчком, дурашливо вертеть головой и «дрыгать» всеми четырьмя ногами. Так в игре незаметно прошли четыре минуты. Самки, словно опомнившись, остановились, начали осматриваться. Остановились и три джейраненка. А один продолжал бегать, как заводной, еще минуту. Через пять минут обе самки уже спокойно паслись, а малыши ходили вокруг.

Через неделю джейранята стали уже достаточно самостоятельными. В отсутствие самки поднимали головы, осматривали окрестности, внимательно изучали каждого джейрана, проходившего поблизости. Иногда приняв чужую самку за свою мать, бросались к ней покормиться. Она отбегала или бодала их головой, если они не отставали. Однажды один из них поверг в конфуз самца, когда подбежал к нему с той же целью. Крупный рогач в испуге отскочил довольно резво, а джейраненок кинулся в противоположную сторону

и залег. Самец с минуту смотрел на то место, где он притаился, затем опасливо его обошел.

Рогач ухаживает за самкой весь год, даже в первые дни после родов. Когда же она убегает от преследующего самца, детеныши стараются поспеть за матерью. Рогач воспринимает джейранят как соперников, отгоняет, бодает их. После такого обращения детеныши и к самке подходят очень осторожно, несколько раз отбегают, прежде чем начинают сосать. Иногда мать укладывает малыша, а сама идет навстречу самцу и уводит его в другую сторону.

Через десять дней наши джейранята самостоятельно начали пастьбу, стали сами менять места лежек. Когда самка возвращалась и не находила их, она ходила вокруг, искала, издавая низкие призывные звуки. Поиски длились до получаса.

Джейранята росли очень быстро. Самка проводила с ними все больше времени: вначале — полчаса, затем — сорок минут, потом час, а в конце июня — почти весь день, но на ночь оставляла их и уходила на водопой и ночные пастбища. Только в середине июля, в полуторамесячном возрасте джейранята стали уходить с матерью на ночь.

Экспедиция подходила к концу. Мне предстояло заснять джейранов. Вот уже третий сезон я наблюдал за ними, но ни разу не снимал. Казалось, особых затруднений не будет. Поставил палатку в том месте, где чаще всего видел газелей, подождал два-три дня, пока они привыкнут. Затем забрался в нее еще с ночи и начал ждать. Ждал четыре-пять часов, но джейраны так и не появились. Они прошли в зоне недосягаемости для фотоаппарата. «Что ж, поставлю палатку в другое место», — решил я. Но в другом и в третьем местах повторилось то же самое. Джейраны палатки не боялись, но держались от нее подальше. Решил снимать их с подхода. В такой фотоохоте главное — увидеть джейрана раньше, чем он тебя, и незаметно к нему подойти.

Увидел самку с двумя джейранятами. Начал подкрадываться. Меня загораживал холм. Захотел проверить, правильно ли двигаюсь. Чуть привстал. Не разогнув колен и до половины, увидел самку, но и она заметила неожиданно появившуюся голову на вершине холма и «во все глаза» стала смотреть в мою сторону. Тут главное не шевельнуться. Если заметит движение, обязательно умчится. Самка проявляла чудеса терпения — смотрела на меня уже пять минут: то вскидывала хвост вверх (сигнал опасности), то, будто еще сомневаясь, опускала его вниз; мои ноги в полусогнутом состоянии начали слегка ныть, затем по-настоящему болеть. На лице выступил обильный пот. Тут еще, как назло, появилась назойливая муха. Не выдержав, взмахнул рукой. Муха улетела, но исчезла и самка с джейранятами. Мне же оставалось разминать затекшие ноги.

Чаще получалось по-другому. Я подкрадывался к самке, как мне казалось, тихой охотничьей походкой. Еще немного — и сле-

лаю великолепный портрет. Но вдруг самка начинала беспокоиться, приподнимала хвост и смотрела немного в сторону от меня. Проследив за ее взглядом, я видел другую самку, которая стояла у меня за спиной и с тревожным интересом наблюдала за моими маневрами. Обе, конечно, убежали.

Пришлось изменить тактику: стал подкрадываться ползком. Преодолев как-то добрую сотню метров по труднопересеченной местности, подобрался к лежащей самке на семьдесят-восемьдесят метров. Приготовил фотоаппарат... Но самка вдруг вскочила и убежала. Затем послышался гул — и появилась машина, спугнувшая джейраниху.

И все-таки случались маленькие фотографические радости. Однажды возвращаясь с наблюдения, увидел самку с двумя джейранятами. На четвереньках и прижимаясь к земле, начал трудный путь до деревьев. Приблизившись, стал искать джейранов за первой ивой — не нашел. За второй — тоже никого. Самка с детенышами будто испарилась. И вдруг сквозь ветви неожиданно увидел ее. Мы стояли по разные стороны одного и того же небольшого дерева. Заметил и джейранят: они паслись, направляясь в мою сторону. Один стоял около меня так близко, что едва помещался в кадр. Он тоже увидел меня и стал изучать неизвестное ему существо.

А во мне боролись два желания: хотелось понаблюдать за малышом подольше и в то же время сфотографировать. Не выдержав, щелкнул затвором. Джейраненок вздрогнул, но с места не тронулся. После второго щелчка он потерял ко мне интерес и стал уходить к матери. Я начал обходить дерево, чтобы снять всю семью целиком, но джейраниха «засекла» меня раньше, чем успел сделать два шага: они убежали. Однако снимки джейраненка крупным планом остались.

В другой раз устроился с фотоаппаратом внутри куста тамарикса. Приготовившись, стал ждать. Вдруг раздался низкий хриплый звук, похожий на мычание теленка. Теленок, вроде, приближался, но теперь звуки все более походили на те, что издают хищники, причем самые крупные из них. Джейраниха периодически открывала рот, и почти сразу с ее стороны слышалось «рычание». «Просто удивительно! — подумалось мне. — У нее над ухом рычит хищник, а она не убегает!». И тут до меня дошло, что издает эти звуки сама самка. Позже узнал, что такими звуками она зовет потерявшегося джейраненка. А тогда каждый из нас занялся своим делом: самка звала своего малыша, не обращая на меня внимания, а я ее фотографировал. Получились неплохие слайды.

Изучать биологию и поведение джейрана — моя вторая задача. А первое, что требовалось, установить численность и оценить состояние его охраны. В составе группы сотрудников нашей лаборатории я участвовал в этой работе, совершая многочасовые полеты на самолете АН-2 над пустынями Казахстана: Таукумами, Сарыишикотрау, Причуйскими Муюнкумами, Кызылкумами.

Выяснилось, что численность джейрана в Казахстане составляет около 12 тысяч особей. Много это или мало? Для сравнения скажем: только по правобережью реки Или в межгорной долине Калкан-Матай в 1943 году проходило в период миграции более восьми тысяч этих животных, а по левобережью в 1942 году — около 14 тысяч. Теперь примерно столько газелей обитает на всей территории Казахстана. В Кызылкумах, бывало, в течение двух-трех часов полета не видели ни одного джейрана, а скорость самолета — 160-180 километров в час. Даже в Капчагайском государственном охотничье-заповедном хозяйстве джейрана теснят распашкой земель и выпасом все большего количества скота. А ведь это единственная в Казахстане охраняемая территория, где живут эти газели.

Какое будущее у каракуйрюка? Это зависит только от людей: отдадут ли они ему хотя бы часть территории из обширных пространств казахстанских пустынь. Джейран — единственный представитель рода газелей, который освоил наши северные пустыни. Все остальные обитают в Африке и Передней Азии. Нельзя допустить, чтобы исчез этот уникальный зверь нашей фауны.

Жорга-торгай — птица-иноходец

Обычно наиболее глубоко в памяти человека запечатлевается первое знакомство с новой, несвойственной для него обстановкой. Именно такое впечатление произвела на меня при первом посещении пустыня Сарыишикотрау, расположенная в Южном Прибалхашье, между самыми крупными реками Семиречья — Или и Караталом. С севера ее ограничивает озеро Балхаш, с юга — предгорья Джунгарского и Заилийского Алатау. Эта обширная территория интересна разнообразными ландшафтами.

Тростниковые займища и крепи (глухие, труднопроходимые места.— *Прим. ред.*), сосредоточенные на побережье Балхаша, проникают вглубь пустыни длинными языками только по дельтам рек, образуя здесь в сочетании с деревьями, кустарниками и лианами труднопроходимые тугаи. Основная же часть Сарыишикотрау — это песчаные просторы, по которым как бы бегут с юго-востока на северо-запад гряды, закрепленные растительностью. На востоке они набегают одна на другую, теснятся, а чем дальше на запад, тем шире раздвигаются и в районе сухих русел, по-местному баканасов, разделены широкими, кое-где до трех километров долинами.

Наиболее пестро выглядит район древней Баканасской дельты. Здесь совсем рядом разнообразно сочетаются крупные развешанные барханы, широкие остепненные участки — плакоры, огромные и мелкие такыры и солончаки, выровненные понижения — хаки, наполняемые весной талыми водами, а летом ливневыми дождями. Растительность Прибалхашья представляют в основном кустарники жужгуна, тамарикса, терескена, из травянистых — солянка, полынь, осока, злаки. Но особый колорит и красоту пустыне придает саксаул.

Здесь, в Сарыишикотрау, встречаются два вида этого уникального растения — черный и белый саксаулы. Первый преобладает в западной части пустыни, занимая там межгрядовые понижения, долины баканасов и образуя разный по плотности и густоте саксауловый лес. Отдельные деревья в нем достигают почти метровой толщины и восьмиметровой высоты. Этот лес отличается от привычного тем, что лишенные настоящих листьев деревья не препятствуют солнечным лучам, и здесь почти отсутст-

вуют тень и прохлада. В восточной же части пустыни и на гребнях барханных гряд преобладает белый саксаул, который в отличие от черного никогда не бывает мощным и густым. Отдельные его кустики гнутся под напором часто беснующегося ветра, создавая безрадостную картину.

Вот в такой природной среде и живет саксаульная сойка — типичный обитатель пустынь Средней Азии и Казахстана. По обширности занимаемой территории преобладает ее кызылкумский подвид, живущий в самых крупных пустынях нашей страны — Кызылкумах и Каракумах, а илийский, о котором рассказывает наш очерк, встречается только в Южном Прибалхашье, в песках Сарыишикотрау. Различия между двумя подвидами настолько малы, что практически не уловимы для человека, не посвященного в тонкости систематики.

Илийская сойка — птица величиной чуть меньше голубя. Сверху она имеет пепельно-серую окраску, снизу — бледно-розовую, хвост и концы крыльев блестяще-черные. Черное пятно на зобу и уздечка у глаз, высокая стойка и манера независимо держаться делают эту птицу особо привлекательной. Словно заряженная избытком энергии, она постоянно находится в движении, производя, быть может, впечатление «деловой». Большую часть жизни саксаульная сойка держится на ногах, используя крылья в редких случаях, чаще в минуту опасности. В отличие от многих видов птиц она способна бегать подобно лошади, не раскачиваясь из стороны в сторону, за что и получила казахское название жоргаторгай, означающее в буквальном переводе «птица-иноходец». Но так она передвигается только в бесснежный период. Зимой же и особенно после обильного снегопада скачет подобно сороке. Если при наземном способе передвижения сойка благодаря своей покровительственной окраске практически сливается с фоном пустыни, то в полете две, широкая и узкая, белые полосы на крыле делают ее очень заметной.

Сойка — птица осторожная, скрытная и молчаливая. Голос подает только в момент наивысшего возбуждения. Даже опытный наблюдатель, хорошо знающий пустыню и ее обитателей, зачастую не подозревает, что за ним из-за ближайшего деревца саксаула внимательно наблюдает пара птичьих глаз, давно обнаруживших медленно бредущего по барханам человека. Благодаря такому поведению, а также резко ограниченному району распространения, далеко не каждый, попавший в Южное Прибалхашье, видит илийскую сойку. Не случайно впервые ее добыли и описали в междуречье Или и Каратала только в 1911 году, а спустя еще 46 лет обнаружили жилое гнездо.

Вот и мы вначале долго не могли увидеть саму птицу в местах, где, как оказалось, она была не редкой...

Все сильнее грело весеннее солнце. С каждым днем буквально на глазах менялся облик пустыни, еще недавно покрытой белым покрывалом. Серовато-желтые проталины на южных скло-

нах больших барханов, день ото дня увеличиваясь и сливаясь друг с другом, постоянно меняли площадь и очертания. Прибыв в это время года в Южное Прибалхашье и исколесив по весенней распутице и бездорожью не одну сотню километров, мы за десять дней самых тщательных поисков смогли найти только несколько старых гнезд сойки да увидеть четкие строчки ее следов. Не имея больше времени на разъезды, мы встали лагерем в месте, где следы сойки встречались наиболее часто.

Как нередко бывает в жизни, мы после долгих и бесплодных поисков утром следующего дня, выйдя из палатки и сделав всего несколько шагов в сторону, прямо перед собой увидели птицу, ради которой забрались вглубь песков. Спрыгнув с деревца, она молниеносно скрылась за барханом. Вслед за ней туда же ринулась и вторая, а мы дали им возможность подальше убежать. На кусте саксаула, с которого соскочила первая птица, заметили не совсем готовое гнездо. В этот же день всего в двух километрах от лагеря нашли и второе, а к концу мая мы насчитали около пятидесяти жилых гнезд.

В отличие от большинства видов птиц, улетающих на зиму, саксаульная сойка живет оседло. И только молодым особям, у которых нет еще привязанности к родным местам, свойственна отточка, да и то не выходящая за пределы Южного Прибалхашья. Взрослые же птицы не покидают гнездовых участков даже при глубоком снеге и сильных морозах. Суровые условия обитания в пустыне северного типа, к которому относится Сарыишикотрау, вынудили саксаульную сойку приспособиться, связали ее незримыми нитями с внешней средой.

Казалось бы, эту исконную обительницу пустыни можно было бы назвать пустынной, а за приверженность к барханным грядам — барханной. И тем не менее ее видовое название — саксаульная — более точно, поскольку отражает теснейшую связь птицы с саксаулом.

Проследим эту связь. В ветвях саксаула сойка устраивает гнездо, которое своей шарообразной формой напоминает сорочье, но только более ажурное и компактное. Оно органически сливается с общим фоном куста саксаула, на котором сооружено, поскольку основным материалом постройки являются его же веточки. Помнится, одно гнездо, несмотря на возбужденное «тилиликанье» самца, мы искали почти три часа, а, когда обнаружили его на небольшом кустике, были поражены: здесь, поблизости, земля была многократно нами исхожена, хотя вокруг росло не более двух десятков кустарников и деревьев. И уже потом, хорошо зная место расположения гнезда, мы и то порой проходили мимо.

Сойки гнездятся обычно в разреженных саксаульниках. Объясняется это, видимо, тем, что птицам нужен хороший обзор местности...

Строят гнездо вместе и самец и самка, используя преимущественно хрупкие побеги саксаула, которые легко обламываются и пе-

реносятся, тогда как с другими кустарниками надо достаточно повозиться, прежде чем отделишь и доставишь их веточки к месту назначения. Даже в низовьях Каратала, где на барханных грядах преобладают кусты жужгуна, сойки, строя в них гнезда, обязательно выбирают те, которые находятся поблизости хотя бы от одиночного деревца саксаула. И это деревце пара птиц обязательно использует в качестве основного поставщика строительного материала.

Очевидно, здесь дело и в том, что, помимо хорошей ломкости, прутьи саксаула имеют естественную кривизну, благодаря которой достаточно хорошо укладываются в стенках и крыше постройки. А это облегчает и сокращает время строительства, что в условиях пустыни, где благоприятный период для размножения слишком короток, имеет жизненно важное значение. Видимо, по этой же причине сойки мало собирают мягкие части растений (преимущественно растительный пух), а предпочитают брать их из старых, прошлогодних, либо разоренных врагами гнезд. Разборка старых построек стала настолько обычной, что мы, осмотрев более сотни их, не нашли ни одного с целой выстилкой.

Ловко орудуя клювом, сойки вставляют комлем ветку в стенку или крышу гнезда и протягивают ее сквозь них, как при штопке носок хозяйкой. Прутик благодаря своей изогнутости придает своду над лотком гнезда форму купола. Колючие же обломки жужгуна, вмонтированные в гнездо, повышают его прочность и, кроме того, выполняют защитную функцию.

Принося строительный материал, сойка заскакивает в гнездо с одной и той же постоянной точки. Если у обоих членов пары эта точка совпадает, постройка будет иметь один вход, если нет — то два. Естественно, преимущество получают те пары, у которых два выхода, поскольку запасной выход повышает возможность остаться хозяйке гнезда живой в минуту реальной опасности. Любопытно, что в одном из гнезд было даже три входа!

Сухие вершины наиболее высокого саксаула, особенно растущего на гребне бархана, служат для соек своеобразными наблюдательными пунктами. Изредка взлетая на них, птица как бы сигнализирует чужим особям, что территория уже занята, а другу (или подруге) «сообщает» о своем в данный момент местонахождении.

Исключительно ответствен в жизни птиц период насиживания. В это время, когда оставление кладки даже ненадолго грозит переохлаждением или перегревом яиц, самец, если нет опасности, кормит самку прямо на гнезде. Подкормка ее продолжается и при маленьких птенцах до тех пор, пока они не начнут оперяться. Самка же, распластав крылья и чуть приподнявшись, предохраняет потомство от губительного воздействия горячих лучей солнца, либо плотно прикрывает телом птенцов при низких температурах ночью. Снизу и с боков ту же предохранительную миссию выполняет толстый слой выстилки, сотканный птицами наподобие войлока из растительного пуха и шерсти животных.

Своеобразно доставляется в гнездо пища. Наполнив до отказа

горловой мешок, сойка приносит за раз не один-два пищевых объекта, как это делают большинство мелких насекомоядных птиц, а до сотни и более. В летнюю пору сойки кормятся сами и выкармливают птенцов преимущественно личинками и куколками муравьев, а также личинками муравьиного льва. Это насекомое, безобидное во взрослом состоянии и внешне напоминающее стрекозу, откладывает яйца, из которых вскоре развиваются личинки. Они, поселяясь в почве, фонтанируют песок, делая на его поверхности небольшие воронки — своеобразные ловушки, в которых песчинки, постоянно осыпаясь, не дают возможности попавшим в них насекомым выбраться наружу. Личинка, ощущая движение в лунке, хватает мощными челюстями попавшего муравья и пожирает его. Сойки, зондируя клювом песок, способны добывать и сразу приносить в горловом мешке до ста муравьиных куколок, до двух десятков личинок муравьиного льва. Кроме того, в пищевом комке зачастую содержатся два-три жука-слоника или крупная пустынная златка, схваченная попутно с ветки саксаула или жужгуна.

Вот с такой ношей самец спешит к гнезду. Но если он увидел на участке хищника или что-то другое, представляющее опасность, то уже не торопится, а садится в отдалении на верхушку саксаула и ждет, пока самка скрытно не приблизится к нему и, трепеща крыльями, словно маленький птенец, не заберет пищу. Отдав ей принесенное, он вскоре скрывается, а она так же осторожно бежит обратно, чтобы скорее продолжить насиживание.

Как-то при холодном, пронизывающем до костей ветре я решил в деталях рассмотреть процесс сбора и доставки самцом корма и расположился совершенно открыто на вершине крупной гряды близ одного из гнезд. Обзор местности был великолепным, и я потирал в предвкушении руки. Но не тут-то было. Самец без особого труда обнаружил меня, залег с подветренной стороны ствола саксаула и неподвижно пролежал там около трех часов, пока я не сменил место. Только после этого он стремительно побежал к гнезду и быстро покормил в нем самку.

В минуту опасности, и особенно при преследовании, сойка, совершив короткий рывок, использует до тонкости знакомый рельеф местности и буквально в считанные секунды растворяется в пустыне. Естественно, рванувшийся за сойкой преследователь продолжает нести в направлении, в котором исчезла птица. А она, пробежав немного по ложбинке, вильнула в сторону и, укрывшись за комлем дерева, внимательно наблюдает за незадачливым преследователем. Слегка перемещаясь, она остается незаметной, так как держится с противоположной стороны дерева. Зачастую, заметив птицу, я специально делал на некотором удалении от нее несколько кругов, и сойка отлично выдерживала экзамен, выскакивая из-за укрытия только тогда, когда я направлялся прямо к ней. Точно так же птицы реагируют на наземных и воздушных хищников. Молодые, пока еще не умеющие летать, но уже покинувшие гнездо, предпочитают заранее залечь и благодаря покровительственной окраске стать неза-

метными для постороннего глаза. Но, застигнутые врасплох, спешат к наиболее густым кустам саксаула.

Хотя саксаул и не спасает от летнего зноя, тем не менее сойки с удовольствием проводят жаркое время в его «тени». За стволом укрываются они и от ветра, постоянно дующего в пустыне то умеренно, то с невероятной силой. Для человека сильный ветер, несущий песок и наполняющий воздух пылью, обычно неприятен, так как, забывая глаза, уши и рот, делает пребывание в пустыне невыносимым.

Сойке и другим животным, обитающим здесь, ветер оказывает неоценимую услугу. Возникая, как правило, после восхода солнца, он замечает песчинками их следы, которые при безветрии могли бы выдать близость гнезда хищникам. Ведь пара соек не менее тысячи раз за четыре-пять дней приносит строительный материал и около сотни раз ежедневно в течение трех недель доставляет пищу птенцам. Песчаная же поземка курится на склонах барханов и сглаживает неровности, воссоздавая первозданную девственность пустыни. Полуденный зной тоже легче переносится, если дует хотя бы слабый ветерок. При этом более активны и чаще попадают сойкам насекомые, и птенцы в такие дни получают с меньшими перерывами больше пищи.

В зимнюю стужу сойки опять же спасаются, как и летом, в ветвях саксаула, изредка слетая на землю, чтобы боковыми ударами клюва, слегка загнутого и удлинённого, быстро выковырнуть из-под снега корешки или клубеньки луковичного мятлика. Но основным кормом сойки зимой являются летучки — семена саксаула, которые в урожайные годы гроздьями висят на ветвях. Созревая осенью, они в достатке дают в течение всей зимы пищу многим зерноядным видам птиц и не залегающим в спячку грызунам.

Очень любят сойки посещать места, где склонившиеся нижние ветки касаются земли. Там птицы набивают на снегу хорошо утопанные площадки, которыми также пользуются разнообразные грызуны и особенно часто песчанки. Собирая семена, они уносят их про запас в свои подземные кладовые.

В свою очередь, вычищая норы и производя копки, грызуны оказывают сойкам услугу, выбрасывая с землей на поверхность оцепеневших насекомых и даже ящериц, которых птицы охотно и поедают. Зимой, когда кормовая база скудна, сойки обследуют ниши и норки, порой погружаясь внутрь до половины тела, чего никогда не делают летом. Таким образом, здесь очевиден взаимопользительный симбиоз между птицей и грызунами.

Поедая семена саксаула, сойка не причиняет ему вреда, а скорее, наоборот, приносит пользу. Срывая летучки, птица большую их часть пускает по ветру, способствуя этим возобновлению деревьев. Разлетаясь, семена накапливаются в понижениях и других защищенных от ветра местах и благополучно перезимовывают под покровом снега. Весной они быстро набухают и прорастают. Летучки же, ос-

тавшие на деревьях, промерзают зимой настолько, что теряют всхожесть.

Летом сойка платит саксаулу за зимнюю подкормку сторицей, поскольку не упустит случая, чтобы, пробегаая мимо, не схватить замеченное насекомое. Если птица сыта, она несколькими ударами крепкого клюва убивает наиболее крупных жуков, разрывает песок и, заложив жертву в образовавшуюся ямку, зарывает ее. Считается, что таким образом из излишков пищи создаются запасы на неблагоприятный период — зиму. Однако сомнительно, чтобы в пустыне при постоянно меняющейся обстановке птица могла запомнить место, где припрятала лакомый кусочек, да и вряд ли станет есть потом пересохшую хитиновую оболочку. Скорее всего мы в данном случае сталкиваемся с не совсем понятным явлением.

Остатки трапезы, оставленные на песке, долго не залеживаются. Их тут же, как, впрочем, и выдуваемых ветром ранее запрятанных насекомых, моментально находят хозяйственные муравьи и уносят в свои подземные кладовые...

Как известно, ни один вид животного не живет изолированно от окружающих его видов. Все они существуют в сообществе. Не составляет исключения и саксаульная сойка. Рассмотрим ее связи с обитающими в пустыне животными, в том числе и другими пернатыми. Так, не совсем ясны пока взаимоотношения соек с родственными им вороновыми птицами. Сойки явно боятся своих более крупных сородичей. Серые вороны, возможно, и разоряют гнезда соек, но делают это лишь на самых ранних этапах их размножения, поскольку к началу апреля улетают за сотни километров на север, где сами приступают к гнездованию. Сорока и черная ворона, живущие только в пойменных участках и в дельте реки Или, не влияют на жизнь сойки, так как совместно с ней селятся очень редко.

Пожалуй, главным врагом соек среди пернатых можно назвать пустынного ворона, живущего в тех же местах. Обладая очень хорошим зрением, ворон довольно быстро выслеживает мелких птиц и разоряет их гнезда. Не случайно в районе, где поселилась пара воронов, в радиусе пяти-шести километров не найдешь ни одной сойки. Они явно научились за многовековую историю жизни в пустыне не селиться поблизости от своего умного и сильного родственника.

Весной, пока еще не зазеленели барханы и долины между ними, пустыня бедна живностью, и пищевые цепи упрощены. Вот в это время сойка и принимает на себя часть врагов, в том числе и хищных птиц, пролетающих над Прибалхашьем. Не раз мы замечали крайнее беспокойство сойки, когда, завидев летящего на бреющем полете болотного либо других луней, она резким, высоко дрожащим криком «тили-ли-ли-ли» как бы предупреждает соседей о приближающейся опасности. И этот сигнал настораживает обитающих рядом жаворонков, славков, пустынного и других видов воробьев, большую песчанку и других мелких животных. Так же подозрительно сойка относится к коршуну, степному орлу, могильнику, курганнику и змееяду.

Однажды мы были свидетелями, как сойка, заметив пролетающего над ее гнездом курганника, взлетела и атаковала его, нанося в пикировании, видимо, ощутимые удары, так как хищник вскоре поспешил удалиться от возбужденной птицы.

Если в районе, где поселился ворон, сойка никогда не встречается, то сосуществование с хищной птицей вполне возможно, поскольку та, как правило, не трогает поблизости от своего гнезда мелких обитателей и по возможности не дает здесь охотиться другим. Мелкие птицы, поселившись по соседству с хищником, как бы находятся под его защитой. Но приведенные примеры относятся к дневному образу жизни. А как же ночью?

Ночью тоже небезопасно. Хотя и лежит покинувший гнездо молодой птенец сойки под защитой густого куста саксаула или сидит в его ветвях, шевелиться ему не стоит. С наступлением сумерек на смену дневным появляются ночные хищники. Зазевавшийся птенец может попасть в зубы лисицы, ласки, хорька или в острые когти сыча, появляющегося всегда неожиданно и бесшумно. Домовый сыч размерами не превосходит сойку, однако в состоянии утащить в свое логово молодого несмышлениша-сойчонка, вздумавшего устроиться поудобнее. Даже, казалось бы, безобидный с виду ушастый еж тоже не упустит случая, наткнувшись на птенца, полакомиться его нежным мясом. Но, пожалуй, больше всего неприятностей из активных в ночное время животных доставляют кошки, поскольку обладают способностью хорошо лазить по деревьям.

Среди них еще сравнительно недавно первенство принадлежало манулу — обитателю пустынь, в том числе и Южного Прибалхашья. Но этот обладатель красивой и мягкой шкуры подвергся, как и многие его собратья, преследованию и истреблению со стороны человека, отчего попал на страницы Красной книги и вряд ли сейчас представляет угрозу саксаульной сойке.

Иное дело домашняя кошка. Проникая вместе с человеком вглубь пустынь, это самостоятельное животное нередко бросается им на произвол судьбы, особенно часто в период перекочевки. Такие горемыки быстро дичают и становятся поистине бичом для пернатых. Немало птенцов и самих взрослых птиц гибнет в кошачьих когтях.

Много в песчаной пустыне обитает и змей, но не все они опасны для саксаульной сойки. Песчаные удавчики, напоминающие собой длинную сардельку, и чрезвычайно подвижные стрелки могут доставлять неприятности сойкам лишь изредка. Первый, обладая огромной силой, без труда буравит песчаную почву и, проникая в норы грызунов, поедает их детенышей. А стрелка, замаскировавшись в кустике саксаула, терпеливо ждет, пока не появится вздумавшая неосторожно передохнуть в тени этого же кустика какая-либо ящерица. Только крупные экземпляры узорчатого полоза да родственник гремучих змей — щитомордник, обнаружив гнездо и не обращая внимания на беснующихся родителей, заглатывают одно яйцо за другим или также птенцов, а затем, распухшие, долго лежат без движе-

ния поблизости от места, где совершили «преступление». Любопытно, что змея никогда не прикасается к неоплодотворенным яйцам, хотя само яйцо для нее является поистине деликатесом. Не исключено, что она улавливает тухлый запах «болтунов», проникающий в мизерных количествах через поры скорлупы. Позже, когда птенцы достигают размеров жаворонка, они уже становятся не по зубам ни полозам, ни щитомордникам.

Быстро растут сойчата. За десять-пятнадцать дней в несколько раз увеличивается их масса. Выкармливая свое потомство преимущественно насекомыми, сойка не упустит случая прихватить зазевавшуюся ящерицу. Чаще это случается ранним утром, пока лучи солнца еще не прогрели остывшую за ночь землю. Выйдя из своих подземных убежищ, пресмыкающиеся, будучи холоднокровными, греются на солнце. И в эти-то часы, пока ящерицы малоподвижны и медлительны, они и становятся легкой добычей соек. В отличие от мелких беспозвоночных, быстро перевариваемых и легко усвояемых, куски мяса ящериц как более сытные позволяют птенцам дольше не ощущать чувство голода.

Для интенсивного роста всегда нужна витаминизированная пища, и сойки приносят своему ненасытному потомству различные растения. Беря у птенцов специально разработанными методами пробы корма, мы находили в них плоды эремурусов, напоминающие внешне зеленую горошину. Эти плоды мясисты, содержат, видимо, немало влаги, которая в пустыне — постоянный дефицит. Сойки охотно собирают и другие семена, причем предпочитают с твердой, толстой оболочкой. Их кожа, видимо, выполняет роль мельничных жерновов. Известно, что птицы не имеют зубов и, чтобы ускорить переваривание растительной пищи, а возможно, и грубой животной, заглатывают камешки, которые помогают раздавливать, размельчать пищу в желудке. Но в пустыне трудно найти камни, а перевеянные многократно и сильно измельченные песчинки слишком малы. Поэтому сойка и заменяет их семенами в твердой кожуре, а также моллюсками, раковины которых содержат известняк, необходимый развивающемуся организму для укрепления костей.

Внутривидовые отношения саксаульной сойки мало известны из-за трудности наблюдений за ней. Обособившаяся пара занимает довольно большой участок. Его размеры составляют в центре ареала полтора километра на километр. А на периферии, где сойки живут разобщенно, величина участка достигает пяти-шести квадратных километров. Границы владений зачастую проходят по вершинам гряд или окраинам больших такыров. Гнезда разных пар удалены одно от другого на полтора-два километра, но иногда их разделяет лишь мощный бархан.

Агрессивность, сопровождающаяся драками самцов, как это случается у отдельных видов птиц, для сойки не характерна. Достаточно появления на вершине саксаула хозяина участка, как вторгшаяся птица тут же удаляется. Хозяин теряет интерес к чужаку и, обжевав свои владения, продолжает прерванное занятие.

Семейные пары связаны брачными узами надолго, до тех пор, пока кого-либо из них не унесет смерть. С началом размножения самец, как уже говорилось, часть забот берет полностью на себя: охраняет границы гнездового участка, с появлением в гнезде яиц заботится о самке, затем также активно «поднимает на ноги» потомство.

Как только птенцы покидают ставшее для них тесным и неудобным гнездо, родители уводят их сразу же на вершину какого-нибудь крупного бархана и здесь преподносят им уроки жизни. Птенцы первое время держатся поблизости друг от друга и находятся под бдительным взором одного из родителей. В случае опасности он, издавая сигнал тревоги, заставляет их моментально спрятаться или неподвижно залечь на месте. Птенец, пренебрегший этим правилом, может стать легкой добычей воздушных пиратов. Около месяца взрослые сойки учат молодых добывать насекомых и других животных, разделять добычу, познавать врагов и способы избежания опасности. Все это постепенно закрепляется в памяти. Достигнув самостоятельности, птенцы разбредаются, но еще долго, даже в зимнюю стужу у них нет-нет да проявляется тяга к себе подобным, и тогда их видишь парами, а то и по три-четыре особи вместе.

Сойка, как уже говорилось, считается птицей молчаливой. Такое мнение сложилось, вероятно, от того, что детально этот вид прежде не изучали. Помимо известного в литературе звонкого, пронзительного «тилиликанья», издаваемого птицей в минуту опасности, нам удалось услышать еще несколько специфичных сигналов. В спокойном состоянии члены семейства «переговариваются» между собой своеобразным «чпиканьем», которое как бы оповещает, где в данный момент находится подающая сигнал птица. В период, когда самки откладывают яйца, самцы начинают, уйдя в укромное место, слегка бормотать, воспроизводя звук, похожий на легкий удар стальным стержнем по жестяному ведру. Этот звук, по-видимому, птица издает в минуту одиночества, но значение его еще не выяснено.

Совершенно особые отношения сложились у сойки с человеком. Пока пустыни оставались неосвоенными и хозяйственная деятельность людей распространялась не далее, чем на окраины песчаных массивов, сойка сторонилась соседства с человеком. Так, исследователь В. Н. Шнитников, который первым нашел и описал саксаульную сойку в Южном Прибалхашье, обратил внимание на то, что она придерживается исключительно безлюдных мест и немедленно их покидает, как только сюда кто-нибудь прикочевывает.

В наше время этот интересный по своей природе район Казахстана освоен настолько, что почти невозможно найти даже небольшой участок, на который бы не ступала нога человека. Более того, если раньше колодцы с питьевой водой располагались один от другого на расстоянии дневного караванного перехода, то теперь в любом направлении через каждые четыре-шесть километров встречаешь бетонные кольца, уходящие к водоносному горизонту. От каждого такого колодца на все четыре стороны света разбегаются дороги и, двигаясь по любой из них, вскоре попадаешь к такому же разветв-

ленному узлу. Примерно у каждого третьего или четвертого колодца стоят юрты чабанов и одна-две отары овец. Бензиновые двигатели поднимают на поверхность земли воды столько, что в отдельных местах образуются небольшие озера, вокруг которых сразу же собираются всевозможные животные. И сойке в современных условиях, останься она, как прежде, осторожной и нелюдимой, пришлось бы вовсе покинуть Южное Прибалхашье.

Если в начале нашего века, когда вел свои исследования В. Н. Шнитников, сойку знали лишь немногие местные жители, исключительно живущие в центре ее ареала, то в наше время при опросе получаешь сведения от лиц, далеких по роду своего занятия от пастбы скота и живущих на значительном удалении от таких мест. Мирное сосуществование сойки с человеком отмечено и нами. Из пятидесяти знакомых нам пар только три при нашем появлении вели себя возбужденно, а большинство относились к нам нейтрально. Птица, как мы убедились, не только приспособилась к соседству с человеком, но еще и извлекала для себя определенную выгоду.

Зимой, когда добывать пищу становится очень трудно, сойки сосредоточиваются близ зимовок со скотом. В наших пустынях скот выпасается даже в самое холодное время года. Пасущиеся отары разбивают снежный покров и способствуют его быстрому стаиванию. В загонах для домашних животных постоянно в достатке семян и зимующих оцепеневших насекомых, которые нет-нет да и начинают двигаться при хорошем солнышке. Кроме того, полупереваренные семена, уже прошедшие пищеварительный тракт животного, легче усваиваются в желудке птицы. Не гнушаются сойки и отбросами со стола человека, хотя большую часть их поедают чабанские собаки.

Известно, что выпасаемые животные, особенно отары овец, вытаптывают довольно много птичьих гнезд. Сойке же здесь «повезло». Ее гнездам на деревьях не грозят пасущиеся животные. Они, наоборот, приносят птице пользу, оставляя в достатке шерсть и пух — хорошие теплоизолирующие материалы, необходимые для выстилания лотка. А о том, что скот и овцы обеспечивают сойку кормом, мы уже говорили: на местах стоянок домашних животных она находит много беспозвоночных, питающихся пометом. А раз так, значит больше для нее и возможностей прокормиться самой и выкормить свое потомство. Видимо, не случайно по сравнению с началом века, когда пустыня не была так освоена человеком, сойка оставалась редкой в Южном Прибалхашье. В современных же условиях она не только перестала чуждаться человека, а даже сопутствует ему, но не более чем в пределах мест своего распространения.

Любопытство свойственно всем птицам, как, кстати, вообще многим животным, но особенно четко оно проявляется у молодых. Часто, завидев идущего человека, птица бежит в его направлении, а затем, соблюдая определенную дистанцию, сопровож-

дает иногда с километр, а то и более. Да и взрослые птицы, обнаружив нас в гнездовом районе, приближались на двадцать-тридцать метров и, будто занимаясь своим делом, на первых порах явно изучали нас. Сойки, около гнезд которых мы провели немало времени, постепенно переставали обращать на нас внимание, а одна уже на второй-третий день в нашем присутствии (мы стояли здесь лагерем) спокойно достроила гнездо, отложила кладку и начала насиживать яйца. После того, как гнездо посетил ворон, они устроили новое, в пятидесяти метрах от прежнего и неподалеку от колодца, из которого мы брали воду.

Зимой, когда мы остановились здесь, чтобы, набрав воды, перекусить, самка не замедлила явиться, словно для приветствия старых знакомых. Посидев в десяти метрах от нас некоторое время, она соскочила с пенька саксаула и медленно удалилась. Другая пара, у которой гнездование прошло успешно, привыкла к нам настолько, что кормила птенцов, не обращая внимания на людей, сидевших всего в пяти-восьми метрах с фотоаппаратом и кинокамерой. Именно эта пара сыграла главную роль в фильме казахстанских кинодокументалистов «В дельте Или». Другие сойки, около гнезд которых мы появлялись очень редко, немедленно убегали и не подходили к гнезду до тех пор, пока мы не отступали за пределы его видимости.

Известно, что некоторые вороновые, как, например, серая и черная вороны, хорошо отличают конкретного человека даже тогда, когда он, пускаясь на ухищрения, сменит одежду. А имеют ли такую способность сойки? По-видимому, нет. Для них все люди одинаковы, будь они мужского или женского пола, высокие или низкие. Сойки, зимующие близ стоянок чабанов, одинаково спокойно относятся и к хозяевам, которых видят ежедневно, и к посетителям. Но доверчивы лишь до тех пор, пока их не начнут преследовать.

Таким образом, хозяйственная деятельность человека пока что сказывается на сойке положительно. Мало влияют на нее и рубки леса, достигшие сегодня угрожающих размеров. Почему? Дело в том, что саксаульная сойка обитает, как мы уже сообщали, в относительно широких межгрядовых долинах, в которых небольшие такыры перемежаются с песчаными шлейфами и невысокими буграми. А в таких местах произрастают преимущественно отдельные, чахлые кусты саксаула, и небольшие рощицы настолько редки, что не может быть и речи о заготовке здесь древесины. Более того, в Южном Прибалхашье сейчас ведутся на довольно-таки больших площадях лесовосстановительные работы. А поскольку далеко не из каждого семени всходит и вырастает дерево, сойка получает дополнительные места гнездования. Казалось бы, все хорошо складывается для саксаульной сойки. Но одно обстоятельство — распашка пустынных площадей под посевы риса — внушает обоснованное опасение за судьбу целого

ряда живущих здесь животных и в первую очередь илийской саксаульной сойки.

Пока пространства пустынь осваивались близ речных долин, проблемы не существовало, но когда началось освоение Акдалинского массива, занимающего южную часть ареала птицы, положение стало в корне меняться. Мощные бульдозеры, скреперы, экскаваторы и другая современная техника преобразуют значительные территории в ровные квадраты рисовых чеков. Через два-три года поля засолятся, и тогда им на смену расчищаются новые участки. Так планомерно уничтожаются места гнездования илийской саксаульной сойки, которую однажды может постигнуть судьба туранского тигра, навсегда исчезнувшего из Семиречья. Очевидно, следовало бы оставить в неприкосновенности хотя бы центральную часть ареала сойки, расположенную в треугольнике между руслами старых «баканасов», создав так необходимый здесь пустынный заповедник.

Слепыш — житель подземелья

Кто бывал в песчаных пустынях и полупустынях Западного Казахстана, наверняка обращал внимание на бурые холмики-конусы свежей земли, словно пропущенной через терку. Смотришь: сегодня их два-три, а завтра-послезавтра может быть уже больше десятка. Чья же это усердная работа? Оказывается, подземного жителя, неутомимого и малоизвестного землекопа — гигантского слепыша.

Для грызуна он и впрямь крупный — около тридцати пяти сантиметров в длину. Вид зверька оригинален: голова тупорылая, шире туловища. Шея короткая, неподвижная и толстая. Короткие лапы снабжены сильными, хотя и небольшими когтями. Весит слепыш в среднем чуть более шестисот граммов. Это — самец. А самки поменьше — около полукилограмма.

Но самое примечательное в облике зверька — отсутствие глаз. Природа, по-видимому, рассудила так: зачем глаза обитателю глубоких подземных ходов, который круглый год занят землеройными работами? Да и имя зверек получил из-за слепоты неблагозвучное. Зато отлично ориентироваться этому животному помогают осязание и слух. Они не подводят. Наружных ушных раковин у зверька нет, однако он способен чутко улавливать малейшие шорохи внешнего мира. Выходя на поверхность, он сидит у входа в нору и внимательно прислушивается. Едва почувствовав опасность, зверек моментально скрывается под землю.

У слепыша красивый мех — густой, мягкий, бледно-пепельного тона, одинаково хорошо зачесывающийся в любую сторону. Для обитателя подземелья последнее качество очень важно: во время движения по узким лабиринтам независимо от того, какую скорость он «включает» — переднюю или заднюю, в мех не попадает грунт.

В отличие от других подземных обитателей — цокора или крота — у слепыша главный копательный орган не лапы, а зубы, особенно нижние резцы, которые длинные, отлого изогнуты и сильно выделяются вперед. Слепыш не копает, а выгрызает почву и разрыхляет ее нижними резцами. С их помощью зверек добывает пищу, захватывая за корень и втягивая к себе в подземелье наземные части растений. Ротовое же отверстие всегда закрыто втянуты-

ми внутрь губами, и земля в рот не попадает. Во время рытья зверек пятится, выбрасывая из-под себя землю задними лапами на пятнадцать-двадцать сантиметров. Образующийся лишний грунт слепыш выталкивает на поверхность своей клинообразной, сплюснутой головой. Если ему нужно повернуться в тесных лабиринтах, он это делает, кувыркаясь через голову.

В поисках корма зверек прокладывает под слоем дерновины сложные ходы, обычно на глубине тридцати-семидесяти сантиметров. От «магистралей» идут ответвления — боковые коридоры, которые вместе могут быть в несколько раз длиннее главного хода. Общая протяженность системы ходов достигает полутора-ста метров.

Норы слепыша состоят часто из многоярусных ходов. На довольно большой глубине — до двух с половиной метров — располагаются гнездовые камеры, по соседству — «склады» с кормами. Там же неподалеку устраивает зверек и «туалеты». И живет он спокойно под землей подолгу в одной норе, не страшны ему никакой враг и никакой мороз. Например, в самые холодные часы позднего дня, когда поверхность земли остывает до минус пятнадцати градусов, в «доме» слепыша на двухметровой глубине температура бывает восемь-пятнадцать градусов тепла и почти не подвергается колебаниям.

Излюбленный корм этого грызуна — подземные части растений. Зверек исключительно травояден, пищу животного происхождения не употребляет. Зато растительное его меню очень разнообразно: примерно тридцать шесть видов дикорастущих и шесть культурных растений; особенно предпочитает картофель, морковь, свеклу. В подземных кладовых слепыша находили по тринадцать-четырнадцать килограммов картофеля.

Находясь в подземелье и питаясь в основном сочными корнями, животное вполне удовлетворяет свою потребность в воде.

В спячку слепыш не впадает, деятелен он круглые сутки. А по сезонам года наиболее активен весной. В это время зверек интенсивно копает и делает много выбросов.

Слепыши малообщительны, живут отшельниками, каждый в своей норе. И до сих пор остаются загадкой их свадьбы, хотя вполне вероятно, что помогают им находить друг друга характерные хрюкающие звуки и специфические запахи. Но так или иначе детеныши рождаются дважды в год: в конце марта — начале апреля и в середине октября — начале ноября глубоко под землей голыми и слепыми. Поскольку родители живут по-рознё, мать одна заботится о своем потомстве.

В Актюбинской области в песках Кумшоката мне удалось изловить слепыша и более месяца наблюдать за его образом жизни и поведением в неволе. Домашняя обстановка вполне устроила обитателя подземелья. Он охотно лакомился овощами. Причем делал все сугубо по-хозяйски: остатки пищи не выбрасывал, а бережно складывал в уголок своей клетки — авось, пригодится.

В неволе слепыш ведет себя спокойно и, если не трогать, сидит на одном месте, не пытаясь выбраться из клетки. Противоположен ему цокор. Посаженный в садок, он старался вылезти из него, царапая когтями и резцами по стеклу и, если находил слабое место в клетке, начинал грызть до тех пор, пока не прогрызал отверстие.

Слепыш, выпускаемый на поверхность, всегда спешит скорее зарыться. Но прежде чем начать зарываться, он выбирает участок с мягким грунтом, в течение десяти-двадцати минут бегая кругами и бороздя почву нижними резцами. Временами зверек останавливается и стряхивает песок с головы и шеи. Чувствуя опасность, быстро пятится или крутится на месте.

Кормится слепыш, стоя на четырех лапах или же передними придерживая пищу на весу. При этом очищает наземные части растений от прилипших частиц грунта, а после еды чистит от остатков пищи резцы. Крупный корень может грызть, лишь прижав его в угол. По-видимому, приспособлен зверек питаться лишь закрепленными в почве кормами.

Мы уже называли зверька отшельником. Но он еще и злобный. Наблюдения за ним в неволе подтверждают это. Чтобы выяснить отношения между взрослыми зверьками, самца и самку мы посадили в одну клетку. Первый раз они столкнулись неожиданно, некоторое время толкались мордами, затем разошлись. Один зверек сел, другой стал ходить по клетке — искать выход. И вдруг на него набросился сидящий — завязалась драка. Один вцепился в заднюю ногу другого, а тот в ответ ухватил неприятеля за хребет; в течение минуты они ожесточенно сражались, после чего разошлись сильно возбужденные и готовые, казалось, при малейшем движении драться вновь. И действительно: стоило одному пошевелиться — другой тут же напал на него. В этот раз они сцепились резцами и кружились на месте примерно минуту-полторы, перемещая из стороны в сторону лишь заднюю часть туловища. Мы вытащили за ногу одного слепыша, приподняли, и в таком положении, сцепившись, они оба висели больше минуты. Водворили их на место, и они на некоторое время разошлись. Но сидели возбужденные, и малейшее движение одного вызывало беспокойство другого. Пришлось их рассадить. Только часа через два зверьки успокоились.

Слепыш издавна служил объектом пушного промысла. В связи с малочисленностью и трудностью отлова этот грызун добывался мало. И все же в 30-е годы нашего столетия в Казахстане ежегодно заготавливали около двадцати тысяч его шкурок. Ныне район обитания этого редкого грызуна сравнительно небольшой: северо-восточное Предкавказье, полупустынные степи между-речья Кумы, Терека и Сулака. К северу заходит в южные части Калмыцкой АССР. В Западном Казахстане, в частности в Актюбинской и Уральской областях, колонии слепыша малочисленны, поэтому зверек и занесен в Красные книги СССР и Казахстана.

Сурок из Красной книги

Вспоминается 13 апреля далекого 1962 года, когда, после длительного ожидания автомашины на автобазе города Чимкента, мы наконец-то выехали с экспедиционным грузом под насмешливыми взглядами шоферов в горы Каржантау. И было чему им улыбаться! Мы получили старенькую машину ГАЗ-67 со слабым мотором и с женщиной-шофером, которая до сих пор не отваживалась выезжать за пределы города. Но, увы! Ничего лучшего автобазы нам не выделила.

Быстро промелькнули уже почти отцветшие зеленеющие яблоневые сады города и окрестных сел. Машина, тревожно постукивая мотором, быстро мчала нас по ярко-зеленой в эту пору глинистой всхолмленной пустыне. Едва переехав полноводную весной реку Бадам, машина начала подъем. Надсадно гудя и шелкая, она взбиралась все медленнее и где-то на середине склона встала. Пришлось вылезать и подталкивать ее. Измученные вконец, мы все же выкатили своего «козлика» на плосковершинный, пониженный здесь гребень хребта. Уселись снова в «газик», но не тут-то было.

Здесь, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, в лощинах еще лежали снежники, постоянно пересекавшие дорогу, и нам через каждые десять-пятнадцать минут приходилось вылезать и лопатами прокапывать путь. Уже под вечер дорога уперлась в такой мощный снежник, что откопать ее не представлялось никакой возможности. И мы с облегчением (нет хуже без добра!) стали сгружать наш нехитрый, но довольно громоздкий экспедиционный скарб. Отважная водительница «козлика», с трудом развернувшись на размокшем склоне и помахав на прощанье рукой, скрылась за ближайшим поворотом.

А мы, присев на выючные ящики, наконец-то по-настоящему стали разглядывать местность. С юга-запада на северо-восток, насколько видели глаза, тянулся всхолмленный уплощенный гребень гор Каржантау. На северо-востоке он, повышаясь до трех тысяч и выше метров, плавной дугой соединялся с внушительным (высотой до 4200 метров) Угамским хребтом. К северу Каржантау, теряя высоту, круто обрывались в синюющую от бесснежья каньонообразную долину реки Бадам, а к югу поч-

ти так же круто спускались к долине многоводной реки Угам.

В окрестностях нашей остановки, на северном склоне, среди множества снежников поднимались небольшие известняковые скалы и карровые поля, лишённые почвы и растительности. Чуть ниже разреженно росли крупные, раскидистые, с причудливой кроной деревья зеравшанского можжевельника или арчи. Облюбовав густохвойную арчу, мы перенесли под ее нависшие почти до земли длинные ветви свой скарб. Расположили рюкзаки и спальные мешки в виде полукруглой стены для защиты от возможного ветра и дождя и почувствовали себя как дома, хотя хмурая погода ухудшалась. На маленьком костре вскипятили воду, набрав ее из ближайшего ручейка, заварили крепкий чай, с наслаждением поужинали, вдыхая ароматный дым можжевельника, и, посидев еще немного у затухающего костра, забрались в спальные мешки. Но, несмотря на большую усталость, долго не могли уснуть. Завтра предстоял трудный день...

Ранним утром 14 апреля, воспользовавшись сильным ночным заморозком, сковавшим талый снег, мы с грузом самого необходимого для работы отправились по водоразделу Бадама и Угама в истоки реки Гимурсай, где предполагали изучать сурка Мензбира.

После утомительного пятичасового пути, часто проваливаясь в глубокий снег, добрались мы до места работы. Здесь была еще зима. На восточных, западных и северных склонах лежали сплошные снежные поля, на фоне которых темнели обнаженные останцы, скалы. Лишь на южном склоне кое-где уже появились проталины, зазеленела низкорослая травка. С трудом нашли здесь местечко, свободное от талой воды, и поставили палатку. Прояснившаяся было погода стала портиться, поэтому, наскоро закусив, мой спутник Юрий Серафимович Лобачев ушел в нижний лагерь, а я в подзорную трубу стал осматривать окружающие склоны.

Всюду, даже в самых многоснежных местах, были видны запачканные землей сурочки норы с расходящимися от них тропинками. Около некоторых сидели и сами сурки. Их темные съездившиеся фигурки четко выделялись на фоне бесконечных снегов, но при неподвижности их легко было спутать с такими же темными, выступавшими из-под снега камнями. Так начались наши наблюдения за зверьками.

Как известно, сурки — грызуны с семейным образом жизни. Они строят сообща обширные и надежные убежища, имеют хорошо выраженные семейные участки, к которым очень привязаны, обладают сильно развитой сигнализацией, инстинктами подражания, ранней способностью к строительству нор и гнезд и другими поведенческими особенностями, необходимыми в общественной семейной жизни.

Но вернемся к сурку Мензбира, который, как иногда говорят, самый-самый... В чем же его исключительность?

Во-первых, он самый мелкий из сурков, обитающих в Европе и

Азии, весит в конце лета в среднем около четырех килограммов при длине тела сорок пять сантиметров. Во-вторых, он имеет наиболее резко меняющуюся по сезонам года окраску. В-третьих, у него самая малая по площади область распространения, или ареал, весь сосредоточенный в горах Западного Тянь-Шаня. В-четвертых, это самый высокогорный из сурков СССР. Нижняя граница его распространения нигде не опускается ниже двух тысяч метров над уровнем моря. В-пятых, как новый для науки вид он описан наиболее поздно, в 1925 году, профессором Среднеазиатского университета Даниилом Николаевичем Кашкаровым. И, наконец, это единственный из сурков, внесенный в Красную книгу Казахстана, СССР и международную.

Мы изучали сурка Мензбира в основном в 1961 и 1962 годах, когда и выяснили, что численность этих зверьков сократилась. В 1962 году охота на него в Казахстане была запрещена. Позднее его изучением под нашим руководством занимался Виктор Иванович Машкин. Собранные данные и легли в основу очерка.

Как обычно, весной в горах Западного Тянь-Шаня погода нас не баловала. Но, несмотря на длительные ненастья с туманами и обильными снегопадами, а нередко и с ураганскими ветрами, весна вступала в свои права: все больше зацветало растений, оживленной становились птицы, количество которых с каждым днем увеличивалось, на соседнем вытянутом гребне все чаще появлялись фигурки горных козлов. И в жизни сурков тоже происходили важные события.

Первый вопрос, который нас занимал, как распределены зверьки на занимаемой ими территории? Оказалось, вся сколько-нибудь пригодная для их жизни местность уже поделена между ними на семейные участки, точные границы которых выявить трудно. Их можно проводить условно, отступая метров на двадцать (обычное удаление от норы кормящегося сурка) от крайних нор. Этот контур очерчивает пространство, на котором протекает годичный цикл жизни сурочьей семьи. Здесь ее пастбища, убежища, наблюдательные пункты.

Размеры семейной территории сурка Мензбира в месте нашей работы в верховьях реки Бадам оказались очень велики — от пяти до пятнадцати гектаров. По-видимому, расширить границы своего участка зверьков вынудили многолетний чрезмерный выпас скота и отсюда низкая продуктивность пастбища, а также частое беспокойство, которое причиняют им люди, овцы и собаки. В этом нас убедило и то, что всего километрах в тридцати, в верховьях реки Сайрам, где выпас был более умеренный, семейные участки сурков имели гораздо меньшие размеры, иногда не превышая гектара.

Что помогает зверькам поддерживать границы своей территории? Прежде всего мечение, или маркировка участка, а при необходимости и его защита, что характерно для многих животных. С ранней весны сурки, особенно взрослый самец, обгоняют все убежища своей семьи и расчищают их от снега и земли. Часто взрослые звери совершают маршруты по границам территории и оставляют свой запах, потирая щечной (точнее заглазничной) железой стенки нор, выступающие камни, а иногда и стенки специально выкопанных не-

глубоких ямок. Поэтому между глазом и ухом у самцов кожа от маркировки нередко бывает почти голой.

Границы участка зверьки метят также экскрементами, мочевыми точками, покопками. Как-то на 1617 метрах сурчиного маршрута оказалось 245 меток, примерно по одной через каждые шесть с половиной метров. Причем преобладали пометки секретом щечной железы, который выделяется в виде капель густой жидкости с довольно сильным смолистым запахом. Секрет этот особенно важное значение имеет в мечении территории и служит для распознавания зверьков, так как, несмотря на семейную общность, запах несомненно содержит индивидуальные особенности. Кроме того в условиях очень разреженной численности, когда одинокому зверьку бывает трудно найти себе подобных, маркировочные точки помогают ему набрести на следы обитания другой семьи и установить с ней контакт.

Что собой представляет семья сурка Мензбира? В ней бывает от двух до двенадцати зверей: взрослые самец и самка и их потомство одного или даже двух лет. Иногда в семье живут и более взрослые — трехлетние зверьки, по размерам уже не отличимые от родителей. Так что в одной норе могут жить два-три крупных самца (отец и сыновья) и две-три такие же самки (мать и дочери). Однако при наступлении половой зрелости, что бывает обычно после третьей спячки, молодые отделяются от родителей и образуют новые пары, способные дать потомство уже в этом году. Но зверек, не нашедший партнера, нередко возвращается к родителям. При этом легче принимается дочь и более холодно, особенно отцом, — сын. Один из таких случаев наблюдал В. И. Машкин: «В семье, состоявшей из четырех крупных сурков, — очень старых самца и самки и двух самцов-трехлеток, в апреле остались лишь два первых. В середине мая один из сыновей вернулся на территорию родителей и стал жить в ее дальнем конце. Отец подолгу смотрел в его сторону, но особого интереса к нему не проявлял. Старая самка, напротив, часто приближалась к сыну, кормилась в пяти-шести метрах от него, но от контакта с ней тот уклонялся. Через семь дней он уже кормился у родительской норы, а на девятый, после тревожного крика, забежал в нее, хотя там были взрослые. На двенадцатый день сын уже ночевал в одной норе с родителями и в дальнейшем продолжал жить в ней. Однако отец еще долго был «холоден» к сыну и на его попытки обнюхивания не отвечал».

Довольно дружелюбно семья принимает к себе чужих сурчат, которые могут навещать соседние семьи, а иногда и совсем остаться в них. В. И. Машкин описывает такой случай. На участке одной семьи из восьми сурков в середине июня появился чужой сурчонок-прошлогодок. Первые дни он вел себя очень осторожно, тщательно обнюхивал все маркировочные точки, «сигнальные» пункты, старался не попадаться на глаза хозяевам, обы-

чно стремительно убегая при их приближении. Но постепенно он освоился с запахами семьи и стал свободно перемещаться по ее участку. В отсутствие хозяев иногда даже посещал их норы, но ночевал в расщелинах скал и в глыбовых осыпях. Контакт-ов избегал, хотя уже кормился нередко в семи-восьми метрах от членов семьи.

На одиннадцатый день пребывания в чужом владении тревожный крик застал годовалого чужака, годовалого хозяина и двух малышей этой семьи на окраине участка. Все они прибежали к одной норе и уселись вместе на камень. Первое мгновение все неотрывно смотрели в сторону источника тревоги. Но через полминуты один из малышей уже обнюхивал чужака. В этот же день установились взаимные контакты прищельца с молодыми членами семьи, а на следующий — и со взрослой самкой. Еще через день чужак уже ходил в постоянную нору и стал ночевать с хозяевами. В спячку он залег вместе с ними.

Иногда из семьи уходит взрослый самец и, видимо, пытается вселиться в новую. Об этом, например, свидетельствует следующий эпизод. В одной семье сурков взрослый самец в конце июля отсутствовал пять дней. А в это время на его участок несколько раз забегали сурки-соседи. Они кормились и совершали кратковременные заходы в норы. Один из них взрослый, еще не линявший самец обследовал многие норы и даже пометил их. Затем к нему подошли два годовика-хозяина, и с одним из них он обнюхался раз пять подряд. Второй годовик ходил сначала за чужаком с поднятым хвостом, но потом тоже обнюхался с ним и неоднократно. Вскоре прищелец «познакомился» со взрослой самкой, и часа два годовики и самка не отходили от него, словно он был намазан чем-то лакомым.

На второй день чужой самец вновь пришел на участок. Обнюхивания повторились. Но тут появился двухгодовалый член семьи и пошел на чужака с прижатым к спине хвостом. Подойдя на метр, он бросился на прищельца, повалил его и схватил за грудь зубами. Годовик из семьи хозяев сначала лишь наблюдал за дракой, а затем и ввязался. Чужак вырвался и убежал.

На следующий день появился изрядно потрепанный взрослый самец этой семьи. У него была разорвана нижняя губа, а лопатки и шея покусаны. Первое время члены семьи относились к нему отчужденно, не проявляя, однако, враждебности. Но постепенно взаимоотношения в семье наладились. Вероятно, самец-хозяин тоже ходил в чужую семью и там получил основательную трепку. Переход сурков из одной семьи в другую, несомненно, полезен для жизнеспособности вида, так как устраняет явление близкородственного спаривания.

Иной семейный уклад у североамериканского желтобрюхого сурка, обитающего на западе США и Южной Канады. По наблюдениям американского натуралиста Эрмтейджа, основу его на-

селения составляет крупная семья-гарем, состоящая из одного взрослого самца и трех-двенадцати взрослых самок. Каждый из взрослых зверей имеет свою нору и небольшой индивидуальный участок, расположенный по соседству с другими. Детеныши живут с матерью, как правило, лишь год и после первой же спячки расселяются. К этому их вынуждает значительная агрессивность взрослых, особенно самца. Но положение последнего в гареме тоже непрочное. В популяции (населении) всегда существует избыток взрослых самцов, и между ними происходит конкуренция за обладание гаремом. В любой момент кто-то из них может быть побежден и изгнан более сильным пришельцем.

И, наконец, особая форма брачных отношений у самого популярного американского сурка — лесного, широко распространенного в Северной Америке. Каждый зверек этого вида имеет свою нору. Пробудившись от спячки где-то в первой половине февраля, самец много бегает в поисках самки. После брачного периода зверьки снова уединяются в своих норах. Родившиеся детеныши воспитываются лишь матерью, растут очень быстро и расселяются из материнской норы уже в первое лето жизни, чтобы следующей весной самим уже участвовать в размножении.

Таковы три основные формы, семейной жизни сурков, каждая из которых является наилучшей для данных природных условий.

Главное во взаимоотношениях зверьков с природной средой — это поддержание определенной температуры организма. Когда слишком холодно (на севере и в высокогорьях), суркам выгодно залегать в спячку группами, семьями. Плотно прижавшись в гнезде один к другому, звери меньше охлаждаются по сравнению с одиночками, а, значит, экономнее расходуют накопленный летом жир — единственный источник поддержания жизни во время спячки. Бесснежный период на севере и в высокогорье короче. И молодые зверьки не успевают за первое лето жизни настолько вырасти и развиваться, чтобы одиночно перенести спячку. Поэтому они вынуждены зимовать первый, второй, а иногда и третий год вместе с родителями, пока не обретут самостоятельность. Семейный образ жизни определяет миролюбие зверьков, свойственное и сурку Мензбира.

Иное дело желтобрюхий и лесной сурки, обитающие обычно в мягких климатических условиях лесной зоны и на небольшой высоте над уровнем моря. Там нет зимой сильных морозов, а период питания более продолжителен. Этим и определяется тот семейный уклад, о котором мы рассказали.

Известная поговорка «рыба живет, где глубже, а человек, где лучше» верна и для животных, которые всегда стремятся заселить наиболее благоприятные места обитания. В лучших местах, как выяснил для Тувы В. В. Сунцов, сурки живут крупными многодетными семьями. Малыши в них находятся под бдительным присмотром старших и гибнут реже, а родители подолгу неизменно живут друг с другом. Если и случится худшее — гибель одного из них,

то потеря быстро восполняется за счет постоянного притока зверьков из менее благополучных семей. А таких большинство, и обитают они по соседству с процветающими. Из-за неблагоприятного жилья, недостаточного питания эти семьи легко распадаются, их состав часто меняется, поэтому и детенышей мало. К тому же и гибнет их больше. Процветающие и неустойчивые семьи составляют единую колонию, но ежегодный прирост популяции зверей обеспечивают первые.

Итак, сурочки семьи обычно живут мирно. Их миролюбивые отношения проявляются в частом взаимном обнюхивании, облизывании, «причесывании», или перебирании резцами кожи друг друга, в легком покусывании морды и основания хвоста, то есть там, где расположены пахучие железы. Запоминание запаха секрета желез — важнейшее условие общественной жизни сурков, о чем мы уже рассказывали.

Многое значат в жизни этих зверьков, как и вообще животных, игры. Они не только помогают взаимным контактам, но и развивают физически, укрепляют общественные инстинкты, подготавливают молодых к самостоятельной жизни, выявляют самого ловкого, определяя без борьбы его место в сообществе. Разнообразные позы и движения в играх сопровождаются различными звуками и развивают навыки в таких жизненно важных действиях, как преследование, устрашение, брачный ритуал, спаривание. Четкость и уверенность в выполнении этих поведенческих актов достигаются путем тренировок. Сурчата, воспитанные человеком без общения с себе подобными, теряются при первых встречах с ними и подчас не могут принять правильной позы даже при таких, казалось бы, врожденных действиях, как спаривание.

Враждебные формы поведения — угроза, нападение, борьба, хотя и довольно редко наблюдаются у сурков, они необходимы в отношениях между членами разных семей и, тем более, разных колоний. Показателем агрессивного настроения зверька является поза на выпрямленных конечностях с напряженно выгнутой спиной и поднятым к ней хвостом. Сближаясь с нарушителем границ семейного участка, сурок еще более выгибается, прижимает хвост к спине, опускает голову, взъерошивает шерсть. Нарушитель тоже принимает такую же позу, но чувствует себя менее уверенно и по мере сближения понемногу отступает. Когда же отступления не происходит и зверьки сближаются на расстояние около метра, они оба почти одновременно становятся в боевую позу на задних лапах, поджав передние и прижав хвост к спине. Возбуждаясь, зверьки начинают стучать резцами и маленькими шажками сближаются почти вплотную. Этого обычно бывает достаточно, чтобы пришелец отступил, особенно если он еще не углубился на чужую территорию. Но если он успел это сделать, то хозяин бросается на него, издавая хрипкое гоготание и стараясь укусить в грудь, шею, морду. Пришелец всег-

да убегает, а хозяин, прекратив преследование на границе, демонстративно метит заглазничной железой ближайший камень.

Но так происходит в природе, а в неволе? Когда чужак попадает на территорию явно превосходящего по силе хозяина, то старается прижаться в ближайший угол вольеры и, поднявшись в низкой стойке на задние лапы, полураскрыв рот и поджав передние конечности, напряженно ждет. Стоит только сунуться к нему, как он отражает нападение ударом передней лапы и укусами резцов, издавая при этом рычание. Если в вольеру пущена самка или молодой самец и его на время оставят в покое, то он принимает менее напряженную позу и дает себя обнюхать какому-либо из собратьев, затем поочередно его обнюхивают и другие местные сурки, и он, осмелев, выходит из угла. Если же пришелец оказывается нервным, пугливым и на попытки хозяев обнюхать нос в нос отвечает рычанием, ударами лап, то его, как правило, убивают укусами в горло и грудь. В природе это вряд ли случается, так как «чужак» всегда имеет возможность убежать.

В общественной жизни сурков велика роль издаваемых ими звуков, но они изучены еще недостаточно. С помощью особой аппаратуры углубленно изучен пока лишь крик тревоги. Записывая его на магнитофонную пленку, известные московские натуралисты Николай Николаевич Воронцов и Александр Александрович Никольский выявили в звуках четкие видовые отличия, в том числе обусловленные рельефом местности.

Наши многолетние наблюдения в природе и неволе за сурками Мензбира (на хребтах Каржантау и Чаткальском); за черношапочными — на севере Якутии (в Верхоянье); за длиннохвостыми — на хребтах Таласском, Киргизском, Дарвазском, Гиссарском; за серым — в Казахском нагорье, на Алтае, в Тарбагатае, Северном Тянь-Шане; за байбаком — в Кокчетавской, Целиноградской, Карагандинской областях показывают, что голоса различных видов сурков очень многообразны. Вот некоторые вариации.

Заблаговременно заметив человека, сурок Мензбира издает протяжное, минорное «квыый», байбак — высокий крик «кха-чи», серый — всегда более низкое, громкое «ку-пи», черношапочный — резкое, короткое, звучное «ыыть», а длиннохвостый — звучное, переливчато-свистовое «рриил» или менее звучное и переливчатое «кряуу».

При близкой внезапной наземной опасности — приближении собаки, лисицы сурки издают описанные выше звуки, но коротко, по четыре-шесть раз и быстро, один за другим. У скрывшегося в убежище сурка этот крик, убыстряясь, порой переходит в хрипловатый, глухой, часто повторяемый кашель — «какх-какх-кха-кха-кха». При виде орла крик опасности издается один раз — коротко, резко, звучно.

В драке между собой, а иногда обороняясь от человека или собаки, все виды сурков глуховато рычат. Причем особый вариант рычания они издают в играх. Выражая неудовольствие при попытке отнять корм, нежелание играть или идти на руки к знакомому человеку, байбак, серый и длиннохвостый сурки издают высокий, несколько гнусавый и пискливый звук «ээи», напоминающий крик галки, но более протяжный.

Страх (невозможность спрятаться от быстро надвигающейся опасности) вызывает у байбака или серого сурка, чаще молодых, негромкое короткое шипенье, как бы выходящее из глубины груди. При болевом ощущении — ударе, попадании в капкан или даже в предчувствии удара все виды сурков кричат истошно, пронзительно и протяжно, подобно тому, как визжит поросенок.

При дружелюбной встрече с другим сурком или с хорошо знакомым человеком все виды сурков издают негромкое гоготание «ко-ко-ко-ко-ко». В период гона самцы байбака, например, часто издают гнусавый стонущий звук. Иногда они, как и самцы серого сурка в Казахском нагорье, приглушенно воркут, напоминая обыкновенную горлицу.

Эти голоса далеко не исчерпывают всех сурочьих звуков. Дальнейшее внимательное наблюдение за зверьками в неволе, при групповом содержании в условиях, близких к природным, а также расшифровка и сопоставление магнитофонных записей голосов позволят различать еще больше их вариаций, отражающих многообразные стороны интимной жизни грызунов.

Крикливее сурки весной и в начале лета. Но молчаливы в конце его, перед спячкой — тогда даже при виде явной опасности зверек часто уходит в нору молча. Понижена его звуковая активность в закрытой местности с ограниченным обзором. Редко кричат сурки в местах с интенсивным выпасом скота, обилием собак и людей, если они двигаются мимо, хотя и неподалеку. Стоит, однако, остановиться или свернуть им к зверьку, как тотчас раздается крик тревоги.

Заметив близко человека или хищника, он тяжелыми прыжками, взмахивая в такт хвостом, спешит со скоростью девяти-десяти километров в час к своей норе. Добежав, встает на задние лапы и, вытянувшись столбиком, кричит, как бы предупреждая об опасности других пасущихся зверьков. Они зорко оглядываются, а некоторые, самые ближние, вторя этому крику, уже застыли выжидательно у своих убежищ.

Важны в жизни сурков наблюдательные пункты, с которых широко просматривается местность. Ими служат чаще всего крупная глыба камня, уступ скалы или же площадка у норы, если она расположена на вершине бугра. Камни — наблюдательные пункты — хорошо заметны по отсутствию на них лишайников (стерты лапами), по некоторой сглаженности и даже глянцеваемости поверхности. Поблизости, как правило, находятся и убе-

жища. Надежные наблюдательные пункты зачастую определяют и размеры семейной территории. Хорошо видимый с разных точек участка, сидящий в спокойной позе сурок-«сторож» создает благоприятную обстановку в семье или колонии, позволяет зверькам, не опасаясь хищников, удалиться от убежища и лучше кормиться.

Это породило мнение, неоднократно высказываемое авторами популярных книг, о существовании у сурков специальных «сторожей». В действительности таковых нет. Просто у зверьков, даже если их живет в норе двое, существует обычно (но не всегда) чередование в кормежках. Если в семье много зверьков, то нередко за местностью одновременно присматривают два, а то и три из них. И здесь, конечно же, у большой семьи больше преимуществ перед одиночными сурками, которые чаще гибнут от врагов.

Хотя сурок Мензбира и выбирает для обзора наиболее высокие места, все же нередко из-за сильной расчлененности склонов или высоких густых трав местность полностью не просматривается. Спасает зверька в этих условиях необычно большое — сто-сто пятьдесят — число защитных нор и других убежищ, располагающихся на семейном участке через пять-десять метров друг от друга. А в высокотравье выручают и сурчиные тропинки. Они помогают испуганному зверьку сориентироваться и быстрее достичь спасительного убежища.

Даже плохой обзор местности на каком-либо семейном участке в значительной мере восполняется тем, что данный участок граничит с территориями других семей. Как пишет Борис Михайлович Петров, один из пионеров изучения сурка Мензбира, «плечо» соседа заменяет собственный обзор местности: сосед принимает на себя наблюдение за определенным участком.

Потребность сурков в наблюдательных пунктах так велика, что, например, длиннохвостые сурки, которых мы изучали в высокотравном субальпийском поясе гор Гиссара-Дарваза (Таджикистан), сооружают на своих сурчинах земляные «тумбы» высотой пятьдесят-семьдесят сантиметров. Вершина такой «тумбы» утоптана от постоянного пребывания на ней зверька. Сурчина обычно густо зарастает крупнотравьем метровой и более высоты, особенно щавелем и его крепкими стеблями. Голова зверька, стоящего на тумбе, находится почти на уровне соцветий щавеля, красновато-ржавая окраска которого гармонирует с окраской сурка. В альпийском же низкотравном поясе гор в условиях лучшего обзора местности «тумбы» не встречаются.

Утром и под вечер сидят на своих наблюдательных пунктах взрослые сурки Мензбира, издавая протяжные, несколько раз повторяемые, с минорным оттенком крики — «квыыйй». Так перекликаются они в спокойном состоянии, как бы оповещая соседей о своем житье-бытье.

И здесь напрашивается сравнение с собратом сурка Мензби-

ра — черношапочным, обитающим в арктической тундре Якутии. Он особенно привязан к своим наблюдательным пунктам на высоких останцах, с которых в хорошую погоду почти круглосуточно обозревает пустынную местность своей суровой родины и пронзительно кричит-свистит. Здесь мало хищников, практически нет людей и скота и, как правило, нет близко других сурочьих семей, для которых могли бы предназначаться крики. И сама собой приходит мысль, что эти крики — своеобразные позывные для редких расселяющихся сурков — как бы помощь в нахождении ими себе подобных, малочисленные горстки-семьи которых разбросаны по необъятным просторам гористой Арктики.

Ну а питание? Каковы здесь взаимодействия сурков? Как используют они пастбища своей территории? С весны зверьки в основном кормятся в местах первых проталин и на солнцепеках, где в укромных уголках, защищенных от ветра, теплее, и растения зеленеют и цветут раньше. А в конце лета, под осень, наоборот, сурки предпочитают северные склоны, где больше снега, а, значит, там и запоздалая вегетация трав. Обычно взрослый самец и полувзрослые зверьки с весны выселяются из зимовочных убежищ и живут в летних норах на расстоянии тридцати-пятидесяти метров друг от друга. Такое расселение помогает сберечь кормовые ресурсы возле выводковой норы. Ведь самка, выкармливая в эту пору детенышей, не может долго уходить из нее. Да и для подросших сурчат сбереженные запасы корма тоже крайне важны. Они позволяют им насытиться около материнской норы. Удаление же неопытных сурчат от убежища грозит им смертельной опасностью. Такое, примерно, распределение мест кормежки между разными членами свойственно вообще грызунам с семейным образом жизни.

При шести парах млечных сосков у самки наиболее кормными являются лишь три средних. За обладание ими среди сурчат возникает жестокая конкуренция. Сильные отталкивают слабых, и те все более отстают в росте. Это наблюдается и у сурка Мензбира, хотя численность выводка у него наименьшая. Ко времени перехода на самостоятельное питание конкуренция особенно обостряется, так как потребность в молоке у малышей возрастает. У отставших в развитии сурчат запаздывает рост зубов, и они при переходе на растительный корм оказываются к нему менее подготовленными и еще более отстают. Поэтому нередко в одном выводке вес детенышей различается довольно значительно — на двадцать два-двадцать три процента.

Самка кормит зачастую лежа на боку и спине. Попытки сосать мать вне норы наблюдаются редко. Самка обычно при таких попытках издает крик недовольства и отходит от сурчат. Инстинктивно растущий организм молодых зверьков, как и лактирующей матери, требует полноценного, богатого белком и минеральными веществами корма. Поэтому они охотно, вдвое чаще, чем взро-

слые самцы, поедают землю, различных беспозвоночных и даже птенцов воробьиных птиц. Известны случаи ловли сурками и ящериц. Очень важна для зверьков близость невыгорающей до зимы растительности. Поэтому они предпочитают места вблизи выхода грунтовых вод, долго нетаящих снежников. Селятся и около стоянок отар. Именно здесь, на обильно унавоженной земле растут мальва маленькая, пастушья сумка, ползучий клевер и особенно гречишка скальная, или каменная. Эти растения высоко питательны и, что особенно важно, отличаются длительной (от избытка азота в помете овец) вегетацией. Так что в этом отношении близость овечьих отар полезна.

Интересно проследить взаимосвязь: сурки и хищники. Поведение этих зверьков при виде своего врага — пернатого или наземного — очень точно описал известный зоолог А. Н. Формозов. Он обратил внимание на то, что интенсивность, частота следования криков и их продолжительность очень зависят от характера и близости опасности.

Наиболее короткий крик — при появлении беркута. Могучая птица налетает так стремительно, что зачастую зверек не успевает повторить его. Орел схватывает сурка когтями за спину и голову, когда тот бежит к норе. Если зверек успел перевернуться на спину и с визгом начинает отбиваться всеми четырьмя лапами, то хищник временно оставляет его и хватает вновь, как только сурок повторяет попытку убежать. Иногда орел не может умертвить сурка. Тогда он поднимает добычу на высоту и разжимает когти... А затем спускается, чтобы подобрать разбившуюся жертву.

Наземные хищники, в первую очередь лисицы и особенно чабанские собаки — главные враги сурка Мензбира. Сложный рельеф, высокотравье облегчают охоту, позволяя хищнику застать кормящегося зверька врасплох и схватить его до того, как он юркнет в нору. Но в сплошных сурочьих поселениях хищникам охотиться труднее, так как крики тревоги идут направленно в сторону врага и, подобно валу, перемещаются по мере его продвижения по колонии.

Иногда отношения сурков с хищниками зависят от чисто местных условий и мало понятны. В горах Каржантау приходилось наблюдать этих зверьков возле лисьих и барсучьих нор и даже ловить их там. В то же время известны случаи нападения на взрослых сурков и лисицы и барсука. В степях Карагандинской области выводки корсаков и лисиц подчас располагаются не далее ста метров от густых поселений байбака с обилием сурчат. Более того, наблюдались даже совместные игры сурчат и лисят. Возможно, эти хищники, подобно волкам и орлам, не охотятся вблизи своих выводковых нор и к тому же имеют возможность ловить более мелкую и легче доступную добычу — полевок, пищух, тушканчиков.

Что касается сурка Мензбира, то основная масса зверьков гибнет в зубах чабанских собак. Сокращают численность этого сурка и браконьеры, без эффективной борьбы с которыми предотвратить постепенное исчезновение и так уже редкого зверька невозможно...

Незаметно промелькнули весна и короткое высокогорное лето. Стояла пока ясная, теплая, а в полдень даже жаркая погода. Давно в ближайших окрестностях растаяли снежники, иссякли или сделались маловодными ручейки. Большинство сурков, накопив достаточно жира, залегли в спячку и лишь редкие одиночки-подранки или очень старые особи виднелись кое-где по утрам.

Наша работа по изучению сурка Мензбира закончилась. Увяжав свой уменьшившийся скард, мы терпеливо ждем знакомого чабана Тулегена с его верблюдом, обещавшего перевезти наши вещи до автомобильной дороги. Со смесью грусти и радости взираем на побелевший от свежего ночного снега высокий гребень Угамского хребта. Наконец, привели верблюда, уложили его на землю и стали навьючивать. Мы рассчитывали переехать за два рейса и были очень удивлены, когда навьючили весь груз сразу. Бедняга-дромадер едва встал, подняв груз по меньшей мере в триста килограммов. Медленно пройдя по тропе метров двести, он потом зашагал увереннее и даже пытался срывать губами колючие соцветия рослого татарника. На перевале остановились поправить выюк. Истоки Бадама, такие яркие и интересные весной, теперь казались безжизненными, серыми. Грандиозная воронка цирка в главном истоке реки представлялась маленькой и впечатления не производила. Мы поняли, что весь интерес для нас в этих местах заключался в сурке Мензбира. До свидания, сурок, до новой встречи!

И вот прошло десять лет. Охота на реликтового зверька была запрещена и, казалось, он находится под надежной охраной. Но, увы! Побывав в горах Каржантау в 1971 году, мы не только обнаружили много его необитаемых нор, но и вполне легальную (по лицензиям) заготовку его шкур. На наш запрос начальник госохотинспекции неподдельно удивился, так как не знал, что сурок Мензбира живет в подведомственной ему области. Лицензии выдавались просто на «сурка» без указания вида. Посетовав на малочисленность сотрудников своей организации и на отсутствие транспорта для поездок в горы, начальник инспекции заявил, что отныне сурок Мензбира будет тщательно охраняться.

Действительно, выдача лицензий прекратилась, как и легальная охота на сурка, но браконьеры и в последующие годы продолжали безнаказанно сокращать его численность. Выючными тропами на ослах, минуя автомобильные дороги, где иногда дежурили представители охотинспекции, они ежегодно наводняли горы. К 1979 году этих зверьков, по оценке В. И. Машкина, оставалось в Казахстане лишь восемь-девять тысяч особей, а браконьерская охота продолжалась и позднее. Нам представляется, что действенной мерой по спасению редкого зверя могло бы стать присоединение мест его обитания к соседнему заповеднику Аксу-Джабаглы.

Иглоносец

Ночью я проснулся от тревожного потрескивания. Открыв глаза, увидел скачущие по полотнищу палатки красные блики. С мыслью о пожаре я выскочил и увидел зарево. Горели горы. Огненный вал, то понижаясь, то резко взмываясь вверх, катился по склону, тому самому, что круто поднимался на правом берегу реки Каракыстак — одной из крупных рек центральной части северного склона Киргизского хребта. Все сильнее слышались треск и шипение огня, явственнее ощущался запах гари, тревожнее бегали багровые отсветы пожара по бортам нашей экспедиционной автомашины. Долго с тревогой мы наблюдали за пожаром, который то исчезал из поля зрения, спускаясь на днища лощин, то вновь появлялся на гребне. И только под утро огонь затих, встретив на пути реку. Спать уже не хотелось, и я, присев с кружкой крепкого чая на корягу, коротал время до рассвета...

И вот с первыми лучами солнца иду вдоль берега посмотреть на пожарище. Приречный лес — тугай — не пострадал. Голые сырые камни галечника и сочная зеленая трава вовремя остановили огонь. Обогнув мыс тугая, я наткнулся вдруг на звериную морду, высовывавшуюся из воды, и увидел полусасыпанный песком труп крупного дикобраза. Первая мысль, что это — жертва ночного пожара, быстро рассеялась. Животное погибло, видимо, дней десять назад и успело значительно разложиться, несмотря на пребывание в холодной воде горной реки. Мне искренне было жаль великолепного зверя, в то же время я и радовался находке, так как одна из целей моего приезда на Киргизский хребет была собрать как можно больше сведений об этом малоизвестном загадочном звере.

Дикобраз — самый крупный грызун СССР и Евразии. Длина тела восемьдесят-девяносто сантиметров, весит от тринадцати до двадцати килограммов. Наибольший вес зверь имеет в конце лета — осенью, наименьший — весной. Внешне дикобраза трудно спутать с каким-либо зверем. У него и в самом деле, как верно подмечено в «Жизни животных» А. Брэма, «на шее дыбом стоит растрепанная грива, которую дикобраз может опускать и поднимать. Грива состоит из тонких, длинных, гибких щетинок...». Спина же и бока густо покрыты толстыми ороговевшими иглами разной длины — от трех до тридцати и даже сорока сантиметров. Окрашен дикобраз пестро,

ярко благодаря сочетанию белого с темным. Толстые буроватые иглы на верхней части тела имеют белые широкие концы. Белый цвет хорошо виден ночью и предупреждает хищников. Этому назначению, вероятно, служит и погремушка из толстых, но полых игл на конце хвоста. При движении она издает своеобразный звук.

Дикобраз, обитающий в СССР и, в частности, в Казахстане, называется индийским или белохвостым. Он один из двадцати примерно видов семейства настоящих дикобразов, живущих в основном в сухих районах с жарким климатом — Африке, Южной Европе, Южной и Средней Азии. В Казахстане этот грызун встречается в предгорных и низкогорных районах юга, расположенных не выше двух тысяч метров над уровнем моря.

«Дикобраз,— пишет известный натуралист Владимир Николаевич Шнитников,— очень осторожен. Прежде чем появиться на поверхности, он обязательно задерживается в норе у выхода, проверяя окружающую местность. И, если заметит близ норы человека, ни за что не выйдет из укрытия. Наблюдателю останется только слушать недовольное фырканье и треск игл скрытого дикобраза. Это зверь строго ночной. Обычно он выходит из норы, когда дневная жизнь совершенно замирает и наступает полная тишина. По возможности он избегает даже лунного освещения, стараясь заканчивать свои экспедиции до восхода луны или покидать нору после ее захода».

Что можно еще добавить к характеристике зверя?

У него хорошо развито обоняние. Обширные носовые полости помогают дикобразу не только легко находить пищу, но и очищать вдыхаемый воздух от лессовой пыли, с которой он сталкивается каждый раз при обвалах нор, при выкапывании корней и корневищ. Копать зверю приходится много, поэтому его лапы вооружены крепкими когтями, которые, кстати, изменчивы в зависимости от характера грунта, на котором он живет. На песчаном рыхлом — когти более тонкие, на плотном глинистом — короткие и толстые. Слабее развиты у зверя зрение и слух. Из-за ночного образа жизни и большой осторожности видеть дикобраза в природе удастся редко. Узнают о его присутствии обычно по утерянным иглам и по следам деятельности: отпечаткам лап, погрызам, покопкам, экскрементам, а также по широкой норе, в отверстие которой может пролезть даже человек. Диаметр входа обычно шестьдесят-семьдесят сантиметров.

Дикобраз живет оседло, очень привязан к своим убежищам, которые устраивает чаще всего в основании каменистых склонов, заросших кустарниками, а вход выкапывает под крупной глыбой или скалой. Одна семья имеет две-три норы. Общая протяженность ходов каждой составляет пятнадцать-двадцать метров, а площадь она занимает от тридцати семи до почти трехсот квадратных метров! В глубине ходы имеют два-три расширения и тоже довольно просторные. Ширина этих «комнат» достигает полутора-двух с половиной метров, а высота — пятидесяти-шестидесяти сантиметров, так что в них свободно может поместиться человек, а то и два. В одной

из «комнат» находится гнездо, или гнездовая камера, без выстилки. Температура в глубине этого обширного убежища даже в жару равна восемнадцати-двадцати пяти градусам, а влажность — тридцати-пятидесяти процентам. Такой «микроклимат» привлекает в дикобразьи норы многих беспозвоночных животных. Да и позвоночные, даже такие крупные как гиена и волк, тоже охотно их заселяют.

От своего «дома» грызун далеко не отлучается. Летом он может удаляться самое большее на километр-полтора, хотя есть и другие мнения на этот счет. В. Н. Шнитников пишет, что «дикобраз уходит от норы довольно далеко, километра за два-четыре, а иногда и дальше, в зависимости от расположения облюбованных им мест кормления». В «Жизни животных» (М., 1971, т. 6, с. 156) тоже читаем, что дикобразы «за ночь уходят на несколько километров от жилища». Да, на юге Средней Азии, в условиях пустыни этот зверь может путешествовать и далеко. Мы же, наблюдая за образом жизни грызуна в Казахстане, не замечали, чтобы он совершал летом дальние регулярные «походы», а зимой — тем более. Судя по следам на снегу, дикобраз старается быть поближе к убежищу, не далее трехсот-пятисот метров от него. Высокий рыхлый снег зверь преодолевает, протапывая в нем глубокую траншею.

Несмотря на южное происхождение, иглоносец способен стойко переносить морозы в двадцать-двадцать пять градусов. Но если уже они очень его донимают, особенно в метель, то зверь может по несколько дней отсиживаться в норе. Высокая упитанность помогает ему это время обходиться без пищи. Однако особо суровые зимы для зверя все же губительны. Такой, помнится, была зима 1968—1969 годов. Численность многих животных тогда резко сократилась по всему Южному Казахстану и Средней Азии, зафиксирована и массовая гибель дикобразов. После той зимы этот зверь стал всюду редким, и его прежнее обилие не восстановилось полностью до сих пор.

А как питается дикобраз? Что предпочитает? Иглоносец в основном растительнояден. Подземные части растений — корни, клубни, луковицы — важная его пища. И лишь изредка он лакомится наземными моллюсками. Во время еды зверь придерживает корм передними лапами, лежа на брюхе, но никогда не кормится в положении столбиком, столь характерном для сурков, сусликов и многих других грызунов. При попытках же дотянуться до чего-либо вверх он легко встает на задние лапы, вытягивая тело почти вертикально. Любит зверь плоды боярышника, жимолости, шиповника, много их поедает, но особенно предпочитает яблоки.

Поедает дикобраз и культурные растения, если живет недалеко от них. В Казахстане это случается редко, так как в местах обитания зверя сады и бахчи, как правило, не встречаются из-за маловодья местных речек и ручьев. Но в Закавказье и Средней Азии в прошлом, когда дикобраз был более распространен, чем сейчас, он являлся неприятным соседом для каждого хозяйства, навещаясь по ночам на бахчи, посевы кукурузы или во фруктовые сады.

«Известны случаи,— пишет В. Н. Шнитников,— когда население целых кишлаков в Средней Азии вынуждено было совершенно отказаться от разведения бахчевых культур и посева кукурузы и джугары. И немудрено. Ведь даже один-единственный дикобраз может уничтожить значительный участок бахчи: в поисках спелых дынь и арбузов он надкусывает и портит их десятками, повреждает и рвет плети этих растений. Интересно при этом, что в арбузах и дынях дикобразу нужны только семена — корку и мякоть он обгрызает и тут же, на месте оставляет аккуратно сложенными в кучку. У кукурузы и джугары он поедает зерна, но, чтобы добраться до початка, ему приходится подгрызать стебель растения, то есть губить гораздо больше, чем ему нужно для насыщения». Но главное — все попытки бороться с ним терпели неудачу.

А чем он кормится зимой? Выручает полуденное солнце. Под его лучами снег стает быстро, и сухой щебенчатый грунт почти не смерзается. В морозные же дни, когда земля промерзает и выкапывать корни и корневища становится трудно, грызун начинает кормиться ветками деревьев, кустарников, отчасти корой тополей, ив, яблонь. И, по-видимому, ждет не дожждется, как все живое, благодатной весенней поры. Хотя в эту пору сочные травы и луковицы очень разнообразят «меню» дикобраза, он, как и другие травоядные животные, испытывает недостаток в минеральных веществах и поэтому часто поедает глину, грызет кости.

Обычно иглоносец передвигается шагом, но при опасности способен бежать рысью, которая подчас переходит в тяжелый галоп. Человек с трудом поспевает за ним. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, этот зверь обладает быстрой реакцией и может успешно отражать атаки даже крупной собаки, успевая поворачиваться к ней задом, растопыривая во все стороны свои иглы. Преследуемый собакой, он во время бега иногда резко останавливается, и та налетает на иглы. Защищаясь, дикобраз никогда не делает попыток кусаться, но старается забежать в какой-нибудь угол и спрятать голову, выставив навстречу иглы. При этом он может издавать глуховатое низкое похрюкивание или фырканье. Если тронуть зверя палкой, он коротко, хрипло взвизгивает, изредка встряхивает телом и иглами так, что некоторые из них отлетают на 30—60 сантиметров и могут ранить.

Как пишет А. Брэм, «если иглы воткнутся врагу в пасть или в глотку, это грозит ему смертью. Раненные иглами лапы зверей воспаляются. У собак, например, раны долго кровоточат и гноятся. Это тянется иногда неделями. Для человека раны от игл дикобраза тоже опасны». В. Н. Шнитников приводит даже случай смерти человека, в тело которого впились несколько игл сразу. Вероятно, помимо механического повреждения, иглы вносят в ранку какой-то яд, представляющий собой маслянистое выделение кожи дикобраза. Заметим, что состав этого яда не выяснен и до сих пор.

Грызун легко взбирается по крутым, в сорок-пятьдесят градусов, дрсвяным полусыпучим склонам, пролезает через густые колючие заросли шиповника и барбариса, обследует лабиринта глы-

бовых осыпей, расщелины, ниши под скалами, которые служат ему временными убежищами при близкой опасности. Он хороший пловец. Этому опять же помогают полые иглы.

В неволе дикобраз неприхотлив. Довольно быстро привыкает к кормящему его человеку, особенно если отловлен молодым. В клетке-вольере он держит иглы в спокойном состоянии, прижатыми, не поднимая их даже при конфликтах со своими соплеменниками.

Известны частые случаи его размножения в зоопарках. Причем спариваются дикобразы ранней весной. В году бывает лишь один выводок, два — пять детенышей, которые начинают выходить из норы в мае. Кормятся они молоком до середины июня. Новорожденные зверьки весят каждый триста-четыре грамма. Появляются они на свет прозревшими, с развитыми резцами и уже с характерной окраской — пестрым сочетанием черного и белого. Разреженные и мягкие иглы лишь на десятый день затвердевают, и детеныш способен уже в какой-то мере себя защитить. К концу июля молодые зверьки достигают половины размера взрослых, а в августе уже могут вести самостоятельную жизнь, хотя первую зиму проводят с родителями, отделяясь от них окончательно лишь во второй год жизни. Дикобразиха — заботливая мать: к своим детенышам она очень привязана. В. Н. Шнитников описывает такой случай: «Однажды был пойман молодой дикобраз и принесен домой; в этот же день вечером к дому явился взрослый дикобраз. Он вошел в помещение через открытую дверь и был найден потом в комнате под диваном, куда, очевидно, спрятался при приближении людей».

В неволе этот зверь может жить до двадцати лет, но «держать его можно лишь в специально оборудованном помещении, так как он легко прогрызает любой толщины доски, перегрызает толстую проволоку и устраивает подкоп в самом твердом грунте».

В Казахстане дикобраз обитает совместно со многими крупными хищниками: лисицей, волком, шакалом, кое-где с рысью, медведем и даже со снежным барсом, но конкретных сведений о гибели грызунов от этих животных нет. Роль конкурентов в снижении численности дикобраза тоже не выяснена, но она едва ли существенна. Как видим, еще много загадок хранит этот интересный зверь. Остаются не изученными половой и возрастной состав популяции дикобраза, структура его поселений, очень мало известно о семейных участках, о взаимоотношениях с соседями, не выяснена роль врагов. Дикобразы интересны еще и тем, что в условиях зоопарка нередко образуют между собой не только межвидовые, но даже межродовые гибриды. А последнее встречается редко среди млекопитающих.

В прошлом дикобраз служил объектом случайной охоты, так как мясо его считалось вкусным, а жир — целебным. Но сейчас охота на дикобраза в СССР запрещена. Он включен во всесоюзную и казахстанскую Красные книги. Для восстановления численности зверя крайне желательно было бы организовать охраняемый заказник. На Киргизском хребте для этого подходит долина реки Каракыстак.

Отшельник высокогорных галечников*

Какими только именами не наделены птицы! Здесь и солидные полновесные «мужские» имена — бородач, бургомистр, вяхирь, глухарь, фрегат, осоед, змеяед — и менее почтительные, вроде глупыш, дутыш, ходулочник, перевозчик, топорик, старик, шеголь, галстучник, белобровик, чернозобик, краснозобик, желтозобик, волчок, бегунок. И наконец, совсем уж легковесные, «женские» — белоножка, белоглазка, юла, плясунья, бормотушка, завирушка, пiskuлька, сплюшка, красавка, касатка, вертишейка, горихвостка, трясогузка и даже фифи. Многие пернатые получили название по форме клюва: широконоска, сухонос, дубонос, шилоклювка...

Но даже среди такого разнообразия птичьих имен слово СЕРПОКЛЮВ выделяется. Что за необычное сочетание — серп и клюв? Однако стоит увидеть саму птицу — и вопрос отпадает — удивительно подходит это имя к обладателю красного, серповидно изогнутого клюва. Птица красива и элегантна: стройная, тонконогая, с плотно прилегающим к телу пером, типично куличинного сложения, светло-серая сверху и ярко-белая снизу.

Обитает она в Гималаях, в Южном Тибете, по водоразделам таких крупных азиатских рек, как Меконг, Янцзы и Хуанхэ, в восточном Нань-Шане (Китай), а в пределах нашей страны — в Тянь-Шане и Памиро-Алае. Но далеко не на всех хребтах этих горных систем живет серпоклюв. В Западном Тянь-Шане его нет совсем, а в Северном и Центральном он встречается только в отдельных местах: в Заилийском, Киргизском, Кунгей- и Терской-Алатау, в бассейне Текеса, по верхнему Нарыну. Повсюду эта птица редка, а в ряде мест ее уже несколько лет не видели.

Примером может служить Казахстан. Здесь серпоклюв гнездился лет двадцать-тридцать назад и только в нескольких местах. В Заилийском Алатау, близ Алма-Аты, до 1957 года гнездились одна или две пары. В долине реки Кокжар (хребет Терской-

* Второе измененное и дополненное издание. Первое см. в сб.: «Розовые чайки и черные журавли». Л., 1985, с. 125—132.

Алатау), на протяжении восьми километров галечникового русла реки, обитало не более пяти пар. Жили серпоклювы на речке Баянкол (приток реки Текес, Центральный Тянь-Шань) и на реке Каркара (приток реки Чарын). В 1964 году две пары этих птиц вдруг загнездились в дельте реки Тентек близ озера Сасыкколь — уже на равнине, далеко от гор. Но на следующий год они исчезли и больше там не появлялись.

К 1977 году орнитологи не могли твердо ответить на вопрос: гнездится ли на территории Казахстана хотя бы одна пара серпоклювов? Не случайно эта птица значится в Красной книге СССР и Красной книге Казахской ССР.

Вот почему, попав впервые в высокогорье Заилийского Алатау, я с надеждой всматривался в широкую галечниковую дельту одной из речек, впадающих в красивое высокогорное озеро. Но коллеги-орнитологи объяснили мне, что серпоклюва здесь нет. Раньше жила пара, но в 1957 году кто-то убил одну из птиц, и с тех пор, вот уже десять лет, серпоклювы здесь не встречаются.

Следующее десятилетие мне суждено было прожить в этих местах. Ежегодно с апреля по сентябрь мы в нашем стационаре у озера изучали жизнь горных птиц. Работали в основном в еловых лесах, на субальпийских лугах, в зарослях арчи и в скалах, но нередко бывали и на галечнике, чтобы понаблюдать там трясогузок да оляпок. И каждый раз где-то в глубине сознания теплилась искорка надежды: а вдруг в этот раз я увижу серпоклюва? Но тщетно. Никаких признаков его присутствия за все эти годы обнаружить не удалось. Казалось, серпоклюв навсегда покинул столь подходящие для него места.

Но как-то погожим июльским утром 1977 года мы с группой студентов и гостившими у нас орнитологами из Киева направлялись к перевалу понаблюдать высокогорных вьюрков. Путь пролегал по галечнику. Вдруг ребята, шедшие в стороне, стали усиленно подавать нам какие-то знаки. Они увидели кулика, очень похожего на серпоклюва. Сразу были забыты и перевал и вьюрки. Мы повернули назад и, рассыпавшись в цепь, стали «прочесывать» галечник.

И вот, наконец, я вижу серпоклюва! Каким огромным он кажется мне после перевозчиков и чернышей, которые изредка попадают здесь в это время. Вытянув вперед слегка изогнутую тонкую длинную шею, держа горизонтально свой красный клюв-сerp, он, плавно взмахивая широкими закругленными крыльями, кружит над нами. Как замороженный, слежу за его полетом, и только минуту спустя вдруг слышу почти непрерывный звонкий крик, который издает птица. Она явно возмущена. Она не просто летает, а протестует: то пикирует на возмутителей спокойствия, то взмывает вверх. Значит, она не одна? Значит, где-то тут ее малыши? Прочь отсюда — и как можно быстрее. С трудом увожу с галечника ребят, схватившихся уже за фотоаппараты и начавших поиски птенцов.

По дороге в лагерь принимаю решение: на галечник больше ни шагу. Сейчас самое главное — дать серпоклювам «закрепиться» здесь, ничем их не спугнуть. Чтобы и на следующий год они снова прилетели сюда. Хотя бы прилетели!.. Терпеливо объясняю свою просьбу ребятам. По глазам вижу, что не всем она по душе. Особенно рвутся фотографировать серпоклюва те, кто первыми его заметил. Но дисциплина и благоразумие берут верх, и до августа на галечник никто не ходит. А 6 августа обрушившийся на ущелье селевой поток заставляет нас досрочно, спешно покинуть эти места...

Зимой в городе я прочитал все, что написано о серпоклюве в научной литературе. Сведений оказалось очень мало. Дело в том, что серпоклюв не только очень редкий кулик, но еще и очень осторожный. Поэтому-то образ жизни его почти не исследован. Первое гнездо этой птицы на территории СССР было найдено только в 1957 году в горах Киргизии, а всего их известно три, да еще несколько раз встречали уже бегающих птенцов. В Казахстане же ни одного гнезда серпоклюва до сих пор не встречалось.

Не без трепета ступил я на знакомый галечник весной следующего года. Было ясное, но сырое и холодное утро 24 мая 1978 года. В окрестном ельнике пели дрозды-дерябы и синицы-московки, заливались крапивники и зеленые пеночки, от домика гидролога доносилась булькающая песня обыкновенной горихвостки. Жизнь была ключом. Я пришел один, чтобы наедине с биноклем не спеша во всем разобратся.

Экскурсия вверх по правому берегу реки ничего не дала. На камнях у воды то и дело встречались с кормом горные и маскированные трясогузки, трижды пролетела бурая оляпка, один раз — пара красных уток-атаек. Серпоклюва не было.

Но вот на обратном пути раздался знакомый крик! И тотчас характерный силуэт серпоклюва прочертил светлую бирюзу неба, а затем темно-зеленую стену ельников. И никаких полетов по кругу, никаких тревог и причитаний. Значит, я не опоздал, птенцов у них еще нет!

Стараясь не потерять ориентиры в однообразно пестрой массе галечника, осторожно иду к месту, с которого поднялся серпоклюв. Где-то здесь должно быть гнездо, если оно вообще есть (ох уж это «если», как оно мешает в поисках!). Но как его обнаружить, по каким признакам? Из литературы я знал, что так называемое гнездо серпоклюва — это всего лишь небольшая ямка среди гальки, без какой бы то ни было растительной выстилки, а яйца его, как и у других куликов, пятнистые и заметить их на фоне режущей глаз пестроты почти невозможно.

Не менее часа всматривался я в окружающие камни, ничего. Потеряв надежду, собрался уже уходить, как вдруг заметил того, кого так тщетно всматривал. Невесть откуда взявшийся серпоклюв в какой-то нерешительной, напряженной позе стоял среди камней всего в тридцати-сорока метрах от меня. Вся его согбенная, как

будто скорбная, фигурка выражала напряженную внутреннюю борьбу: ему явно надо было куда-то пройти, но грозная опасность в виде торчавшего вблизи человека с биноклем заставляла подавлять в себе это желание.

Каждый, кто хоть раз в жизни искал гнездо птицы, поймет мое ликование. Всем своим поведением серпоклюв подтверждал: гнездо есть и где-то близко! Теперь нужно только терпение. От мысли, что скоро я увижу гнездо серпоклюва, сердце забилося чаще.

Но ликование было преждевременным. Постояв минут десять на одном месте, птица сделала короткую пробежку и снова застыла в той же нерешительной позе. Через четверть часа все повторилось, затем еще и еще. Спустя час серпоклюв стал разнообразить маневры. После очередной пробежки он вдруг сел и, распушив перья, как это делают наседки, застыл на несколько минут. Неужели гнездо? Но внутренний голос предостерегал: не торопись, если это гнездо — оно никуда не денется, а если нет? И действительно, просидев минут пятнадцать, серпоклюв как ни в чем ни бывало, встал и, перебежав метров на пять-семь, снова уселся поудобнее. Это был хитрый маневр, рассчитанный на нетерпеливого врага. Прошло полтора часа. Прилетел второй серпоклюв, и тактика отвода от гнезда опять изменилась. Теперь птицы двигались каждая в своем направлении, иногда навстречу друг другу. Поравнявшись, продолжали свой путь, и следить за обеими удаляющимися каждая в свою сторону птицами становилось невозможно. А попробуй угадай — какая из них пойдет к гнезду?

Между тем резко ухудшилась погода. От ясного безоблачного неба не осталось и следа. Тяжелые свинцово-серые тучи затянули гребни окружающих хребтов и постепенно спускались все ниже. Вот уже отдельные разорванные клочки их поползли по галечнику, время от времени скрывая от глаз птиц. Утренняя прохлада сменилась промозглым холодом, пробиравшим до костей. Продолжать наблюдения стало не только бесполезно, но и опасно: птице срочно надо пройти на гнездо, а то яйца остынут. Покидая в спешке галечник, я уносил с собой невольное уважение к этим самоотверженным родителям, восхищение их упорством и изобретательностью в защите своего еще не родившегося потомства.

К вечеру пошел снег, и наутро вся речная долина была покрыта сплошным белым покрывалом. Первым моим желанием было бежать на галечник и посмотреть, как там серпоклювы? Прельщала и легкая возможность найти гнездо: ведь сидящую на нем птицу должно быть хорошо видно на фоне белого снега. Но боязнь погубить яйца или птенцов одержала верх, и на галечник я пришел только в полдень, когда солнце уже достаточно прогрело воздух, а от снежного покрывала остались отдельные клочья и лоскуты. От земли и камней поднимались густые испарения, они тут же скапливались в какое-то подобие микрооблаков, а те в свою очередь — в настоящие облака, которые

«пешком» передвигались по дну долины, скрывая на время то один, то другой участок галечника.

Подходя к вчерашнему месту, я как раз и попал в такое густое «пешее» облако. Видимость внутри него была не более тридцати-сорока метров, и я не без труда нашел свои ориентиры — три валуна у излучины реки и рядом с ними колышек, специально вбитый накануне. Тотчас поставил палатку и привел в «боевую» готовность 60-кратную подзорную трубу.

Теперь густой туман, бывший еще несколько минут назад моим верным союзником, стал помехой. Пришлось ждать. Через полчаса, когда туман стал редеть и видимость увеличилась, я начал тщательный осмотр галечника. И вот после получаса бесплодных поисков долгожданная удача: в поле зрения трубы явственно видны спина, шея и голова сидящего серпоклюва! Птица не отличалась от окружавших ее камней, и даже яркая черная подковообразная полоса поперек зоба и «маска» вокруг клюва воспринимались как глубокие тени между камнями. Особенно незаметным становился сидящий серпоклюв, когда прятал под крыло свой длинный изогнутый клюв.

Радость тут же сменилась сомнением: а вдруг это опять уловка, как и вчера? Оставалось ждать, используя время для твердого запоминания ориентиров: по опыту я знал, как трудно будет найти это место, когда птицы на нем не будет. А ошибка даже на один метр может привести к гибели содержимого гнезда под каблуками сапог.

Минуты ожидания казались долгими. Сидящую птицу несколько раз скрывал туман, но она и не думала покидать свой пост. Через час в поле зрения трубы появился другой серпоклюв, направлявшийся в сторону первого. Сидящий встал, потянулся и быстро отбежал. Пришедший сел на его место, распушил перья и сделал несколько качков взад-вперед, как делают обычно наседки, усаживаясь на гнездо. Сомнений быть уже не могло — это гнездо! Но даже подойдя на два-три метра к месту, которое я запоминал в течение добрых полутора часов, я долгое время ничего, кроме камней, не видел. Лишь минут через десять как будто кто-то навел фокус в моем глазу: прямо передо мной четко обозначилась маленькая круглая ямка с четырьмя пятнистыми яйцами, лежавшими острыми концами к центру. Она была вымошена мелкими, не больше лесного ореха, камешками, по всей вероятности, принесенными самой птицей, так как рядом с гнездом в таком количестве мелких камешков не было. Хозяйки гнезда и след простыл. Она убежала, как только я вышел из палатки. В течение нескольких минут, которые ушли на измерение и описание гнезда и яиц, серпоклювы не подавали никаких признаков жизни. По всей вероятности, они молча наблюдали за мной со стороны.

Эта «вежливость» хозяев навела на мысль провести у гнезда суточное дежурство. Попросив направлявшегося в лагерь практи-

канта принести мне к вечеру сухой паек и спальный мешок, я поспешно забрался в палатку, плотно застегнул ее и принялся за наблюдения. Едва стихли шаги уходящего человека, серпоклюв показался в поле зрения трубы всего в пяти-семи метрах от гнезда. Не обращая внимания на палатку, он смело прошел к яйцам и деловито, по-хозяйски уселся на них. Несколько минут он сидел как будто настороженно, высоко подняв голову и держа клюв чуть наклонно вниз. Но вскоре, как бы устав, уронил голову на грудь, а затем положил ее на спину, спрятав под крыло.

С этого мгновения птица как будто растворилась среди камней, большинство из которых были такого же светло-серого цвета, как ее спина, и такого же размера, как ее туловище. Особенно трудно было увидеть птицу после очередного отдыха от трубы, смотреть в которую, не отрываясь, не было никаких сил: глаза начинали слезиться и контуры предметов постепенно расплывались. Несколько секунд передышки восстанавливали зрение, но вселяли сомнение — птица ли этот серый округлый предмет? Сомнение исчезало, но вскоре снова набегала слеза — и все повторялось сначала.

Потянулись томительно долгие часы ожидания. Странная вещь человеческая психика: наблюдение за поведением птицы на гнезде, само по себе очень увлекательное, становится невыносимым, если птица ничего не делает. Полное отсутствие какого бы то ни было действия со стороны наблюдаемого объекта способно вывести из себя даже самого спокойного и терпеливого человека.

Серпоклюв просидел на гнезде совершенно неподвижно минут сорок. Затем развернулся головой в другую сторону и снова замер на такое же время. Только через полтора часа его сменила вторая птица, которая вела себя так же, как и первая. Заступившая на вахту в 18 часов 20 минут самка осталась в гнезде на ночь.

Около 19 часов солнце ушло за ошетилившийся остроконечными тянь-шанскими елями западный склон. На галечник легла тень, и царившая здесь сырость стала ощущаться острее. Вскоре с верховий ущелья потянул ветерок и стало по-настоящему холодно. Кое-как дождавшись густых сумерек, когда и птица и камни слились в однообразную серую массу, я с облегчением забрался в спальный мешок.

Утром самец сменил самку на гнезде только в 7 часов 24 минуты. В дальнейшем «смена караула» происходила раз в один-два часа. Всего за сутки птицы сменились на гнезде семь раз, при этом яйца оставались без обогрева не более одной-двух минут. Самка провела на гнезде примерно вдвое больше времени, чем самец. Обе птицы сидели в гнезде неподвижно, лишь изредка принимались чистить перья или, не вставая, подбрасывать под себя мелкие камешки, до которых могли дотянуть-

ся клювом. За сутки наблюдений я ни разу не слышал голоса серпоклювов, так как их ничто не беспокоило. Все эти «мелочи семейной жизни» серпоклюва были новыми для науки, так как никто еще не дежурил сутками у гнезда этой редкой птицы.

В последующие дни, стараясь как можно меньше досажать птицам, я навещал их к ним через день и всего на несколько секунд, чтобы мимоходом заглянуть в гнездо — не вылупились ли птенцы. И вот утром 5 июня в гнезде вместе с тремя яйцами лежал только что вылупившийся, еще не совсем обсохший птенчик. Он был густо покрыт пухом, светло-серым на спине и белым на брюшке, имел черненький, почти прямой клювик длиной восемнадцать миллиметров и огромные светло-серые лапы, в которых один только средний палец был длиннее клюва в полтора раза.

Спустя полтора часа я уже снова сидел в палатке на прежнем месте, готовый к суточному дежурству. И в этот раз птицы регулярно сменяли друг друга на гнезде до 11 часов 15 минут следующего дня, когда самка увела весь свой выводок за сто-сто пятьдесят метров от гнезда. Еще за час-два до этого птенцы по одному или по два уходили из гнезда на расстояние до десяти метров, но вскоре возвращались под наседку. Когда эти прогулки участились, самка и увела трех пуховичков, оставив в гнезде яйцо-болтун — как будто догадалась, что из него ничего не выведется.

В первые двадцать минут семейство ушло за сорок метров, и самка сразу же села греть птенцов. Здесь к ней присоединился самец. При встрече оба родителя приветствовали друг друга поклонами, чего в другое время не наблюдалось.

В дальнейшем около птенцов находилась одна из птиц, а вторая отдыхала, кормилась или чистилась на другом конце галечника; затем они менялись. Кормятся птенцы с первого же дня сами, но обогревают их родители еще очень долго — даже в двадцатитрехдневном возрасте. В это время птенец покрыт еще пухом, только на крыле и хвосте появляются кисточки крупных перьев. В возрасте сорока дней он еще не летает, но уже оперен и издали напоминает взрослую птицу, от которой отличается только тем, что у основания клюва на боках головы у него нет черного цвета и сам клюв без красного. На крыло поднимается в возрасте около 45 дней.

С вылуплением птенцов поведение серпоклювов, обычно молчаливых, резко изменилось. Когда в гнезде появился первый птенец, взрослая птица встретила меня криком уже за триста метров от гнезда, а во время его осмотра атаковала, как это делают некоторые чайки и крачки. При этом серпоклюв, заходя с двухсот-трехсот метров, летит молча прямо на человека не выше полутора метров над землей. Не долетев десяти-пятнадцати метров, он резко сворачивает в сторону, взмывает вверх и, непрерыв-

но крича «кикикики... кикикики», облетает его по кругу радиусом 30—40 метров. Сделав четыре-пять кругов, птица приземляется в пятидесяти-семидесяти метрах, пробегает еще десять-пятнадцать метров и молча садится. Через несколько минут атака возобновляется — и так несколько раз, только число кругов с каждым разом уменьшается. Если же человек не уходит более получаса, серпоклюв делает продолжительный перерыв, во время которого его не видно и не слышно, а если и это не помогает, он начинает кричать и на земле.

Такой прием защиты потомства серпоклювы применяют вплоть до подъема молодых на крыло. Делает это всегда одна птица, второй в это время не видно. Только однажды на первый крик взятого в руки птенца взрослый серпоклюв реагировал необычно: сел в десяти метрах, поднял вверх крылья и, притворившись раненым, начал биться. При повторных криках птенца ничего подобного уже не наблюдалось.

В первые сорок дней жизни птенцы при опасности затаиваются. Услышав предостерегающий крик родителей, они ложатся среди галечника, вытянув вперед клюв и широко открыв глаза. В таком положении птенец может пролежать полчаса и даже час, не шелохнувшись. Благодаря покровительственной окраске, он настолько сливается с окружающей обстановкой, что увидеть его почти невозможно, а вот наступить на него при поисках очень даже легко. Чтобы избежать этого, мы применили специальный прием, без которого повторные осмотры птенцов были бы невозможны.

Обнаружив со склона, на расстоянии трехсот-четырехсот метров выводок серпоклювов на галечнике, один из наблюдателей следит за ним в подзорную трубу, и, выбрав момент, когда птенцы находятся в наиболее открытом месте, подает сигнал второму, чтобы тот двигался к ним. За двести метров родители издают предупреждающий крик, и птенцы, разбежавшись в разные стороны, затаиваются. По сигналу первого наблюдателя второй останавливается в семи-восьми метрах от птенца и ждет, пока подойдет первый и укажет точное место. Даже хорошо запомнив ближайшее окружение, не сразу удается рассмотреть птенца. Затаившийся, он никак не реагирует на приближение человека. Один птенец в возрасте сорока дней даже не моргнул, когда мы при фотографировании убрали камешки, закрывавшие клюв и часть головы. Взятые в руки, птенцы ведут себя довольно спокойно, почти не пытаясь вырваться, но при выпуске моментально выскакивают из рук и с криком бегут, высоко подняв голову. Один сорокадневный птенец при преследовании после выпуска ни разу не пытался взлететь и даже не расправил крыльев, а бросился в бурную речку и, переплыв ее, залег между камнями. Привычка затаиваться сохраняется в какой-то мере и у поднявшихся на крыло молодых, даже в возрасте пятидесяти дней.

Из трех вылупившихся в 1978 году птенцов выжил только один. Он начал летать в возрасте сорока пяти дней и до начала октября встречался с родителями на том же галечнике. Зимой все семейство провело здесь же, на высоте двух с половиной тысяч метров, что было несколько неожиданно: до сих пор считалось, что эти птицы на зиму спускаются вниз по долинам горных рек.

Летом следующего года пара серпоклювов снова вывела здесь птенцов (двух из них мы окольцевали, как и прошлогоднего), а еще через год кинематографисты студии «Казахфильм» сняли у очередного гнезда прекрасную короткометражную ленту «Дом для серпоклюва». На этот раз серпоклювы гнездились не далее сорока-пятидесяти метров от позапрошлого гнезда. И в этом году толстый слой снега на несколько часов припорошил насидевшую птицу. Эти кадры в фильме — одни из самых красивых и впечатляющих.

Вот уже пятый год наблюдаем мы серпоклювов на знакомом галечнике. Каждый год здесь гнездится одна-единственная пара, которая откладывает четыре яйца, а выращивает в конечном счете одного-двух птенцов. Куда же деваются молодые? Неизвестно. По-видимому, отправляются бродить в поисках пары и новых галечников: для возмужавшей молодежи родительский дом всегда становится тесным.

Найдут ли и пару и подходящее место? Чем меньше становится серпоклювов, тем труднее им подыскать себе пару. Не лучше положение и с местами, удобными для их гнездования.

Это должен быть не просто галечник, а достаточно обширный по площади, обязательно с многочисленными ручьями и речными рукавами, образующими множество галечниковых островков. Только на островке, окруженном со всех сторон бурным потоком, гнездо серпоклюва находится в относительной безопасности от лис, горностаев, куниц, от копыт скота. Надежное укрытие для серпоклюва представляют только те островки галечника, на которых камни средних размеров, примерно равные самой птице. Как на мелкой гальке, так и среди крупных валунов серпоклюв сразу же становится заметным. Трудно, очень трудно этим птицам найти подходящее место для вывода потомства.

Иногда серпоклювы проявляют удивительную терпимость к человеку. Приходилось видеть, как они кормились в каких-нибудь двухстах метрах от работающих тракторов или проезжающих автомашин. В августе и сентябре 1978 года строители автодороги, пролегающей на границе склона и галечника, провели серию взрывов. Серпоклювы никуда не ушли. Только при каждом взрыве они с криком улетали на противоположный склон галечника, но пределов его не покидали и вскоре возвращались на прежнее место.

К сожалению, не всякая человеческая деятельность безвредна

для этих птиц. Отара овец, идущих сплошной стеной, легко может растоптать яйца в гнезде или затаившихся птенцов, а сопровождающие отару собаки не преминут полакомиться ими. Очень опасен резкий подъем воды в горных реках, когда бурные потоки заливают островок, смывая яйца или птенцов. Не меньшую опасность представляет и осушение галечника, исчезновение его многочисленных рукавов и островков.

Именно это несчастье и обрушилось на знакомую нам пару. Весной 1981 года в дельте реки, где жили серпоклювы, строители противоселевой плотины стали брать гальку. Появились земснаряд и бригада мощных самосвалов. Птицам пришлось оставить гнездо, в котором уже появилось одно яйцо. Более того, для удобства работы строители по середине дельты провели глубокий канал, в который отвели воду с восточной ее половины. Осушенная таким образом часть галечника стала непригодной для гнездования серпоклюва. В результате впервые за пять лет серпоклювам совсем не удалось вывести потомство. Все лето мы встречали здесь только двух взрослых птиц.

Ясное августовское утро. По свежепроложенной дороге, то и дело сторонясь грохочущих встречных КраЗов, иду я к знакомому галечнику. Знакомому ли? То, что открылось моим глазам, выглядит странно и непривычно. Посередине широкой дельты, как огромный рваный рубец, оставленный неумелым хирургом, тянется канал, разделивший ее на две половины: правую, живую, по которой струятся блестящие ручейки, и левую — мертвую, сухую, без единого проблеска.

После часа упорных поисков нахожу одинокую пару серпоклювов на самом берегу озера, на узкой полосе галечника, оставленной им людьми. Оба кулика стоят метрах в десяти друг от друга, как каменные изваяния. За полтора часа — ни единого движения, никаких признаков жизни. Рядом суетится перевозчик, с характерным мелодичным призывом пролетела пара клушиц, над лесом раскричался дербник. Но серпоклювы безучастны ко всему. Молча и неподвижно стоят они, повесив свои красные носы, как будто решают невеселую и сложную задачу: как же им жить дальше?..

* * *

В том же году мы опубликовали в газете «Казахстанская правда» статью в защиту серпоклюва. В результате строители селезащитной плотины вынуждены были после окончания своих работ ликвидировать сооруженный ими осушительный канал, и вода в дельте, как и раньше, заструилась по всем рукавам.

Ожил галечник. Вернулись и серпоклювы. В 1986 году здесь гнездились уже две пары этих редкостных, великолепных птиц, и фотограф О. В. Белялов смог сделать ряд уникальных снимков.

Длиннохвостое райское диво

В невысоком северном отроге Западного Тянь-Шаня, хребте Каратау, есть одно интересное ущелье, называемое Беркарой. Природа этого местечка уникальна. В ботаническом заказнике, созданном здесь, встречаются древние и редкие растения. Удивительно богат и животный мир. Каждый раз, возвращаясь в город, забываешь об усталости, предвкушая в следующий свой приезд вновь встретиться с неожиданными моментами из жизни животных, приподнять «завесу» над тайнами, которые хранит этот замечательный уголок природы.

Это было в 1981 году. Как-то в первых числах мая мое внимание привлек мелодичный флейтовый посвист. Но рассмотреть в зарослях цветущего боярышника, ивы и только что распутившегося ясеня беспокойно перелетавшую с ветки на ветку тень было не просто. И вдруг на открытое место, над зеленой поляной, вылетела необычная, какая-то «не наша» птичка. Сразу же вспомнились цветные иллюстрации в популярных определителях. Это была длиннохвостая, или райская, мухоловка — яркая, контрастная птица, непохожая на многих других воробьиных. Особенно бросок самец. Голова и шея у него иссиня-черные, с ярким металлическим блеском, брюшко белое, а спинка — огненно-рыжая. На голове длинный остроконечный хохол. Но главное украшение самца — хвост: тоже рыжий и длинный. Из-за двух узких лентовидных перьев-косиц он более, чем вдвое, превышает размеры тела. Известны старые самцы, у которых хвост достигает почти полуметра, хотя сама птица не больше воробья. Как бы стесняясь своего не по-мужски яркого наряда, самец то и дело прячется в кронах деревьев. Самка же — полная ему противоположность. Она часто попадает на глаза и даже бывает нагловатой, подлетая на расстояние пяти-шести шагов. Правда, окраска оперения у нее тусклее: сероватое брюшко и не такая яркая спина.

Своему названию «райская» мухоловка обязана своим сходством с семейством настоящих райских птиц, живущих в Индонезии и на севере Австралии. Первым из европейцев об их существовании узнал путешественник Магеллан. Легенды местных жителей приписывают необычной окраске оперения магическую си-

лу. Однако, согласно зоологической классификации, наша птичка не имеет к райским никакого отношения. Она принадлежит к особому семейству мухоловковых. Обитает в Южной и Средней Азии, в том числе в горах Таджикистана и Узбекистана. В ущельях Западного Тянь-Шаня близ Ташкента, у самой южной границы Казахстана, райская мухоловка была обычной еще в начале нашего столетия: здесь известный натуралист Н. А. Зарудный нашел много гнезд и опубликовал интересную статью об образе жизни этой замечательной птицы.

В самом же Казахстане райскую мухоловку не находили. Только в 40-х годах ее впервые обнаружили в заповеднике Аксу-Джабаглы и почти в то же время в горах Каратау и Боролдай. Редкая, малоизученная мухоловка была занесена в 70-х годах в Красную книгу Казахской ССР, а количество описанных гнезд можно вообще пересчитать по пальцам.

Каково же было мое удивление, когда я встретил эту «редкость» в первый, второй и десятый раз! За пять лет, начиная с 1981 года, мне посчастливилось посетить почти все ущелья и долины южной части Каратау и его отрога Боролдай и обнаружить там гнездящихся райских мухоловок, общая численность которых — около двухсот особей. Это немало, тем более, что обитают они в республике только в Западном Тянь-Шане, и прежде всего в его упомянутых отрогах.

Устоять перед соблазном изучать райскую мухоловку было трудно. Начались многие километры поисков, дни непрерывных наблюдений за гнездами, сотни измерений. Используя нечастые возможности выездов в горы, я спешил описывать все, с чем удавалось сталкиваться, хотя и не хватало времени.

Нередко бредя по колено в холодной горной речушке, над которой на деревьях мухоловки чаще всего строят гнезда, — конечно, с целью сделать их недоступными, — хлопотно было каждый раз копаться в рюкзаке, доставать рулетку, штангенциркуль и другие необходимые инструменты. Поэтому, найдя очередное гнездо, я измерял примерную высоту его расположения собственным ростом и ружьем. Обычно постройка располагается на высоте полутора-двух метров. В полевой дневник вносились записи: «высота — пере-носица», «плечо минус пять» и тому подобные. Зимой шла расшифровка этих фраз.

Свои гнезда райская мухоловка строит из тонких узких полосок луба и стебельков злаков. Снаружи обертывает его тонким слоем паутины, которую специально собирает в зарослях кустарников, и добавляет пустые коконы пауков, ивовый пух, мелкие цветочки, листочки и даже насекомых и перья других птиц. Вся эта конструкция, как правило, укрепляется на сухой ветке дерева, напоминающая полусферическую чашечку высотой шесть-семь и наружным диаметром у верхнего края семь-восемь сантиметров. Часто мухоловки строят гнездо рядом с прошлогодним, а то и

прямо на его основе. Тогда оно бывает высоким, и в нем просматриваются два и даже три «этажа», а снизу свисает «борода» из старого стройматериала. Располагается такая постройка на наклонной тонкой ветке иногда толщиной всего в шесть миллиметров. Этого бывает достаточно, чтобы при ветре ветка не сильно раскачивалась и не сломалась от общего веса гнезда, кладки и взрослой птицы, что составляет обычно не более сорока граммов.

Однажды в ущелье Саясу я увидел совершенно уникальное «аварийное» гнездо. Птицы построили его на перекрестии веток, тянувшихся от двух соседних яблонь. При ветре деревья, раскачиваясь, постепенно растянули гнездо почти на две его ширины. Птенцы уже успели его покинуть, лишь последний оставался на кромке, готовый последовать за своими собратьями. Но удивило не только это: около птенца не было родителей, которые в такие минуты проявляют настойчивую агрессивность к любому, кто пытается посягнуть на молодых. «Старшие» вскоре обнаружили в двухстах метрах от гнезда во время любопытнейшего занятия.

Здесь собрались все райские мухоловки ущелья. Они возбужденно кричали, поминутно подлетая к небольшому дереву магалебской вишни. На нем сидела дикая степная кошка, которая, манипулируя передними лапами, пыталась схватить самую решительную из птиц. Охота не удавалась: намеченные жертвы оказались более ловкими, а аппетит у кошки разгорался. Птицы, отвлекая «удар» от птенцов на себя, постепенно заманивали зверя на тонкие сухие ветки, которые вот-вот затрещали бы под весом непрошеного охотника. Не знаю, чем бы все это кончилось, но в последний момент на тропе появился всадник. Это спугнуло кошку, а мухоловки разлетелись по своим гнездовым участкам.

Вся летняя жизнь этих птиц проходит в тенистых лесах вдоль горных речек. Поэтому территории, занятые парой, имеют ленто-видную форму. За их пределы на сухие щебнистые склоны гор они почти никогда не вылетают. Границы семейных владений определить несложно: мухоловки их сами указывают. Достаточно летом продемонстрировать свое присутствие у гнезда с птенцами, а затем медленно удаляться от него вверх или вниз по ущелью, и они тут же начинают сопровождать незваного гостя до границы участка, а далее как бы передают миссию «выдворения» следующей паре птиц.

Но весной, примерно в середине мая, мухоловки ведут себя по-другому. Из-за боязни раскрыть место гнездования они стараются не обнаруживать своего присутствия. Поэтому найти строящееся гнездо — задача не из легких.

Однажды, занимаясь тщательными поисками закладки «фундамента», я встретился с сыном лесника. Он возвращался из верховьев ущелья, куда с весны на все лето загоняли небольшой табун лошадей. Я объяснил ему суть дела, и он вызвался показать мне одно гнездо райской мухоловки, которое ею с утра ремонтировалось. Мы пошли к самому выходу из ущелья на террито-

рию пионерского лагеря. По пути он рассказал, что птицы строятся на ясене, на высоте примерно восьми метров. Такой факт меня смутил, но чего только не бывает! Ведь там, где живут люди и очень шумно, многие пернатые, гнездящиеся на деревьях, стараются забраться повыше. Любопытно было бы это отметить и в поведении мухоловки.

Но когда мы подошли к действительно ремонтировавшемуся гнезду, я с трудом сдержал смех. Это была не мухоловка, а, кто бы мог подумать,— самая обыкновенная сорока. Единственное, что мой проводник сразу же ухватил из объяснений, это то, что у птицы голова до синевы черная, а хвост — очень длинный.

В действительности же гнездо райской мухоловки нельзя перепутать ни с каким другим. Начинают «супруги» его строить незаметно. Сначала на месте раздвоения или просто пересечения веточек появляется небольшое ажурное переплетение тонких лубяных волокон. Затем оно приобретает форму небольшой чашечки, которая уже прочно прикреплена к ветке липкой паутиной. К вечеру второго дня гнездо обычно наполовину готово, а к концу третьего или четвертого — в него можно откладывать первое яйцо. Однако птицы не спешат и лишь спустя два-три или даже пять дней начинают нестись.

В основном строит гнездо самка, и делает она это в течение всего светового дня без перерыва. В полдень она приносит стройматериал по десять-пятнадцать раз в час, а утром с девяти до десяти часов — до пятидесяти раз. Самец в это время летает по участку и охраняет его от вторжения соседей, песнями предупреждая, что место занято. Любопытно — чем интенсивнее работает самка, тем чаще поет самец. Время от времени он подлетает, усаживается на ветку и, как бы проверяя качество работы, внимательно осматривает, что сделано. Затем он усаживается в гнездо и осторожно, перьями подбородка, разглаживает паутину на наружных стенках. Бывает, что прилетевшая самка прогоняет недоверчивого «контролера», который поспешно удаляется. Очень редко самец сам приносит прядь паутины или тонкий стебелек.

К концу мая мнимое легкомыслие «главы» семейства кончается. В это время в гнездах появляются яйца, и начинается самый ответственный период — насиживание, а затем выкармливание птенцов. Обычно самка откладывает три-четыре яйца, реже — два или пять. Размеры их невелики: длина в среднем двадцать, а ширина — пятнадцать миллиметров. Откладывает самка по яйцу в сутки, причем в ночное время, ближе к рассвету. Окраску яиц удачно описал Н. А. Зарудный: «...Основной фон свежих яиц бледно-розовый. Отметины вообще не особенно многочисленны и везде, даже на тупом конце яйца, оставляют основной фон ясно видимым. Они мелки и имеют вид точек красновато-коричневого цвета. Иногда на одном-двух яйцах одной и той же кладки эти отметины образуют вокруг полюса тупого конца подобие венчика...»

В июне частота пения райских мухоловок заметно снижается. Да и заниматься, на первый взгляд, никому не нужными вокальными упражнениями почти некогда — идет массовое насиживание. Семья семье рознь, но многие пары относятся к этому очень серьезно.

Наблюдая как-то из специально построенного шалаша, я убедился в том, что райские мухоловки имеют хорошо развитое чувство времени. Родители по очереди сменялись на гнезде. Когда насиживала самка, самец кормился, облетал участок и пел. Затем он садился на яйца, а она улетала. Смены в течение второй половины дня происходили через каждые 24—26 минут, и по ним можно было сверять часы. Но ближе к сумеркам у дружной четы начали случаться размолвки. Чем-то обеспокоенный самец прилетел к гнезду на десять минут раньше и уселся на ближнюю ветку, с недоумением уставившись на самку, которая и не думала освобождать место. Нарушив регламент насиживания, он вывел из себя партнершу, которая, сорвавшись с места, прогнала его. Когда же настало истинное время смены, самец не явился, а, прилетев позже, получил очередную взбучку. Как бы поняв свою вину, он осторожно опустил-ся в гнездо, аккуратно по очереди перевернул яйца и низко свесил длинный хвост. С наступлением сумерек на яйцах непрерывно остается одна самка. Так продолжается в течение двенадцати-четырнадцати дней, пока не появятся птенцы.

В первый год изучения гнездовой жизни райских мухоловок из-за осторожности птиц во время строительства и откладки яиц мне никак не удавалось определить продолжительность насиживания. Попадались уже законченные кладки. Правда, один обнадеживающий случай был.

Совершая свой обычный маршрут по проверке гнезд, я увидел новое, с незаконченной кладкой. Казалось бы, достаточно через несколько дней его еще раз посетить и пересчитать яйца, чтобы установить точную дату начала насиживания. Но, вернувшись к гнезду, я его не узнал. На месте изящной чашечки висел небрежный шар из свежих листьев, в основании которого были заметны знакомые лубяные волокна и паутина. На камнях под гнездом лежали остатки трех яиц с уже высохшим содержимым. Я постучал по новоявленной хатке палкой с привязанным на конце зеркальцем (оно предназначено для осмотра содержимого высоко построенных гнезд), в нем отразилось изображение небольшого зверька. Это была лесная соня — любительница полакомиться птичьими яйцами и, как оказалось, способная к захвату чужого жилища.

Имеет смысл рассказать и о других врагах райских мухоловок. Частыми разорителями гнезд являются змеи. Например, в Каратау не раз встречались на деревьях в поисках очередной жертвы разноцветный и узорчатый полозы. Последний из них вообще специализируется на питании птицами, их яйцами и

птенцами. Змеиный почерк «преступления» однотипен: гнездо остается целым без каких-либо следов разорения, а содержимое бесследно исчезает. Однажды, фотографируя пятидневных птенцов, я обратил внимание, что с криком мечущаяся самка взволнована чем-то еще, кроме моего присутствия. Оказалось, на одной ветке с гнездом, в полуметре от него, притаившись, висел узорчатый полоз. Его размеры были такими, что он смог бы управиться со всеми четырьмя птенцами. На этот раз полозу не повезло, и он быстро полетел в мой специальный полотняный мешочек, предназначенный для змей. К сожалению, впоследствии он сбежал, оставшись неизмеренным и непопеченным.

В долине реки Боролдай и в урочище Джолбарскамал врагом номер один для райских мухоловок были многочисленные там сороки. Как известно, они склонны к разорению чужих гнезд. Однако эти любительницы полакомиться яйцами зачастую их не съедают. Причина в том, что когда сорока устраивается на край гнезда, оно или отрывается или, оставаясь на ветке, переворачивается вверх дном, а содержимое вываливается в речку или на камни.

Но достается и врагам. Как-то две семьи мухоловок при поддержке пары иволг с успехом выдворили из леса забредшую сороку. В другой раз тем же кончился конфликт с кукушкой, когда пара райских вместе с парой серых мухоловок с трудом отогнали ее от своих гнезд, расположенных на одном ясене.

Взаимоотношения райской и серой мухоловок неясны. Некоторые орнитологи считают этих птиц конкурентами. Такое не исключено, но делить им, кажется, нечего, ведь кормятся эти два вида в разных ярусах леса, гнезда устраивают по-разному и друг к другу относятся обычно с полным безразличием. Но однажды мне довелось наблюдать оригинальный случай поочередного занятия этими птицами одного и того же гнезда. Построили его райские мухоловки, отложили туда яйца и вывели птенцов, которые успешно вылетели. Через три дня в выстилке гнезда появилось много шерсти и перьев, а еще через два — первое яйцо серой мухоловки. Эти птицы также успешно вывели трех птенцов. Со стороны истинных хозяев гнезда, в течение месяца остававшихся со своим выводком тут же поблизости, не было проявлений какого-либо видимого недовольства. Через год райские мухоловки отремонтировали и заняли вновь свою постройку.

Гораздо сложнее внутрисемейные взаимоотношения райских мухоловок. Нередко наблюдаются случаи полигамии, иначе говоря — многоженства. В пернатом мире, среди видов, живущих парами, это не такая уж редкость. При полигамии у райских мухоловок на участке, охраняемом самцом, две самки. Обе самостоятельно строят два гнезда и, казалось бы, вполне нормально растят потомство. Но в действительности «тройной союз» кое-кому выходит боком.

Может ли один самец проследить, чтобы никто не вторгался в гнездовой участок, помочь обоим партнершам в насиживании, чтобы те «не протянули ноги с голоду», умудриться прокормить не три-четыре птенца, а шесть-восемь? Нереально, как бы он ни разрывался! Вот и отдает любитель «женского пола» предпочтение одной самке, а вторая видит его довольно редко. У «второсортной» подруги наблюдается большой отход яиц, которые гибнут при частых кормовых отлучках матери. У одной такой самки из четырех яиц вывелся только один птенец, да и тот недоразвитый. Другая в надежде стать мамашей просидела на трех болтунах двадцать пять суток, и неизвестно, сколько бы еще насиживала, если бы я не забрал у нее яйца.

Однако негативны лишь отдельные случаи, а в общем явление полигамии имеет свой положительный биологический смысл, так как способствует увеличению численности птиц, в частности райских мухоловок.

Большинство же этих птиц живет в единобрачии. С большим удовольствием, по несколько часов подряд можно наблюдать, как дружные пары ухаживают за долгожданными птенцами. Появляясь они на свет крохотными, голыми, если не считать нескольких рыхлых пушинок, слепыми и с бледной просвечивающей кожей. Но уже через день их тело приобретает здоровый загар, а через два — на крыльях набухают пеньки маховых перьев. Растут птенцы не по дням, а по часам в самом прямом смысле этого слова. В пятисуточном возрасте они полностью покрываются пеньками, начинают открывать глаза, попискивают, а во время кормления так раскрывают свои клювы, что начинаешь сомневаться, можно ли удовлетворить их непомерный аппетит. В девятидневном возрасте в птенцах уже можно узнать райских мухоловок. В это время раскрываются пеньки рулевых перьев на хвосте — сигнал готовности сделать первый самостоятельный шаг в жизни. Не позже, чем через десять дней, молодые мухоловки покидают ставшее тесным гнездо.

У родителей с первых дней после вылупления птенцов появляется много новых хлопот. Пока птенцы голые, их надо непременно обогревать тем же способом, что и яйца. Малыши ни на минуту не прекращают испытывать чувство голода. Кроме того, в природе, как известно, нет безотходной пищи, и родители постоянно уносят «детские» экскременты, чтобы содержать гнездо в чистоте. Растет и прожорливость малюток. Если четырем птенцам суточного возраста родители приносят корм четыре раза в час, то пятисуточным — восемнадцать. Вот и порхают птицы с ветки на ветку в поисках съестного в течение пятнадцатичасового рабочего дня, начиная с шести часов утра.

Чем же питаются мухоловки? Ответ — в самом названии птицы. Различные летающие насекомые, в том числе мухи, составляют для них основное меню. Ловят мухоловки добычу на лету, исполняя забавные воздушные трюки. Самцы приносят корм реже,

но любят побаловать птенцов деликатесами: цикадой, ошипанной бабочкой или стрекозой. Самка же «не балует» молодых, кормит их мухами да слепнями, а лакомства ловит лишь иногда.

Случаи гибели птенцов мухоловок редки. Это происходит менее, чем с каждым десятком. Гораздо чаще пропадают яйца. Например, в ущелье Беркара за четыре года из 144 отложенных яиц вылупился лишь 101 птенец, из которых 93 успешно вылетели.

Таков гнездовой период райских мухоловок. Проследить последующие этапы жизни этой птицы трудно. Известно лишь, что почти месяц после вылета родители охраняют уже самостоятельных птенцов, а первое время продолжают их даже подкармливать.

В горах Каратау конец июля и август — сезон унылый. Птицы поют мало: только на рассвете и закате. Как и у большинства пернатых, у наших мухоловок поют лишь самцы. Но в исключительных случаях пет может и самка. Время почти полного окончания пения совпадает с периодом линьки, которая проходит в конце июля — первой половине августа. Это сезон «равноправия» мухоловок всех возрастов и разных полов, так как в их внешнем облике различий мало, и они не броски. Молодые уже становятся крепкими, самостоятельными и похожими на взрослых самок. Самцы со сменой оперения теряют свой длинный хвост, но их все же выдает яркая окраска головы и крыльев, еще не успевшая выгореть и обтrepаться.

Сроки линьки у райских мухоловок хорошо «продуманы» природой. Смена оперения происходит перед отлетом птиц в южные районы Индии, где они зимуют. Самцу не очень-то просто было бы лететь несколько тысяч километров со своим развевающимся на хвосте «прицепом», но к моменту старта на юг косицы у него еще только чуть заметно выделяются из других рулевых перьев.

Хотя эти птицы южане, из тропиков они прилетают относительно рано и выносят нередкие весной похолодания. В середине мая 1985 года в Каратау они благополучно пережили снегопад, когда зазеленевшие уже деревья ломались и падали под тяжестью мокрого снега. Заметив приближение такого ненастья, я вовремя сбежал и, отсиживаясь в тепле городской квартиры, уже не рассчитывал встретиться с мухоловками и провести запланированные на лето наблюдения. Через четыре дня, когда я вновь вернулся в горы, лес был неузнаваем. Листья у ясеня, железного дерева, персидской рябины почернели, некоторые молодые деревья впоследствии погибли. Но мухоловки, как всегда непоседливые, резво перепархивали с ветки на ветку, собирая былинки и продолжая строительство!

Если весной птицы прилетают дружно — за три-пять дней, то осенью места гнездования они начинают покидать «врассыпную», в третьей декаде августа, а последние — даже в середине сентября. Проводят же в наших широтах райские мухоловки где-то около четырех с половиной месяцев.

Как и у многих других животных, у мухоловок можно уловить индивидуальные особенности характера. Они бывают холеричными или очень спокойными, пугливыми или молчаливыми. В течение трех лет на одном и том же гнездовом участке я несомненно встречался с одной и той же самкой райской мухоловки. Каждый год чувствовал, что вновь вижу со старой знакомой, уж очень отличалась она от других птиц приемами защиты своих птенцов. Эта «кособа» хитро отвлекала внимание, незаметно подлетала сзади и норовила ушипнуть в плечо или спину....

Для отлова птиц с целью кольцевания орнитологи обычно пользуются тонкими, как паутинка, сетями или другими ловушками. Чтобы поймать взрослую самку райской мухоловки, вообще не нужно никаких приспособлений. Птица не пуглива. В период насиживания яиц необходимо только дожидаться ночи: она в это время даже позволит ее осторожно погладить, на что реагирует мелкой дрожью слегка приспущенных крыльев да громким щелканьем клюва. Такая реакция была и у других самок. Днем, однако, мухоловки слетают с гнезда, не подпуская ближе двадцати шагов, причем пугливее обычно представители «сильного пола».

Однажды во время летнего теплого дождя я поймал руками красавца-самца. Птица, утомленная нескончаемыми потоками ливня, сидела низко на ветке, засунув голову под крыло, и ждала прекращения невольной водной процедуры. Вид у нее был далеко не «райский». Но когда самец очутился в руке, откуда взялась энергия? От неожиданного его сопротивления мои пальцы непроизвольно разжались, и пленник мгновенно исчез в густых тугайных зарослях.

Вероятно, я зря завел разговор об отлове. Любители клеточного содержания певчих птиц райских мухоловок не держат, ибо прокормить их в неволе невозможно. Песни мухоловок, без сомнения, могут доставить удовольствие, но сложна проблема снабжения их летающими насекомыми. Однако, чего греха таить, порой страдают наши птицы от человека из-за своего изящного гнезда. Оказавшегося на природе дилетанта одолевает «эстетический» приступ: птичьи яйца он выбрасывает, а гнездо переезжает в город и «вписывается» в интерьер квартиры.

Завершая наш рассказ, хотел бы выразить надежду, что и через год, и через десять лет эти прекрасные птицы сохранятся в наших горах. Думаю, настанет и такой момент, когда раз и навсегда райская мухоловка покинет печальные страницы Красной книги. Много в этом зависит от нас. Сейчас уже точно известно, что главное для сохранения этой редкой птицы заключается в полном запрещении рубки горных тугайных лесов в местах с высокой ее численностью. В Казахстане со временем, очевидно, центр охраны райской мухоловки следовало бы переместить из Аксу-Джабаглинского заповедника в урочище Беркара, где, как мы уже отмечали, птица имеет относительно высокую плотность населения. Здесь ежегодно гнездится почти четвертая часть всей каратауской популяции этой замечательной и редкой птицы.

З. К. БРУШКО

Безногая ящерица в костной броне

Со школьного возраста известно, что ящерицы в отличие от змей имеют конечности. Но, вероятно, мало кто знает об исключениях. В нашей стране к ним относятся два вида ящериц: веретеница и желтопузик. О втором мы и расскажем.

Желтопузик — ящерица крупная, уступает только серому варану. Тело может достигать почти метровой длины, причем хвост значительно длиннее туловища — до пятидесяти пяти сантиметров. О том, что когда-то она имела конечности, свидетельствуют лишь небольшие сосочкообразные выросты. От змей ее легко отличить по кожистым боковым складкам, свойственным только желтопузику, и по подвижным векам. Ребристая чешуя состоит из костной основы с роговым образованием сверху. Наощупь она жесткая, шероховатая и оставляет впечатление, будто тело ящерицы покрыто плотной черепицей.

Русское название желтопузика удачно отражает особенности его окраски, но почему-то его еще называют глухарем, хотя слышит он не хуже своих сородичей. Взрослые желтопузики окрашены в оливково-бурый, грязно-желтый или красновато-коричневый цвета. А вот окраска молодых совершенно иная: на желто-сером фоне туловища и хвоста видны поперечные ряды зигзагообразных полосок. На голове они образуют рисунок. Такой наряд — своеобразная маскировка, благодаря которой молодые желтопузики легко теряются среди растительности.

В Казахстане эта безногая ящерица живет на юге, предпочитая предгорные равнины и долины рек с умеренной влажностью. Моя первая встреча с живым желтопузиком произошла в студенческие годы во время летней учебной практики. На склоне холма, полыхавшем красными маками, одновременно кормилось несколько крупных желтопузиков. Поразило меня необычное змеевидное передвижение и крупные размеры ящерицы. Не предполагала тогда, что спустя три с половиной десятилетия мне придется познакомиться с ней очень близко и познать многие интересные стороны ее жизни.

Весной 1982 года после непродолжительных сборов и отгрузки экспедиционного снаряжения смешанный отряд зоологов, изучающих птиц и пресмыкающихся, направился в Чимкентскую область, в горы Боролдай. Урочище Улькен-Кокбулак, где мы обосновались

на лесном кордоне, оказалось чудесным уголком природы. Нельзя было налюбоваться на свежую зелень холмов, буйно цветущий яблоневый сад, красочные восходы и закаты. Орнитологов радовали голосистые иволги, изумрудные зимородки, райские мухоловки, зеленые щурки и крохотные синицы — ремезы.

Правда, в день первого заезда этот чудо-уголок встретил нас неприветливо, морозящим дождем. Дорога из-за него раскисла, и мы прибыли только к вечеру. Едва успели разместиться, как начался снегопад, перешедший затем в пургу. Настроение упало: по сводкам метеостанции ожидалась устойчивая холодная погода. Метель крутила всю ночь, и утром земля оказалась покрытой снежным покрывалом. Свежий горный воздух перехватывал дыхание, а непривычная белизна заставляла жмуриться. Одевшиеся в белые пушистые шубы деревья прогнулись под тяжестью снега. Притихли, забились в укромные местечки птицы, и лишь распушившиеся до формы шара чернозобые дрозды сидели на деревьях как ни в чем не бывало.

Однако, вопреки прогнозам, погода пошла на улучшение, а с ней — и наше настроение. С восходом солнца зимняя сказка на глазах стала исчезать: быстро таяли хрустальные сосульки, постепенно опадало белоснежное убранство деревьев, на склонах холмов появились островки темных пятен. Во всем чувствовалось, что холодная хозяйка-зима, хотя и неохотно, но уступает натиску весны. Едва красный диск выглянул из-за гор, как стала просыпаться дремавшая живность.

Казалось, все радуется и торжествует перед теплом и светом! Вот личинка жука с большими усилиями торопится вытянуть свое длинное брюхо из сырой и неуютной норки, чтобы понежиться в лучах еще холодного солнца. На освобожденных из снежного плена изумрудных травинках, подобно ягодам клюквы, повисли божьи коровки. Начали поднимать головки тюльпаны-одиночки. Заметно изменилось поведение птиц: захлопотали неугомонные синицы — обшаривают веточки в поисках пищи, обыкновенная горихвостка охорашивает свой наряд, слышится воркование голубей. Вот-вот появятся и желтопузики. И среди них есть свои пионеры.

Вот с трудом вылезает из норы ящерица — как оказалось, молодая самка. Беру в руки — холодная, сырая, похожая на корягу, извлеченную из воды. На голове — глиняный «берет» высотой в полсантиметра, на нижней челюсти в виде бородки висит кусок земли, один глаз наполовину залеплен, и туловище, будто чехлом, покрыто кашецеобразным слоем глины. Освобождаю ее от наслоений и вижу, что она, хотя и молодая особь, уже многое испытала на своем веку! На кончике хвоста свежая рана, более старая — на голове, челюстные щитки сдернуты, зубы оголены. Поскольку ящерицы мелкого размера, как эта, встречаются чрезвычайно редко, то я беру ее для мечения, чтобы проследить за темпом роста. Добычу пока помещаю в матерчатый мешок. Только получив индивидуальный номер, самка будет выпущена на волю непосредственно на месте поимки.

Грязными выходят ящерицы из нор после проливных или продолжительных дождей. Почва пропитывается влагой, проникающей в убежище, и размягченная земля обволакивает желтопузика равномерным слоем. Понадобятся два-три часа, пока желтопузик обсохнет, начнет двигаться, а затем и кормиться.

Уже в первые дни наблюдений стало ясно, что образ жизни этой ящерицы и ее поведение чрезвычайно интересны и таят еще много загадочного.

В процессе длительной эволюции у пресмыкающихся выработались самые разнообразные защитные приспособления. При опасности круглоголовки, например, принимают угрожающие позы или мгновенно погружаются в песок, другие сохраняют неподвижность и, благодаря покровительственной окраске, сливаются с поверхностью. Многих ящурок спасают быстрое передвижение и резкие повороты. Широко распространено и явление автотомии — отдача кусочка или даже целого хвоста. Жертвывая этой частью тела, ящерицы спасают свою жизнь, а потеря постепенно восстанавливается.

Желтопузик такой особенностью не обладает, хотя раненый хвост у него хорошо заживает. Кстати, эти ящерицы очень часто имеют поврежденные хвосты. Судите сами. Только в 1983 году из 138 осмотренных особей сорок одна оказалась с таким дефектом. Встречались даже уроды — куцехвостые. Выглядели они жалко и противоестественно. Ведь хвост при передвижении в густой растительности играет большую роль. Причинами этого увечья могут быть внезапные заморозки или малые убежища, когда часть длинного хвоста ящерицы остается снаружи без защиты, и другие.

Потеря части тела, порой значительной, не всегда для желтопузика смертельна. Нередко ящерицы с кровоточащими ранами продолжают жить. Выживают даже особи с искривленным в нескольких местах позвоночником или сильно деформированной головой, не говоря уже о травмах в виде различных шрамов. Приходилось встречать и настоящих калек, и просто диву даешься, как они существуют!

Однажды на учетной площадке появилась новая особь странного поведения — передвигалась неуверенно, не пытаясь скрыться, почти не реагировала на прикосновение. Поймать ее не составляло никакого труда. Но как меня поразила ее внешность! Боковые складки порваны в нескольких местах, по всему телу ссадины, вместо губных щитков с обеих сторон рваные рубцы, ушные отверстия и один глаз заросли, а зрачок другого — едва заметен. Первое, что подумалось, — эта ящерица обречена. Однако ее масса оказалась в пределах нормы и наполненный желудок говорил о жизнеспособности. В отличие от других особей эта беспрерывно высовывала язык, прикасаясь им ко всему встреченному. Как видно, утрата одних органов чувств восполнилась повышенной функцией других, в данном случае языка как органа осязания. Передвигалась она с трудом, ведь голова желтопузика выполняет роль волнореза, а здесь каждая травинка цеплялась за изуродованные челюсти, тормозила движение и, види-

мо, причиняла ей боль. На открытом месте ящерица стала двигаться увереннее, но постоянно «косила» в одну сторону, пытаясь что-то рассмотреть остатком глаза. Два дня находилась она в радиусе семи-восьми метров, ночуя на поверхности. И вдруг бесследно исчезла.

Как все ящерицы и змеи, желтопузик периодически сбрасывает верхний слой кожи, то есть линяет. В специальной литературе иногда сообщается о находках линяющих желтопузиков, но мне они не встречались. При высокой численности этой ящерицы в районе нашей работы отсутствие следов линьки казалось странным. Во всяком случае в пустынных условиях остатки линных покровов круглоголовки и ящурок — явление обычное. Может быть, желтопузики линяют в убежищах или заглатывают выползок, как это делают сцинковые гекконы? Последнее предположение вполне правдоподобно, так как в желудках желтопузиков в других местах их обитания не раз находили целые выползки.

Как-то в конце апреля я заметила необычно белесых со светлыми пестринами ящериц. Количество их с каждым днем нарастало: по-видимому, приближалась линька. И, действительно, окраска заметнее изменялась на брюхе и горле, где оливково-бурый или желтоватый фон становился молочным со светлой пятнистостью. Постепенно увеличивалось число желтопузиков в обновленных покровах. Тусклые и поблекшие чешуйки после линьки становились блестящими, сверкающими на солнце.

Пока мы ничего не знаем о годовом числе линек в естественных условиях. Можно лишь говорить о растянутости этого процесса. Как показали наблюдения, в террариуме кафедры зоологии Казахского университета промежуток между повторными линьками у желтопузика составлял от одного до трех месяцев. Замечено, что в природе сбрасывание старого покрова протекает быстрее во влажной среде, поэтому желтопузики в период линьки обычно собираются в пойме реки.

Поведение этой ящерицы во многом определяют ее индивидуальные особенности. Она крайне осторожна. Прежде чем воспользоваться каким-нибудь убежищем, долго и тщательно его обследует. Но в случае опасности стремится поскорее спрятаться в первое попавшееся укрытие, порой самое неподходящее. Иногда едва втискивается в тесную норку, оставляя хвост снаружи. Часто спасение находит в густой растительности либо бросается в воду. Если встреча произошла на крутом склоне, желтопузик бесстрашно кидается с обрыва в пропасть с бурлящей водой или скатывается «кубарем». На ровном месте отступает, делая «задний ход», цепляясь хвостом за травинки и неровности, медленно подтягивает туловище в кусты. При внезапном столкновении на открытом месте, когда путь к отступлению отрезан, затаивается или впадает в состояние шока, оставаясь неподвижным в течение десяти-пятнадцати минут. В это время лежит с закрытыми глазами, его можно переворачивать кверху брюхом, почесывать, сворачивать в виде петли — и никакой реакции! Такое состояние наступает иногда и после того, как желто-

пузик побывает в руках. Первая при этом реакция — освобождение кишечника. Так поступают многие ящерицы и змеи, и делают они это, видимо, «со страху», либо таким способом стремятся запугать нарушителя спокойствия. Используется и такой метод защиты, как устрашение, когда желтопузик делает бросок в сторону появившегося. Заглотив большую порцию воздуха, ящерица порой раздувается, да так, что ее боковые складки полностью расправляются. И нередко при приближении к ней начинает «фыркать», с силой выпуская воздух из легких. При внезапной встрече может довольно быстро взобраться на высокое дерево, путем непрерывных бросков передней части туловища.

Спугнуть желтопузика очень легко, и это можно понять — ведь у него столько недоброжелателей! Поэтому не удивительно, что мне часто встречались исключительно пугливые особи. Иной желтопузик прекращает кормежку и уходит в убежище от громкого разговора, от шума проезжающей машины или рева быка. Не раз мои наблюдения срывались из-за звучащих поблизости детских голосов. Обычно в воскресные дни жизнь на кордоне заметно оживляется. В родительский дом собирается многочисленная детвора, обучающаяся в интернате поселка Корниловка. Любопытству детей нет границ. Зачем, спрашивается, взрослый человек часами бродит по склонам и в бинокль рассматривает не заслуживающих внимания ящериц, неподвижно сидит возле куста, ставит какие-то колышки, вешает этикетки, постоянно что-то записывает? Дети следуют буквально «по пятам», и освободиться от такой «свиты» можно только путем убеждения, уговоров, но лучше всего — с помощью конфет. В такие дни приходится уходить подальше от селения...

Желтопузики, если продолжить разговор об их особенностях, очень терпеливы. Как-то при измерении головы я несколько минут держала ящерицу в руках, зажав ее туловище коленями, а хвост был случайно придавлен ножкой стула, на котором я сидела. Я не заметила своей оплошности, желтопузик же не издал ни звука, не сделал ни одного резкого движения. Но глаза! Глаза как будто выдавали страх, боль и даже укор!

Желтопузик не столь гибок, как змеи и многие ящерицы. Он редко принимает форму петли и обычно не способен к резким изгибам туловища. Поэтому отдыхает он в выпрямленном или полусогнутом положении. Ему, как и ломкой веретенице, свойственны винтообразные движения тела, к которым он прибегает в самых разных ситуациях. Так, пытается освободиться из рук круговыми движениями, совершая при этом до двадцати оборотов то в одну, то в другую сторону. Чтобы удержать его, нужны довольно большие усилия. Во время преследования он ввинчивается в нору так быстро, что едва успеваешь следить за крутящимся хвостом. Когда желтопузик умерщвляет и заглатывает добычу, то также крутится вокруг оси, временами прижимая жертву к земле. «... Желтопузик,— пишет зоолог Д. Н. Кашкаров,— приподнявшись над землей, поедает на кусте верблюжьей колючки моллюсков, которые иногда сотнями

покрывают это и другие растения. Мышей он убивает таким образом, что, схватив добычу, начинает с ней быстро кружиться. А когда мышь обессилеет, разгрызает ей голову и съедает. Схватывает желтопузик и ящериц, отрывая им хвосты».

Как-то, возвращаясь с моей помощницей с экскурсии, мы услышали в стороне от тропы шуршание листьев и какую-то возню. Подойдя ближе, увидели, как крупный самец заканчивал заглатывать своего собрата и старался освободиться от почти отделенного хвоста жертвы вращательными движениями. Мы решили прервать трапезу: после осторожных надавливаний в области желудка содержимое было отрыгнуто, и у нас в руках оказался полуразложившийся труп желтопузика. С тех пор наше представление об этой ящерице как о разборчивой в еде изменилось. Правда, в ее оправдание можно сказать, что три предыдущие дня были холодными, дождливыми, и она, видимо, так проголодалась, что была вынуждена заглотить смердящую добычу.

О том, что позвоночные — не случайные элементы в пище желтопузика, говорят наблюдения многих зоологов. Взрослые особи поедают грызунов, землероек, мелких ящериц и змей, птенцов птиц, гнездящихся на земле и в кустарниках. В урочище Улькен-Кокбулак коллеги-орнитологи наблюдали, как желтопузик охотился за многочисленной здесь лесной соней, которая занимала развешанные для синиц искусственные гнездовья. В кроне фруктовых деревьев желтопузик подкарауливал ловкого грызуна и настойчиво преследовал его, довольно ловко перемещаясь с ветки на ветку.

На кордоне, где мы обосновались, располагалось несколько выездных и постоянных пасек, хозяева которых поговаривали о том, что желтопузики частенько крутятся вблизи ульев и будто бы уничтожают пчел. Меня это очень заинтересовало: ведь факт поедания живых пчел необычен. Известный герпетолог И. С. Даревский однажды уже описал охоту на них прыткой ящерицы, которая безбоязненно хватала возвращавшихся со взятком пчел. В желудке каждой ящерицы он обнаружил от шести до девяти пчел! Если учесть, что на пасеке постоянно держалось двадцать пять-тридцать этих ящериц, то вред они наносили весьма ощутимый. Но поскольку в других условиях прыткие ящерицы приносят большую пользу, то было решено не уничтожать «разбойниц», а отлавливать и выпускать их подальше от пасеки.

Я стала ежедневно наведываться к ульям и убедилась, что желтопузики тоже здесь частые гости и даже селятся поблизости, несмотря на постоянное беспокойство со стороны человека и скота. Они собираются по несколько особей в одной норе, под пышными кустарниками, в кучах кирпичных обломков, бетона, шифера и бытовых отходов. Некоторые мелкие особи даже умудряются ночевать в самих ульях, пролезая туда с большим трудом сквозь образовавшиеся щели. Вооружившись биноклем и выбрав укромный уголок в зарослях кустарников, начала наблюдать.

Пространство между ульями пасечники периодически выкашивали, поэтому площадка хорошо просматривалась. Открылась интересная закономерность — желтопузики «предпочитали» посещать пасеку после очистки ульев и обрезки рамок, то есть тогда, когда возле ульев накапливались погибшие насекомые и соты с личинками пчел. Еще незадолго до этого в желудке вскрытой нами ящерицы была обнаружена какая-то вязкая масса неизвестного происхождения. Мы долго ее рассматривали, мяли в руках, нюхали, но так и не поняли, что это. Но вскоре увидели, как желтопузик подбирает и, давясь, заглатывает мелкие обрезки восковины, а от крупных отламывает кусочки, мотая головой из стороны в сторону, или вниз-вверх. Вот, оказывается, чем был набит желудок!

Мы заинтересовались, охотится ли желтопузик на живых пчел? К большому нашему удивлению оказалось, что он подбирает лишь мертвых насекомых, а в них недостатка нет. Больных и «чужаков» пчелы убивают и выбрасывают из своего жилища, и желтопузик всегда может найти здесь обильный даровой обед без всяких усилий. В иных же условиях на поиски пищи у него уходит два-три часа. Теперь стало ясно, почему ящерицы преимущественно держатся возле летка. Одновременно на пасеке я встречала четыре-шесть особей. Укусы пчел для них, видимо, не опасны благодаря плотным покровам.

В густой траве, даже пользуясь биноклем, легко потерять желтопузика, а чтобы оставаться незамеченной, приходится передвигаться в моменты, когда он занят: выкапывает добычу, действуя, подобно ковшу экскаватора, или снимает ее с кустиков травы. Все встречаемое на пути обследует с помощью короткого и раздвоенного на конце языка. Во время охоты часто приподнимает голову, осматривается и, убедившись в безопасности, продолжает поиски. Но почуяв неладное, держит вытянутую голову неподвижно восемь-десять минут. На пути его следования остается чуть примятая трава, и можно заметить небольшие копки. Насытившись, он облизывает челюсти языком или потирает их о траву, поворачивая голову из стороны в сторону. А потом долго лежит, растянувшись на солнце и переваривая пищу.

Несмотря на крупную величину, желтопузик может оставаться незамеченным. Движения его бывают очень осторожны и бесшумны. Еще раз убедил меня в этом следующий случай.

При взвешивании и измерении ящериц я пользовалась небольшим отсадником, где временно содержались отловленные особи. Сверху он накрывался, а для гарантии крышка придавливалась камнем. Однажды, то ли по небрежности ящик был закрыт неплотно, то ли желтопузик смог отодвинуть крышку, но пленник исчез! Я очень огорчилась, да и как же было не горевать, если мы провели с ним рядом два дня! Я уже знала, где он ночует, кормится, как далеко отлучается от норки. Хотелось его пометить и продолжить наблюдения. Сразу же начались поиски — мы осмотрели две комнатухи, небольшую переднюю, подняли почти все экспедиционные принадлеж-

ности, но обнаружить беглеца не удалось. А через три дня, к нашему изумлению, он нашелся на подоконнике, где искал выход, пытаясь протиснуться в щель между рамой и полиэтиленовой пленкой, служившей вместо стекла. Все эти дни он провел рядом, скрываясь между выючными ящиками, свернутой палаткой и кошмой. Удивительнее всего, что две наши собаки не проявляли никакого беспокойства и интереса к столь необычному вселенцу. Он опять оказался у меня в руках и тут же был отнесен к своему «дому». К сожалению, увидеть его больше не довелось. Это можно понять — после стольких испытаний он предпочел сменить место жительства.

А вообще желтопузик не избегает близости человека. На кордоне домашний скот содержался в наполовину открытых постройках с глинобитными стенами, нижняя часть которых за давностью времени и не без помощи туркестанских крыс пронизана ходами и щелями. Вокруг этого строения картина была неприглядной: травянистый покров совершенно выбит, всюду кучи свежего навоза, заготовленный на зиму кизяк, раскиданы бытовые отходы. Но именно здесь постоянно держалась пара желтопузиков. То они грелись возле стен на солнцепеке, то вползали внутрь хлева, не боясь быть раздавленными копытами коров, временами «прогуливались» в прилежащем саду и снова возвращались. Было ясно: их пребывание здесь не случайное, эти места, несмотря на беспокойство, чем-то привлекали ящериц. Разгадка оказалась простой — вблизи скота в обилии водятся различные насекомые. Причем желтопузиков привлекают не только они, но и их личинки. Длинные и тонкие менее заметны, а вот светлые, с толстым и коротким телом выглядят очень аппетитно! Навоз, перегной и гниющие растительные остатки — самые благодатные условия для питания и развития личинок жуков.

Готовясь к поездке в горы Боролдай, я надеялась на встречу со многими пресмыкающимися, но их состав оказался бедным. В урочище Улькен-Кокбулак, помимо желтопузика, живет только пустынный гологлаз — один из мелких представителей герпетофауны. Змеи несколько разнообразнее. Водятся здесь водяной уж, узорчатый и разноцветный полозы, гораздо реже встречается обыкновенный щитомордник и совсем редок краснополосый полоз. Лес особенно привлекателен для полозов, которые хорошо лазают по стволам и ветвям в поисках лакомого корма — птенцов различных и многочисленных здесь птиц. Они нередкие гости и на самом кордоне. Однажды разноцветный полоз был извлечен из гнезда серой синицы, расположенного в дупле в метре от земли в самом центре усадьбы. Дупло оказалось для змеи западней. Заглотив выводок из трех еще неоперившихся птенцов, она не смогла самостоятельно вылезти — входное отверстие после столь обильного обеда стало для нее слишком узким.

На кордоне часто случаются встречи узорчатого полоза с желтопузиком. Их контакты увеличиваются в жаркий период, когда ящерицы спускаются с опаленных солнцем склонов в более увлажненные и прохладные места. Бывает, что они и ночуют вместе. Как-то

под вечер жилую нору желтопузика занял узорчатый полоз, а час спустя в нее втиснулся поздно возвратившийся хозяин. Трудно сказать, как у них прошла ночь, но на поверхности однажды я видела, что при встрече они реагировали друг на друга чрезвычайно живо.

При наблюдении за поведением животного обычно приходится сидеть тихо, неподвижно. Только так можно подсмотреть что-то особенное. Вот желтопузик вытолкнул из норы пробочку, которой я закупорила поздно вечером входное отверстие, затем показались кончик его носа и часть головы. Эта процедура даже в абсолютно спокойной обстановке может повторяться многократно, от чего пространство вокруг входного отверстия становится отполированным и блестит. Иные «трусливые» особи ведут «разведку» иногда более часа. Наконец, видна вся голова, и желтопузик, не поворачивая ее, а вращая только глазами, начинает внимательно осматривать окрестности. В это же время в трех метрах от меня выполз из норы и улегся на лужайке узорчатый полоз. Теперь в поле зрения оказались два объекта. Спустя десять минут, с противоположного бугра в нашу сторону стал торопливо спускаться еще один желтопузик. Прошмыгнув в метре от меня, он прополз по телу разомлевшего на солнце узорчатого полоза. От неожиданности змея вздрогнула, приподняла голову, сжалась в тугое кольцо, а кончик хвоста при этом начал мелко дрожать. Желтопузик заметался из стороны в сторону и забился под развесистый куст спиреи, столь же поспешно скрылся в свою нору и узорчатый полоз. Целый час я ожидала их появления, но напрасно. Да, испуганному, чтобы прийти в себя, нужно время!

В урочище Улькен-Кокбулак ближайшие соседи желтопузика — ушастые ежи. Однажды я наблюдала настоящую идиллию! Утром два ежа расположились под кустом карликовой вишни, подставив розовые брюшки скупым лучам солнца. Устав от ночных путешествий, они так крепко спали, что не реагировали на прикосновение пинцета. А примерно в полуметре от них, закрыв глаза, наслаждались утренним солнцем два полусонных желтопузика. Глядя на такую картину, никогда не подумаешь, что в иных условиях между этими животными могут возникать чрезвычайно острые ситуации. Убедиться в этом помог случай.

Для мечения ящериц мы пользовались краской, которую наносили на покровы, а до полного ее высыхания помещали желтопузиков в просторный высокий ящик, где им иногда приходилось и ночевать. Не предвидя дурных последствий, в то же убежище на ночь посадили ежа. Каково же было наше изумление, когда наутро у всех трех желтопузиков хвосты были покусаны и кровоточили, а виновник злодеяния мирно посапывал в углу! Крупная ящерица с плотными покровами оказалась совершенно беззащитной перед зубами ежа.

Мне не раз приходилось видеть близкое соседство желтопузика с полевками, которые селятся на открытых травянистых склонах среди небольших зарослей шиповника и курчавки. При внимательном осмотре таких участков можно заметить в слежавшейся траве систему троп, напоминающих неглубокие арычки. По этим «коридорам»

грызуны бойко передвигаются, несмотря на отдыхающих вблизи желтопузиков.

На кордоне высока численность туркестанских крыс. И у нас с ними было связано много неприятных минут. В каждый заезд приходилось вести «истребительные» работы. Обычно в первые дни мы занимались тем, что приводили в жилой вид заброшенный глинобитный домик, где нам предстояло провести немало дней. Забитое разным хламом помещение становится настоящим «крысиным царством». В первую очередь мы заделываем выходы нор в полу, у основания стен и в разрушенной печке. Затем ставим давилки и живоловки, которые для такого случая прихватываем с собой. Первый улов обычно состоит из крупных, матерых особей, затем идут полувзрослые и последним отлавливается молодняк. После таких истребительных работ на несколько ночей обретаем относительное спокойствие, но потом освободившуюся «жилплощадь» занимают новые пришельцы, и все начинается сначала.

Не обходится и без приключений. Как-то ночью я проснулась от резкого щелчка и, включив фонарик, увидела бьющегося в крысоловке крупного грызуна. Давилку нужно было перезарядить, но как не хотелось вылезать из теплого спального мешка. Утром я думала закопать добычу, но в комнате не оказалось ни крысы, ни орудия лова! Кто же ее мог унести? Дверь была закрыта, кошек на кордоне не держали, собака проникнуть сквозь разбитое окно не могла. Я поделилась о ночном происшествии с егерем и, судя по его словам, это была проделка многочисленной здесь ласки. И с этим, пожалуй, можно согласиться. Спустя пять дней, наблюдая за прогулкой желтопузика в яблоневом саду, примерно в 150 метрах от нашего жилья, я наткнулась на похищенную давилку. От крысы в ней сохранились лишь часть черепа и кончик хвоста.

В подполье нашего «дома» нередко заползали и ночевали желтопузики, но туркестанские крысы их, видимо, не беспокоят.

Привязанность пресмыкающихся к тем или иным местам обитания в значительной степени определяется наличием убежищ. Летом желтопузик пользуется норами грызунов — полевок, слепушонки, лесной мыши, туркестанских крыс. Но он преобразует чужое жилище на свой лад, причем предпочитает норы, ходы которых расположены не открыто, а в зарослях кустов, в траве, под деревьями. Часто входное отверстие, равное в поперечнике длине спичечного коробка, ведет в вертикальный ход, переходящий в главный горизонтальный. Нора может иметь несколько отнорков, заканчивающихся тупичками. Глубина летнего убежища обычно небольшая — двадцать пять-сорок сантиметров.

Однако зимуют желтопузики глубже и часто группами. Ранней весной 1982 года на одном из выровненных склонов вблизи кордона я обратила внимание на обилие желтопузиков. Было непонятно, почему здесь их так много. Возле одного только отверстия грелось шесть ящериц разного пола и возраста. Тщательно осмотрев площадку, я заметила едва различимые холмики и заподозрила, что на-

хожусь на месте старого кладбища. Разговор с егерем и лесником подтвердил мое предположение. Когда-то на территории кордона был небольшой кишлак, но после войны большинство жителей переехало поближе к крупному населенному пункту, и кладбище стало заброшенным. Оказалось, что полости, промоины и провалы в могилах из года в год служат желтопузикам «коллективными» зимними убежищами. Смысл таких зимовок заключается в том, что сообщать легче поддерживать температуру на достаточном уровне. Желтопузики могут зимовать и в довольно увлажненных местах — по обочинам арыков, по берегам рек, на дне оврагов. Но по мере потепления они покидают зимние «квартиры», расползаясь в разных направлениях.

Желтопузики, как правило, ведут бродячий образ жизни, у большинства из них не существует привязанности к «дому». Место ночлега может меняться каждый день. В лучшем случае они пользуются одним убежищем в течение трех-шести суток. Столь частая смена жилищ скорее всего связана с их избытком. Однако некоторым убежищам желтопузики отдают предпочтение — по-видимому, привлекают надежность укрытия и близость обильного корма.

Известно, что формированию структуры почвы, наряду с осадками, бактериями и растениями, способствуют самые различные животные. Свою лепту вносит и желтопузик. Правда, в отличие от других мест в урочище Улькен-Кокбулак эта ящерица, как мы уже говорили, собственных нор не роет, зато преобразует существующие. Обладая сильным, мускулистым телом, она раздвигает стенки узкого хода, проделывает дополнительные ходы и выходы, действуя головой как рассекателем. Своеобразный способ добычи корма тоже способствует разрыхлению почвы, проникновению в нее влаги и солнца. После выковыривания добычи в грунте остаются небольшие копки глубиной до трех-четырех сантиметров.

Пресмыкающиеся обладают разными способами защиты от перегрева. Многие изменяют часы активности — весной и осенью выходят на кормежку днем, когда теплее, а с наступлением жары лишь в прохладные утренние и вечерние часы. Среднеазиатская черепаха, например, уходит в летнюю спячку. Пустынные виды ящериц взбираются на кусты, возвышенные участки, где ощущается дуновение ветра, либо приподнимают тело на вытянутых конечностях. Раскаленный песок пересекают быстро, едва прикасаясь стопой, ушащенно дышат, открыв рот, как это, кстати, свойственно многим животным. В знойные часы окраска ящериц заметно светлеет, что способствует лучшему отражению солнечных лучей.

У желтопузиков тоже имеются свои способы защиты от неблагоприятных условий. В жару они или вообще не покидают нор или же влезают на кусты, прячутся под развесистые листья лопухов, а также придерживаются берега реки, где охотно лежат на прибрежной и водной растительности, наполовину погрузившись в воду. Их не страшит и ледяная родниковая вода, хотя у родника много беспокоев — хранят в нем продукты и берут воду пасечники, семьи

егеря и лесника, поят скот. И здесь же держится несколько желтопузиков.

Эти ящерицы легко переплывают горную реку шириной двенадцать-пятнадцать метров, способны двигаться навстречу ее быстрому течению, погружаться на метровую и более глубину, а в случае опасности — оставаться под водой до двух минут. Охладившись, становятся вялыми, неповоротливыми и подолгу обгреваются на солнце. В местах с тихим течением можно видеть, как они переплывают речку, отдыхая на валунах посередине течения.

В разгар лета активность желтопузиков резко падает, и даже часть их уходит в летнюю спячку, причины которой — высокие температуры и выгорание растительности.

Немало желтопузиков заражено личинками и нимфами клещей, которые сосредоточиваются исключительно в боковых складках. Они иногда бывают забиты паразитами, образующими сплошной ряд. Причем сидят так крепко, что их трудно удалять пинцетом. У желтопузика много и других врагов. В урочище Улькен-Кокбулак орнитологи обнаружили останки этой ящерицы в гнезде змеяда, находили их у нор лисицы, барсука. Молодыми питаются сороки. Известно, что на желтопузика охотятся курганник, черный коршун, обыкновенная пустельга и даже змеи. В Туркмении, например, его находили в желудках гюрзы и среднеазиатской кобры. Не раз приходилось встречать нам оторванные хвосты и выпотрошенное туловище желтопузика, — вероятно, кого-то привлекали только его внутренности. Он страдает от домашнего скота и собак, гибнет под колесами различного транспорта.

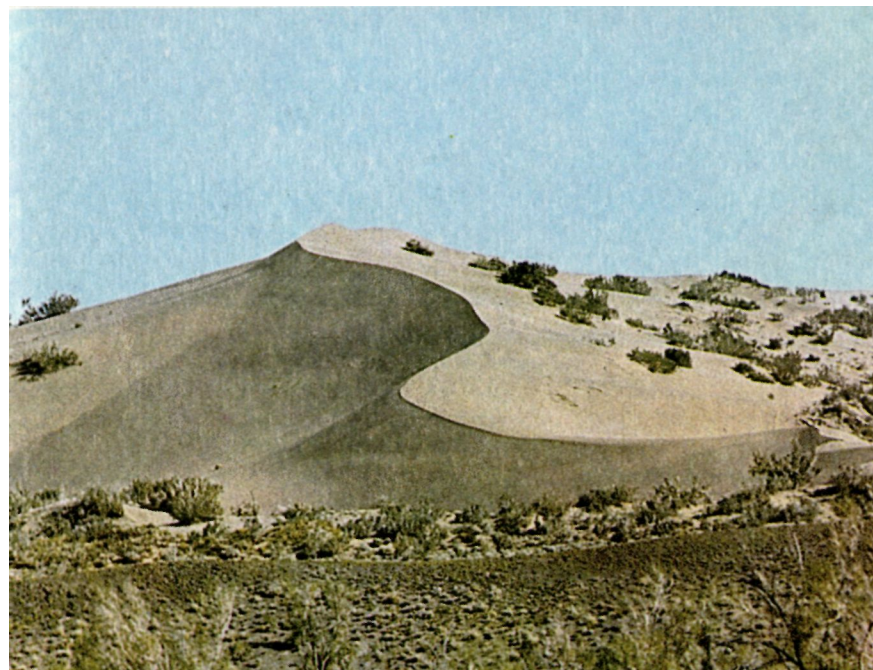
Трагические последствия для желтопузика имеет и его сходство со змеями. По незнанию люди убивают безвредную ящерицу. Не случайно ее казахское название «сары-жылан» означает «желтая змея».

Деятельность человека сокращает численность и площадь распространения этой ящерицы. О бедственном положении желтопузика заявляет и Красная книга Казахской ССР, в которую он включен.

Мы живем в последней четверти XX столетия, которую характеризует бурное развитие всех отраслей знания. Но как еще велика экологическая неграмотность. Во многом именно этим объясняется бессмысленное уничтожение животных, которые по каким-то соображениям (санитарным или эстетическим) не вызывают симпатии человека. Это прежде всего относится к змеям и им подобным. Порой приходится поражаться беспощадности некоторых людей, не желающих задуматься над предназначением рядом живущего существа.

Закон, отраженный в Конституции нашей страны, требует бережного и уважительного отношения к многообразному и взаимосвязанному животному миру, как неотъемлемой части природы. И его нужно неукоснительно выполнять.

Из блокнота натуралиста

50. Пещеру Ак-Мечеть давно облюбовали летучие мыши.

51. Кожановидный нетопырь.

52. Большой подковонос — житель пещер.

Однажды облюбовав убежище, рукокрылые долго, может быть, из поколения в поколение сохраняют привязанность к одному и тому же зимнему «дому». Но наступают первые весенние дни, и они разлетаются по своим летним «владениям», где проворно охотятся за всякой летающей мелочью.

53. Сова-сплошка: рожки-ушки на голове, мягкое, пушистое и пестрое оперение, хищный клюв.

54. Цистанхе — типичное растение песков Южного Казахстана.

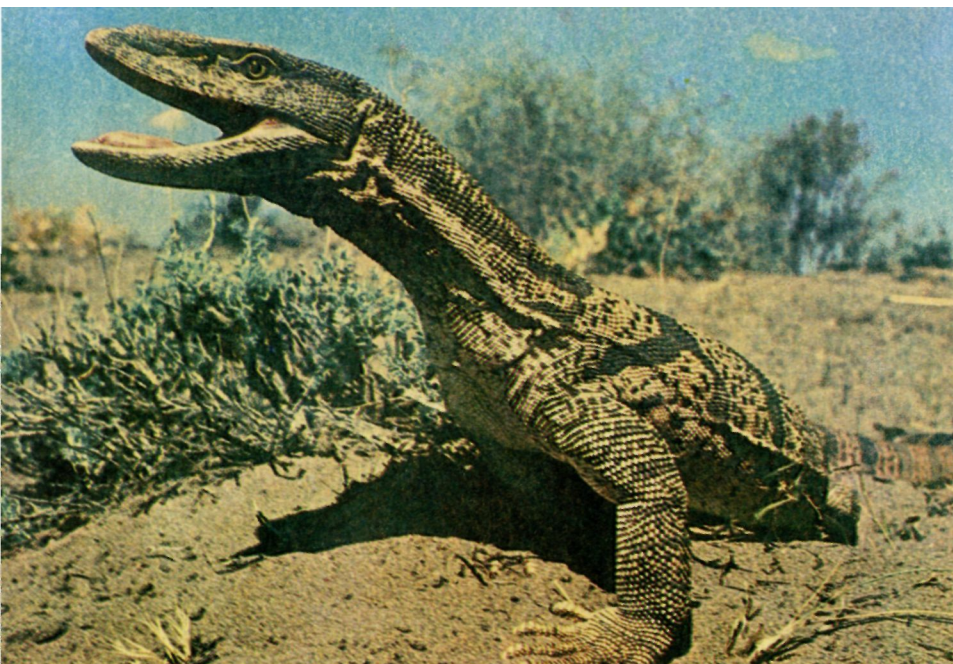

55. Варакушка. Эти насекомоядные птицы в период гнездования становятся объектом внимания кукушек.

56. Усатая синица. Усы у самца кажутся нарисованными.

57. Серый варан производит довольно устрашающее впечатление.

58. Песчанка — пустынный грызун — входит в «постоянное меню» варана.

59. Птенцы канока-курганника почему-то очень беспокоились...

По стволу саксаула не особенно грациозно, но решительно полз к гнезду канюков крупный варан. Гнездо располагалось в развилке ветвей на высоте двух с половиной метров.

60. Зеленые щурки в ожидании добычи — крупных насекомых, которых ловят на лету.

61. Сцинковый геккон — ночной житель песчаных пустынь.

62. Разделочная площадка близ гнезда воронов. Здесь остатки черепашек перемешались со скорлупой яиц.

63. Стрела-змея охотится за ящерицей-круглоголовкой.

Тысячи ученых мира изучают различные стороны жизнедеятельности животных, особенно их поведение, психическую деятельность. Ежегодно публикуется множество интересных материалов — от крупных исследований до отдельных фактов. И все-таки проблема далека от разрешения, хотя теперь уже на вопрос «Соображают ли животные?» редко кто ответит безоговорочным: «Нет».

Общение с птицами, зверями и пресмыкающимися в неволе, наблюдения за ними в природе нередко озадачивают нас многообразием их поведения. Почти каждый сколько-нибудь наблюдательный и опытный биолог может рассказать удивительные факты из жизни животных. Они подчас не просто занимательны, но и для науки представляют немалый интерес. Это те кирпичики, из которых по мере их накопления возводятся внушительные здания биологических наук: экологии, этологии и других. Третий раздел и состоит из таких коротких рассказов-наблюдений.

Воспитание по-медвежьи

Во второй половине дня на Южно-Алтайский хребет напоззли тяжелые дождевые тучи, зашумел кедрч, подул порывистый сильный ветер и как-то хлестко, зло, напористой лавиной налетел ливень.

Охотники-промысловики, вышедшие на проверку капканов, расставленных в колонии сурков, с трудом успели добежать до стана. Весь остаток дня и всю ночь бушевала непогода. Палатка дрожала под напором ветра и, казалось, вот-вот лопнет.

Федор Иванович по-стариковски проснулся чуть свет и, не выбираясь из спальника, выглянул наружу. В распадке было прохладно и сыро. Словно дым от огромного пожара, низиной лениво плыл туман. Охотник уже было решил закурить, как вдруг рядом с палаткой почувствовал чье-то присутствие. Выглянул — и обомлел. В метрах пятнадцати-двадцати стояла медведица, а рядом с ней в муравейнике у пня копошились два медвежонок.

Федор Иванович мгновенно оценил опасную ситуацию. Он осторожно расшнуровал до конца вход в палатку и тихонько толкнул в бок посапывающего в спальнике своего молодого напарника.

— Тимка, слышь, проснись, Тимоха.

— Чё надо?

— Тише ты,— старик даже прикрыл Тимохе ладонью рот и прошипел: — Медведуха у палатки стоит, ружьишко подай.

С Тимохи сон как рукой сняло, и он мигом вытащил из-под спальника двустволку с патронташем.

Федор Иванович, приготовив на крайний случай ружье, выглянул из палатки. Медведица уже, видимо, почуяла недоброе и, подняв голову, водила носом, втягивая им воздух. Медвежата тоже прекратили возню, поглядывая то на мать, то по сторонам. Маленькие увални были от утренней росы мокрыми «по самые уши».

Оглядевшись, медведица не спеша, раздвигая заросли чемерицы, направилась в сторону ближнего кедрча. У Федора Ивановича даже на душе отлегло: «Пронесло!» Но не тут-то было. Он заметил, что второй медвежонок вдруг привстал на задние лапы и посмотрел в сторону палатки. Что-то уж очень заинтересовало его в незнакомом сооружении. Немного приотстав, он

развернулся и заторопился назад. Медведица, остановившись, глуховато и сердито рыкнула. Медвежонок вернулся и послушно поплелся следом. Но неумное чувство любопытства, видать, пересилило страх перед матерью и, пройдя немного, украдкой оглядываясь, он опять не выдержал и скачками бросился к палатке. Следом побегал и другой. Тут терпение могучей мамыши иссякло. Она вмиг настигла ближайшего к ней беглеца, и тот, получив затрещину, с хныканьем укатился в траву. Виновнику происшествия перепало еще больше. Он упал на спину, замахал лапами, но, получив один, затем второй увесистые шлепки, плаксиво заныл. Медведица постояла еще немного, недобро поглядывая то на палатку, то на своих проказников, и направилась в лес. Следом за ней, опустив головы, понуро поплелись медвежата.

Встреча с росوماхой

В горах Алтая близилось открытие летнего промыслового сезона, и охотовед с двумя егерями торопился закончить объезд угодий. Необходимо было провести учет численности сурка, наметить участки, наиболее перспективные для промысла, и нанести их на карту — для контроля заготконторой.

И вот они уже две недели в горах. В одном из урочищ, поразивших обилием сурков, заночевали. Чуть начало светать, вышли на учет с заранее выбранных точек местности. Охотовед, поднявшись на вершину гребня, укрылся за камнем и приготовился к наблюдениям. Рассматривая склон ущелья в бинокль, он тщательно закартировал в полевом дневнике сурчины, и теперь условными значками фиксировал появившихся около них сурков с целью определения их примерной численности.

Несмотря на ранний час, одиночные сурки уже кормились. В ущелье было тихо. Лишь изредка в нагромождениях камней — курумниках — пересвистывались пищухи, да где-то в стороне утесов мелодично перекликивались клушицы.

По мере прогревания воздуха число кормящихся сурков увеличилось. Они выбирались из нор, некоторые отлеживались около убежищ и затем отправлялись по набитым в траве тропинкам кормиться на альпийском лугу.

Из ближайшей норы показалась сурчиха. Она долго осматривалась, и затем из норы один за другим появились сурчата. Охотовед невольно залюбовался ими. До чего же симпатичные зверюшки! Маленькие, толстенные, они, как солдатики, выстроились в рядок, прижали лапки к грудкам и замерли столбиками...

В этот момент в сурчиной колонии начался переполох. Охотовед увидел стремительно несущуюся вниз по склону росوماху. Казалось, она старалась отрезать кормящихся сурков от нор и схватить оплошавшего. Так оно и вышло. Один здоровенный

сурок не успел добежать до норы, и росوماха на бегу схватила его за спину, но не удержала. Раздался истошный визг, сурок перевернулся несколько раз, но, к его счастью, тотчас нырнул в подвернувшуюся нору.

А росوماха, не задерживаясь, вновь бросилась вниз. Охотовед, не отрывая бинокль от глаз, следил за редким зрелищем. Редко кому везет увидеть охоту этого таинственного зверя.

Сурчиха со своим многочисленным семейством замешкалась на сурчине и едва успела скрыться в норе, как рядом, взметнув на бугре пыль, промчалась росوماха и, набирая скорость, понеслась по склону навстречу охотоведу.

Как назло, он не захватил в этот раз с собою ружья, а кругом ни палки, ни камня. Охотовед испуганно вскочил, и в этот миг в метрах двух от него всеми четырьмя лапами резко «затормозила» росوماха.

— Кыш, косматая,— не своим голосом заорал растерявшийся охотовед. Он сорвал с шеи бинокль и что было силы замахнулся. И огрел бы росوماху, но ту, словно ветром, смело. Прошли мгновения, и ее лохматый хвост мелькнул и скрылся за соседним увалом.

— Вот же перепугала, проклятая,— выдохнул охотовед и присел на камень. Он снял шапку и тут, случайно глянув на нее, понял причину «нападения». Оказывается, росوماха приняла его голову в сурчиной шапке за сурка, лежавшего на камне...

С помощью... перекати-поля

По озеру Туранга-Куль в Зайсанской котловине гуляли тяжелые темные волны. С запада дул холодный октябрьский ветер. Охотник, устроив на песчаной косе в тростнике скрадок, ожидал вечернего перелета северных гусей и уток.

Кругом расстилалась унылая глинистая полупустыня. По ней, словно футбольные мячи, подпрыгивая, мчались большие шары перекати-поля. Они с разгону врзались в крутые волны, крутились в них и вскоре тонули. В метрах ста в сторонке по урезу воды сидело много кряковых уток. Уткнув головы под крыло, они дремали.

Чтобы хоть как-то занять время ожидания, охотник внимательно смотрел на катящиеся шары, отслеживая тот, который помчится в направлении уток. Как они среагируют? И вот, наконец, издалека покатилося, помчалось, запрыгало большое перекати-поле. Ветер в этот раз «футболил» его точно в утиную стаю. На полути, когда шар миновал небольшую куртинку зарослей чингиля, оттуда следом за ним серой тенью метнулась маленькая степная лисичка — корсак. Она стремглав неслась за перекати-полем, словно

прячась за него. Еще секунда, и все перемешалось. С испуганным криканием поднялась стая уток, а одна из них, схваченная корсаком, отчаянно забилась на песке и вскоре затихла. Лисичка поднялась, осмотрелась и, ухватив утку за голову, потащила к темнеющей вдаль куртинке чингиля.

«Крылатая» белка

Пробираясь через заболоченный березняк на побережье озера Маркаколь, я услышал крик птенцов малого пестрого дятла и вскоре вышел к дуплистому стволу ивы со сломанной вершиной. Из одного отверстия выглядывал маленький дятел, а внутри слышался монотонный писк остальных птенцов. А чуть повыше — свежее отверстие другого дупла. Неужели в такой близости загнездилась еще одна пара дятлов?

Взобравшись на шатающийся ствол, веточкой ошупал содержимое этого дупла. Внутри находилось что-то мягкое и, чувствуется, живое. Ножом делаю небольшой разрез в стенке дупла, но образовавшуюся щелку тотчас заслонил пучок шерсти. Отодвигаю его, но он вновь закрывает отверстие. Потянул — а это пушистый хвост! В дупле послышался шорох, и в отверстие я увидел большие черные глаза.

Из дупла выбралась небольшая белочка. Оставив внутри бельчат, она вскарабкалась на вершину ствола и, сжавшись в комок, затаилась на сухой ветке. В это время громко запищали птенцы, один за другим появились взрослые дятлы, устроившие вокруг шумиху. Напуганная белка неожиданно прыгнула вниз и, широко раскрыв лапки, между которыми натянулась кожистая перепонка, легко и быстро пролетела с десятков метров и приземлилась на ближайшей березе.

Когда я осмотрел дупла, то оба они оказались свежими. Это не оставляло сомнений, что белки «выселили» дятлов из подготовленного ими весной дупла, после чего птицы выдолбили ниже второе.

Так произошла моя встреча с загадочным обитателем алтайских лесов — летягой. Это небольшой симпатичный зверек серебристо-серой окраски, похожий на всем известную обыкновенную белку, только с более коротким пушистым хвостом и небольшими ушами без кисточек. Самой удивительной особенностью летяги является наличие между передними и задними лапками кожистой перепонки. Натягивая и ослабляя ее, она способна поразительно ловко и виртуозно планировать даже в густом лесу, пролетая несколько десятков метров.

Сусличья «солидарность»

В отрогах Нарымского хребта на Алтае наш зоологический отряд занимался отловом мышевидных грызунов.

Обходя утром линию ловушек, расставленных на глинистом склоне среди чиевников, мы обратили внимание на переполах, царивший среди многочисленных здесь длиннохвостых сусликов. Вопреки всем правилам осторожности зверьки, выбравшись из норы и встав «столбиками», пронзительно кричали. И чем ближе мы подходили к концу линии, тем крики усиливались. Вскоре причина беспокойства стала ясна. В одну из ловушек попался молодой зверек. При нашем появлении он забился в кустик чия и поднял пронзительные вопли. Тут среди его сородичей поднялось невообразимое. Суслики кричали на все лады и тряслись от возбуждения. Пока мы вынимали пострадавшего из ловушки, они устроили нам настоящий «митинг протеста».

Сусличья «солидарность» победила. Пленника мы отпустили на волю.

От двух смертей

Возвращаясь с экскурсии по алтайским предгорьям, на жнивье мне удалось увидеть охотившуюся лисицу. Она обнюхивала колючую стерню, копны соломы и, несколько раз порывшись в кочках, вдруг замерла около кустиков полыни. В тот же миг оттуда выскочил матерый заяц-беляк и размашистыми прыжками понесся к осиновому перелеску. Лиса, бросившаяся за ним, вскоре отстала, и из зарослей травы временно мелькал ее рыжий хвост.

Заяц, казалось, уже спасся, но на опушке осинника вдруг появился его не менее заклятый враг, ястреб-тетеревятник, и сразу же спикировал на косога. Заяц, как подбитый, вместе с хищником перевернулся и рванулся под куст шиповника. В бинокль я хорошо рассмотрел, что заяц, забившись в кусты, отчаянно отбивался и все же сумел вырваться из ястребиных когтей и скрыться в лесу. А когда улетел ястреб, к шиповнику подоспела отставшая лисица. Она тоже, очевидно, видела схватку и надеялась обогнать опередившего ее ястреба, но не успела. Рыжая обежала куст, обнюхала землю, где происходила борьба, подняла голову, осмотрелась и, словно ничего не случилось, побежала вдоль осинника.

Когда я подошел к кустам шиповника, вокруг валялись клочки заячьей шерсти и ястребиные перья. Косому повезло — он ушел от двух смертей сразу.

Сорочьи догонялки

Ноябрьской ночью в отрогах Алтая выпал снег, и с утра пораньше по свежей пороше я ушел в горы. Перевалив заснеженный увал, спустился в ложину, заросшую невысоким кустарником-таволожкой. Из-под ближнего куста неожиданно выскочил заяц-беляк и стремительно помчался в гору. Наблюдая за его бегом, я заметил, что все чаще и чаще теряю его из виду. Заяц словно сливался с белоснежным склоном.

«Как в шапке-невидимке», — подумал я тогда, но тут заметил, как с вершины горы навстречу уже не видимому мне зайцу спланировали три сороки. Через минуту они с громким стрекотанием следовали за длинноухим, который время от времени останавливался и пробовал отбиваться от них передними лапами, но этим он только подливал «масла в огонь». Сороки с еще большим ожесточением нападали на беляка. Вскоре я потерял их из виду, но, выбравшись на вершину сопки, увидел, что за зайцем по степи уже следует целая компания сорок. Утомленный преследованием надоедливых птиц, заяц, наконец, скрылся в куртине жимолости, а сороки, как стражи, расселись по вершинам кустов. В бинокль вижу, как оживленно стрекочут длиннохвостые, поглядывая вниз. Через некоторое время, осмелев, они стали потихоньку спускаться к основанию куста. И вновь тишина огласилась их многоголосым стрекотанием.

Спускаюсь по склону и рассматриваю происходящее. Заяц, забившись под куст, отбивается от изрядно надоевших ему сорок, которые, окружив укрытие со всех сторон, пытаются клюнуть его посильнее. Приняв вначале преследование зайца за невинную игру в «догонялки», начинаю понимать, что птицы уже помышляют не только поиграть, но и перекусить. Для уставшего беляка подобная игра может кончиться печально.

Иду на помощь косому. Но эта подмога, наверное, была для него нектати. Заметив мое приближение, он, устало прыгая по рыхлому снегу, стал удаляться в сторону ближайших кустарников, а сороки еще настойчивее принялись на него нападать.

Еще около часа над увалами слышалось сорочье стрекотание. Я продолжал следовать за сороками и уже который раз выручал косого из осады. В конце концов, видать, надоел я сорокам. Одна за другой они постепенно разлетелись, а заяц, уже без прежнего «конвоя» пробежав по заснеженному склону, скрылся за увалом.

Неудавшийся грабеж

Сколько смекалки проявляют вороны в своих воровских делах! Воруют, где только представится возможность. Воруют в одиночку и компаниями. Группами, конечно, лучше. В таких случаях можно стащить что-нибудь наверняка и даже заняться настоящим разбоем.

Так случилось и в этот летний день. Парочка ворон опустилась рядом с семейством цыплят. Курица, кажется, даже не обратила на них внимания. Вороны же стали спокойно расхаживать рядом, склевывая что-то среди травы. Они словно старались усыпить бдительность курицы. Иногда та поглядывала на них, но вороны «мастерски» делали вид, что заняты лишь разыскиванием корма. А сами бочком-бочком приближались к цыплятам.

Вот они уже на расстоянии двух шагов от них. И тут, как по команде, одна из них бросилась на курицу, вторая же — за цыпленком. Но хотя и считают куриц «тугодумными» птицами, на этот раз воронам не удалось их коварный прием. Доли секунды курице хватило разобраться, в чем дело. Увернувшись от нападавшей вороны, она нанесла второй похитительнице ошеломляющий удар, от которого та с пронзительным карканьем отскочила в сторону. От другой же вороны цыплята с пискотом успели скрыться под кучей хвороста.

Разбой не удался, и вороны как ни в чем не бывало, снова мирно стали расхаживать рядом, с безвинным видом поглядывая на курицу. Авось, на этот раз она прозеваает?!

Злопамятная ворона

У одного из гнезд черной вороны, устроенного в ельнике на окраине Маркакольского заповедника, в течение весны и лета мне довелось наблюдать за жизнью этой птицы. Гнездо посещал через два-три дня, производя необходимые измерения и взвешивания, описывая происшедшие изменения. Поначалу вороны терпимо относились к моим появлениям, лишь с криками кружась надо мной. Но с появлением птенцов мои посещения участились, и вороны каждый раз устраивали такую шумиху, что приходилось поневоле быстрее заканчивать записи и удаляться.

Вскоре я окончательно надоел птицам, и одна из них стала меня преследовать. Жил я метрах в трехстах от этого гнезда, и стоило мне появиться на крыльце, как ворона с карканьем летела к моему дому и, истошно крича, провожала меня до места работы. Мои отпугивания лишь усиливали шум, так как слетались соседние

вороны, устраивая надо мной воздушную карусель. Я пробовал менять «энцефалитку» и «штормовку» на другую одежду, но птицу обмануть было невозможно. Преследования продолжались. Местные жители даже посмеивались, видя меня в сопровождении истощенно орущей вороны, и мне каждый раз становилось не по себе при ее появлении. Я перестал посещать гнездо «нервной» вороны, но это не помогло. Однажды я почти десять дней провел в горах, но, вернувшись, обнаружил, что за мое отсутствие ненависть этой птицы ко мне перешла на всех людей, проходивших поблизости.

В середине лета воронья семья перекочевала на берег озера и меня оставила в покое.

Но на следующую весну, проходя по ельнику, мне вновь стало не по себе. Я услышал знакомый крик прошлогодней вороны. Он до того въелся мне в память, что, казалось, я мог различить его среди сотни других. К счастью, в том году ворона загнездилась в другом месте и уже не изводила своим преследованием.

Самопожертвование или...?

...Я вышел в устье речушки, впадающей в озеро Маркаколь. Раздвинув густую стену камыша, в метре от себя увидел выводок хохлатых чернетей. Шесть утят, маленьких, черных, пушистых шариков, резво плавали около своей мамы, которая, увидев меня, со скрипучим криком, хлопая крыльями, побежала по воде. Пуховички помчались следом за ней, затем нырнули, и в прозрачной воде я хорошо разглядел, как они, оставляя за собой веер серебристых пузырьков, расплылись в разные стороны. В это время утка взлетела и, сделав круг, буквально упала в кочки в нескольких метрах от меня. Я направился к ней, надеясь увидеть обычную сцену, — как мамаша притворяется раненой, чтобы отвлечь опасность от птенцов. Но чернеть, вытянув голову, лежала неподвижно. Я протянул к ней руку и дотронулся до оперения. Она по-прежнему не двигалась. Подтолкнул ее пальцем — никаких признаков жизни. Я присел около утки и, ничего не понимая, взял ее в руки, и тотчас почувствовал, как у нее бьется сердце. Ярко-желтые глаза птицы выражали страх. Утку словно покинули силы. Она не предприняла ни одной попытки улететь. Подойдя к берегу, я опустил ее в воду. Она поплыла вниз по течению. Миг — и птица пришла в себя. Достигнув излучины, где уже плавали утята, она быстро побежала по воде, уводя их от места злополучной встречи.

Трудно объяснить ее поведение. Что это — самопожертвование или нечто иное?

Осада

На скалистом склоне горы, обращенном к Иртышу, в середине марта еще всюду лежал снег. В темной расщелине одной из небольших скал, выступающей из мощного снежного намета, я заметил спокойно отдыхавшего филина. Он сидел неподвижно, как изваяние. Прошло несколько минут — и филин вдруг насторожился, открыл глаза и повернул голову. Тотчас раздалось шумное стрекотание. Оказалось, кроме меня, хищника выследили вездесущие сороки. Они сели на глыбу и, заглядывая в расщелину, стрекотали. Взгляд филина привел их в какое-то паническое оживление.

На поднятую сороками шумиху с окрестных скал слетелось множество галок. Они черным полчищем расселись вокруг скалы, покричали, и на этом вся их храбрость прошла. Стоило филину пошевелиться, повернуть голову, защелкать клювом, как многочисленное «войско», тесня друг друга, отступало назад. Успокоившись, они вновь неуверенно приближались к укрытию грозного хозяина ночи. Вскоре одна за другой галки стали разлетаться и от сотенного сборища остались лишь две-три любопытных галки. Поугомонились и сороки, но осады не снимали.

Филину, видимо, уже порядком надоело столь шумное соседство, и он, сорвавшись со скалы, медленно махая крыльями, полетел вдоль склона. Сороки пришли в неистовство. Всполошились и галки. Черной тучей помчались они в погоню. Было ясно, что пока длится день, ночному разбойнику они не дадут покоя.

Ночные охотники

Августовская ночь опустилась незаметно, наполнив маркакольскую тайгу темнотой и тишиной. По заросшей лесной дороге я вышел к роднику, вытекающему из густых тальников и заполнившему студеной водой придорожную выбоину. Яркая луна через вершины лиственниц высвечивала уголок этой лужи. Проходя мимо, я присел отдохнуть около воды и мельком заметил скользнувшую над ней тень, которая чуть не коснулась моего лица. Я даже несколько раз попробовал схватить ночной призрак. Не сразу понял, с кем имею дело, но вскоре узнал летучую мышь. Она то бесшумно летала над самой водой, схватывая невидимых мне насекомых, то исчезала и вновь проносилась мимо меня.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил проплывший над дорогой силуэт ушастой совы. Ее тоже, видно, привлекла освещенная лужица. Я на миг потерял ее из виду. В этот момент

вновь запорхала летучая мышь, и тотчас из тальников появилась сова. Ее крылатая тень проплыла в лунном зеркальце, раздался писк летучей мыши — и все стихло. Произошло это так моментально, что даже не удалось рассмотреть толком происшедшее. А вскоре в темном лесу оживленно запищали птенцы, выпрашивающие корм...

Сорочий враг

Октябрьский день в предгорьях Алтая был серый, тихий, с мгlistым и низким небом. Роши в эту пору кажутся пустынными и чуткими к каждому звуку. Бреду тропой в пойме Иртыша, подминая ногами опавшие листья.

Впереди в молоденьком березнячке уже давно слышу громкую стрекотню сорок — верный признак того, что там что-то происходит. Направляюсь туда. На тополе собралось пять сорок. Они стрекочут без умолку, прыгают с ветки на ветку, поглядывая вниз. С разных сторон на подмогу им слетаются их сородичи.

А внизу, на земле, усыпанной желтой листвой, неподвижно сидит сова — длиннохвостая неясить, заклятый враг сорок. Сова симпатична: оперение серое, с черноватыми продольными полосками, а «личико», словно в маске, тоже серенькое, с выделяющимися на нем узкими темными глазами и приплюснутым желтым клювом.

Заметив меня, неясить настороженно завертела головой и улетила в соседние заросли. А в лапах она унесла... сороку, оставив на месте, где сидела, кучку сорочьих перьев.

Однако белобокие сразу слетелись к тому месту, где вновь села сова, и подняли такую шумиху, словно началась ожесточенная пулеметная перестрелка. Хищница же, игнорируя их, прикрыла глаза и будто задремала, а сама нет-нет да глянет на неугомонных сорок через узкую щелку глаз. А сороки прыгают по веткам, сбивая остатки последней листвы, отчаянно «рвут» глотки, а приблизиться боятся. Лишь самые отважные временами пролетают низко над совой. Неясить при этом приходит в себя, сердито поворачивает голову, жмурится и вновь впадает в дремоту. Сороки же трясутся от неистовства, ненависти и страха перед своим врагом.

Уже темнело, когда я снова проходил мимо этого места. На кустах, по-прежнему вздергивая длинными хвостами, караулило неясить несколько сорок. Многие из них уже докричались «до хрипоты», а большинство разлетелось. Наступала ночь — покровительница сов.

Навозники

Солнце уже клонилось за пустынные увалы, когда я возвращался к экспедиционному лагерю берегом речушки Орта-Теректы, стекающей с горных отрогов Южного Алтая. Неожиданно среди несмолкаемой стрекотни цикад послышалось нарастающее жужжание — и тотчас я получил хлесткий шлепок по щеке. К моим ногам упал черный жук. Им оказался крупный экземпляр навозника-гимноплевера, сородича знаменитого священного скарабея. Жук смешно шевелил усиками и, видимо, еще не пришел в себя от неподвижного тарана. А мимо, как шальные пули, проносились другие навозники.

Оказалось, что я вышел на недавнее стойбище скота, где было в разгаре настоящее пиршество. Впереди, на тропинке, облепив коровью «лепешку», копошилось множество навозников. Жуки энергично прогрызали подсохшую корочку «лепешки» и, оставляя за собой ходы, погружались в ее содержимое. Через некоторое время насытившиеся и изманные до неузнаваемости, они выбирались наружу и наполняя все кругом жужжанием, пытались взлететь. Однако отяжелевшим после пиршества и испачканным, сделать это им было нелегко, и только после многократных попыток они, наконец, поднимались и разлетались по стойбищу.

Вскоре оживление вокруг «лепешки» стихло. Жуки уже разлетелись, а я еще задержался, заинтересовавшись странным поведением крупного навозника, который пытался что-то вытащить, вернее выкатить из небольшого отверстия «лепешки». Это у него явно не получалось, и он стал усиленно расширять вход. Через несколько минут работы из отверстия показался круглый комочек, который упорно толкал сзади второй жук. По своим размерам он был почти на четверть меньше своего спутника.

Выбравшись наружу, жуки стали торопливо очищать крылышки, грудку и головку. Затянувшуюся процедуру их туалета неожиданно прервало появление третьего навозника, который, не обращая внимания на хозяев, взобрался на их шарик и принялся с жадностью его грызть. Однако незваный гость тотчас подвергся нападению одного из хозяев и был опрокинут на спину. После вторичной атаки он предпочел ретироваться.

Обеспокоенная нападением чужака, эта, по-видимому, семейная чета тронулась в путь. И тут меня поразила удивительная работоспособность и согласованность жуков в передвижении шарика. Впереди него всегда находился крупный жук. Он двигался спинкой вперед, подкатывая шар лапками на себя. Более мелкий жук работал в положении головой вниз. Он отталкивался передними лапками от земли, а задними с усилием толкал шар вперед. Ему приходилось гораздо труднее. Через несколько минут пути его блестящий хитин покрылся пылью. На многочисленных ямках и трещинах, встречавшихся на их пути, он часто терял равновесие и опрокидывался на спинку, а шарик укатывался в сторону. Крупный навозник

в таких случаях терпеливо поджидал, пока его спутник примет прежнюю позу, и они вновь трогались в путь.

Прошло около получаса, а жуки проползли путь всего лишь в несколько метров, с титаническим упорством преодолев все встреченные препятствия. Наконец, они выкатили шарик на полянку с рыхлой почвой. В одном месте навозники остановились. Меньший жук головкой и лапками разрыл землю. Но, не удовлетворившись глубиной, выбрался, и они двинулись дальше. Остановка — и вновь он зарывается в почву и опять вскоре вылезает наружу. Почвенный слой по-прежнему неглубок. Через метр навозники попали в выбоину от коровьего копыта. Меньший жук тотчас начал зарываться в пыльную землю прямо под шарик. Прошла минута — и шар стал медленно погружаться. Крупный навозник в это время взобрался на шар и тяжестью своего тела способствовал его погружению. Одновременно сторожил свое изделие.

Иногда, при моем приближении, он обегал вокруг выбоины, проверяя, не грозит ли опасность. Успокоившись, возвращался на место. Один раз он даже зарылся в землю, видимо, помогая меньшему в работе. Вскоре им стали мешать комочки почвы. Тотчас показалась запыленная головка меньшего жука. Он раздвинул создавшуюся преграду, а затем головой с усилием приподнял мешающий погружению большой земляной обломок. Крупный навозник в это время стал вращательными движениями вкатывать шар в образовавшееся пространство. Наконец он скрылся в земле, придавленный сверху тяжелым обломком. Следом за шариком зарылся и меньший жук. Но крупный выбрался в последний раз из выбоины, обегал ее вокруг и погрузился снова.

Теперь навозники вне опасности, и после утомительного пути самка примется за откладку яиц и изготовление подземной колыбельки, в которой будет жить их потомство.

Пока я наблюдал за этой сценой, из-за хребта наплыли тучи и стал накрапывать дождь. Пора возвращаться в лагерь, и я тороплюсь записать в дневник увиденное, но тут замечаю торопливо ползущих по тропинке еще двух навозников. Необычная процессия невольно вызывает улыбку. На спинке одного жука преспокойно едет другой. Вероятно, у этой пары брачная пора... Но тут ударили тяжелые капли дождя — и навозники тотчас погрузились в землю. Заинтересовавшись их поведением, я разрыл их нехитрое убежище. Оба жука неподвижно лежали передо мной — лапки прижаты к грудке и ни малейшего движения. Я их и в руки брал, и перекачивал из ладони в ладонь, и ронял на землю. Жуки были, словно мертвы, вернее имитировали ложную смерть. Опускаю их на прежнее место. Прошла минута, вторая. Дождь усиливается, но они неподвижны. Наконец, начинаю замечать, как у одного из них шевельнулись усики, затем лапки. Подобные движения повторились и у другого. И вот они быстренько перевернулись со спины на брюшко — и тотчас зарылись в землю, не оставив после себя ни малейшего следа.

Потомок древних исполинов

Пустыня отнюдь не самое гостеприимное место, но многие животные, обитающие там, и не подозревают об этом. Они приспособились к жизни в жаре и сухости, из-за чего приобрели своеобразный внешний вид и привычки.

Пожалуй, самыми колоритными представителями животного мира пустыни являются пресмыкающиеся, а среди них, конечно,— вараны. Ведя свою родословную от древних ящеров, они за последние несколько миллионов лет порядочно обмельчали, но и сегодня являются наиболее крупными из всех современных ящериц. Например, вараны с острова Комодо в Индонезии достигают трех с половиной метров в длину и весят 100—150 килограммов.

Единственный потомок древних исполинов, обитающий в СССР,— серый варан. Живет в пустынях Средней Азии, а в Казахстане его можно встретить на юге Чимкентской области. Почти полутораметровой длины, он производит довольно устрашающее впечатление, которое усиливается из-за сходства его раздвоенного языка со змеиным. Сила его челюстей такова, что он может перекусить палец человеку, а удар длинного, как хлыст, хвоста очень чувствителен. Все вараны хищники. Серый тоже не исключение: питается мелкими животными.

Я давно хотел сфотографировать такого экзотического «ящера». Поэтому весной 1986 года с удовольствием принял предложение поехать в пустыню Кызылкумы — тем более, что надеялся встретить там и других интересных животных.

Долгая и тряская дорога привела нас к зоологическому стационару. Весной пустыня полна ярких красок, но меняются они буквально на глазах. Утром любуешься барханами, красными от маков, а после обеда облик барханов уже другой — лепестки маков облетают.

...Несколько дней прошли в хлопотах, мы видели многих животных, но варана пока не встречали, хотя в этих местах он водился. Проезжавшие геологи рассказывали о «недавних встречах» с ним. При уточнении оказывалось, что один из них видел варана в прошлом году, другой — несколько месяцев назад. Эти сообщения несколько поубавили мой энтузиазм. Поставив себе более реальную задачу, я отправился на следующий день снимать птенцов в гнезде канюка-курганника.

Замаскировав среди кустов саксаула свой скрадок и настроив фотоаппарат с мощным телеобъективом, стал дожидаться прилета взрослых птиц с кормом. У хищных пернатых кормление малышей происходит всего три-четыре раза в день — из-за сложностей с добычей мелких животных,— поэтому, сфотографировав родителей, я немного расслабился, зная, что следующий их прилет будет не скоро. Однако не прошло и двадцати минут, как послышались какой-то шум и хлопанье крыльев. Осторожно выглянув, поначалу ничего не увидел. Взрослых птиц не было, а птенцы почему-то очень беспокоились, периодически расправляя крылья, будто перед полетом. Не видя пока причины их беспокойства, я еще раз заснял их и принялся рассматривать окрестности. Наведя объектив на ствол саксаула, вздрогнул от неожиданности: по стволу не особенно грациозно, но решительно ползла к гнезду крупная ящерица. «Варан», — промелькнула мысль.

Гнездо канюков располагалось в развилке ветвей на высоте двух с половиной метров. В научной литературе я не находил сообщений, что эта ящерица способна лазать по деревьям на довольно значительную высоту. Но то, что наблюдаешь сам,— бесспорный факт. Варан дополз до развилки, в которой помещалось гнездо, и, казалось, призадумался, что же ему делать дальше. Ведь птенцы канюка уже были ростом со своих родителей и лишь немногим меньше самого варана.

«Ящер» словно критически оценивал ситуацию, но и отступать голодным ему, видно, не хотелось. Пробыв в нерешительности несколько минут, он, цепляясь за ветки, пополз вокруг гнезда. Здесь под ним, да и в нем самом селились воробьи. Зная, что хищные птицы возле своих гнезд не охотятся, они не опасаются грозного соседства. Но вряд ли они могли ожидать, что появится варан и примется чинить разбой.

Воробьи, сидевшие на ближайших кустиках, дружно и громогласно зачирикали. Но «ящер», не внимая их протестам, просунул голову между веток и вытащил одно из воробьиных гнезд. Съев яйца, он швырнул его на землю и пополз к следующему. И так одно за другим. Сделав полный круг, варан осторожно спустился на землю, отдохнул и направился к ближайшей колонии песчанок. Эти пустынные грызуны, похожие на сусликов, тоже входят в его «постоянное меню». Но, сунувшись было в одну из нор, варан вдруг резко дернулся, вытащил голову, приподнялся и быстро засеменил прочь, неуклюже загребая ногами. Его, видимо, испугал шум проехавшей в это время машины.

Вечером при свете костра я стал рассказывать о своей встрече. Зоологи слушали меня с недоверием. За два последних месяца, дружно заявили они, здесь никто не видел варана, тем более лазающего. Тогда я их так и не убедил.

Но не зря фотографов-анималистов еще называют и фотоохотниками. Вот он, тот самый варан-разбойник (фото № 57, 58).

Геккон-путешественник

В один из полевых сезонов мне пришлось работать в припойменных песках, там, где сливаются Чарын и Или. Место оказалось удачным, меня оно особенно привлекало обилием серого голопалого геккона. Эта небольшая ящерица невзрачна, но интересна древесным образом жизни, преимущественно ночной активностью и главное — своеобразным «голосом», что отличает ее от сородичей. Вероятно, мало кто знает, что геккон чаще всего селится в дуплах, под корой и в переплетениях корней, предпочитая старые деревья саксаула и разнолистного тополя (туранги). Он находит здесь не только надежное убежище, но и обильный корм — пауков, жуков, бабочек.

В изучении образа жизни этих ящериц мне помогло индивидуальное мечение. Ловить их легко с помощью небольшой петли из лески, которая крепится на прутик и очень осторожно надевается на головку геккона. Метод продуктивен и абсолютно безвреден. Освобожденную из петли ящерицу тут же помещали в отдельный мешочек, и все процедуры, связанные с измерением, взвешиванием и мечением, проводились в лагере, обычно в палатке.

Как-то после одной из таких обработок ящерица вырвалась из рук и спряталась под раскладушкой среди обуви и ящиков. Поиски оказались бесплодными, и работа продолжалась

Чтобы не нарушать сложившегося в природе распределения ящериц, я старалась помеченных особей выпускать на те же деревья и, по возможности, у тех же убежищ. Наблюдая за гекконами в разное время суток, все их перемещения я тщательно регистрировала.

Наш лагерь располагался вблизи воды, и нам очень досаждали назойливые комары. Ночью нас спасали палатки, плотно закрываемые с помощью металлических змеек. После дневных хлопот все члены отряда расходились по своим палаткам и наступала тишина. Лишь временами слышались всплески воды возле берега.

Вдруг раздался звук «чик-чик-чик», но было непонятно, откуда он исходит. Затем я ощутила едва уловимые шорохи. Оказывается, это геккон-новосел осваивался в необычном для него жилище. Вот он пробежал под самым носом по подушке, переместился на спальный мешок, затем стал бегать по стенкам палатки. При моем шеве-

лении беготня на несколько минут прекращалась, но вскоре вновь возобновлялась. Стало ясно, что уснуть спокойно не удастся. Однако вскоре все затихло, и я даже забеспокоилась — не придавила ли я своего постояльца? Включив фонарик, стала осматривать вещи, пол, столик, но тщетно. Но вот луч света коснулся верхнего угла палатки. Там в напряженной позе, как для охоты, на приподнятых ногах замер геккон. Что могло его привлечь? Подползаю поближе и вижу, как сквозь образовавшуюся дырку внутрь палатки стремятся проникнуть кровожадные комары, а геккон их поджидает и неторопливо поедает одного за другим.

Мы с ним провели вместе двое суток, затем было решено переселить его на старое место жительства. Когда я собралась его выпустить, то мешочек оказался пуст. Подумалось, что он ушел из плохо завязанного мешочка где-то по дороге. Расселив остальных ящериц по их «квартирам», я направилась к отдаленным деревьям, где жило несколько семей гекконов. Но в пути почувствовала, что кто-то бежит по спине, а затем залез за ворот. Легкая куртка была мгновенно сброшена, и рядом на песок приземлился знакомый геккон. Я попыталась его поймать, но он быстро скрылся под корягу. Два дня спустя, обследуя в очередной раз поверхность стволов туранг, я обнаружила беглеца на том же самом дереве, где он впервые был пойман. Чтобы вернуться к своему «родному» жилищу, ему пришлось преодолеть расстояние почти в шестьдесят метров и пересечь площадку такыра с щебенкой и солонцом. Оказывается, чувство «дома» не чуждо и ящерицам!

Стрелка из Прибалхашья

По-разному ведут себя змеи при встрече с человеком. Щитомордник и гадюка зорко следят за каждым движением человека, и стоит лишь к ним приблизиться, они яростно шипят и делают броски. Относительно мирные восточный удавчик и разноцветный полоз на первых порах тоже ведут себя агрессивно. Стрелка же всегда стремится уйти от человека, используя быстроту передвижения и покровительственную окраску. Она действительно похожа на стрелу. Ее тело заострено — длинный тонкий хвост с одной стороны и относительно маленькая головка — с другой. Глаза с крупными зрачками большие и, еще добавлю, выразительные.

Стрелка трудно поддается приручению. Много их прошло через мои руки, и почти все они остались «дикарками». Вздрагивали, когда их брали в руки, и каждый раз пытались уйти из орбиты человеческого внимания. И тем не менее некоторые особи в какой-то мере могут привязываться к человеку.

Однажды мне попалась стрелка с несвойственной для представителей этого вида «общительностью». Ее поймали наши добровольные помощники, юннаты Дома пионеров, будучи в экспедиции в Южном Прибалхашье. По-видимому, находясь длительное время в обществе детей, она привыкла к человеку. А, может быть, «общительность» — ее индивидуальная черта, поскольку все животные, как и люди, различаются.

Я взял стрелку с собой в экспедицию, чтобы иметь возможность понаблюдать за нею. В свободное от работы время члены нашей группы занимались каждым своим делом: кто читал, кто писал, кто развивал охотничьи инстинкты у своих собак, я же «водил» на прогулку змею.

И вот, как обычно, выбрал место без густой растительности, без нор и выпустил свою подопечную. Следуя за ней, подождал, пока она успокоится, затем сел метрах в полутора от нее и стал изображать «тумбочку», то есть сидеть не шелохнувшись. И стрелка вознаградила меня, открыв свой секрет — полную смену наряда. Змеи, как и другие пресмыкающиеся, периодически «меняют кожу». О приближении этого процесса чаще всего свидетельствует помутнение глаз. Но у «моей» змеи никаких признаков и в помине не было. Как же происходило это событие?

Стрелка начала тереться нижней частью и низом морды о зеленую траву, о сухие стебельки полыни. Вскоре старый эпидермис задвинулся назад. Потираясь головой, стрелка без остановки ползала среди кустиков на песчаной площадке в квадратный метр. Стало ясно, она пыталась отслоить или отодрать линные покровы с верхней части головы и с боков верхней челюсти и в то же время зацепиться отошедшей кожей за колючки. Даже поворачивала голову на 180° и терла верхней частью о землю. Наконец, ей удалось закрепиться за стебельки, и змея начала аккуратно выползать из старых покровов. Они слегка потрескивали. Стрелка зигзагообразно и плавно водила телом, за ней потянулся матовый чулок линной кожи.

Минут через двадцать на свет появилась «новорожденная» — свежая, чистая, с четким рисунком и окраской стрела-змея. Еще некоторое время она терлась верхом головы о комочки (как я понял, из-за старой ранки кожа не вся сошла), затем поползла было мимо меня, но...

Лето кончилось, и я уже подумывал даровать свободу змее, отправив ее в родные края с какой-нибудь институтской экспедицией. Но неожиданно стрелке оказалось суждена другая жизнь. После моего красочного рассказа ее согласилась приютить наша молодая сотрудница Таня — самая подходящая опекуна. Она любит пресмыкающихся, и дома у нее создан для разных ящериц, хоть и террариумный, но рай.

Стрелку поселили в «дом» с песком, пустынной колючкой, укрытием — старым черепком и небольшим «солнышком» — периодически включаемой электролампочкой. Я же поделился опытом принудительного кормления змеи на первых порах, и мне обещали ее покормить. Каково же было мое удивление, когда на другой день Таня сказала, что змею недели две кормить не придется. Она не стала ждать завтрака или обеда — поела сама. А случилось следующее.

Освоившись в новом жилище, змея приподняла, видимо, не очень тяжелую для нее крышку и двинулась на охоту. Благо, террариумы с добычей стояли рядом, а их жителей она, вероятно, сразу приметил. Об остальном нетрудно догадаться — стрелка забралась в террариум, где жили агама и хорошо знакомая ей приткая ящерица. Представляю весь ужас агамы, на глазах которой происходила охота. А, может, она с любопытством взирала на это?

Сытая и «довольная» стрелка, растянувшись, лежала на подоконнике. Беглянку водворили на место под усиленные запоры. Поговорили о ящерице: как-никак, она все-таки вывелась в прошлом году в домашних условиях. Но поскольку съеденная сама была каннибалом, — на заре жизни слопала двух своих «братьев» или «сестер», то сказали, что ей так и надо. А стрелка была прощена. Наблюдения за ней, ее поведением продолжают.

Усатка — птица из тростниковых зарослей

Многие орнитологи, наверняка, начинали свой путь в науку с содержания птиц в домашних условиях. У некоторых эта страсть сохраняется годами. И обычно, выезжая летом в экспедиции, они вместе со снаряжением берут и своих крылатых питомцев. Немало интересных ручных птиц видел я на разных стационарах: и индийского скворца-майну, и синюю птицу, и соловья-красношейку, и сорокопуга, и хищных пернатых... Такие выезды благоприятно действуют на птиц. Возвращаются они в город, будто из дома отдыха.

Сорбулакский стационар также не исключение. Весной-летом 1982 года здесь жили в клетке-вольере усатые синицы — птицы редкие в домашних условиях. Их мало кто держит — трудно прокормить. Орнитолог Саша влюбился в этих «тростниковых звонарей», что называется, с первого взгляда. Проблемы с кормлением у него не возникало. Отловленные на Сорбулаке весной 1981 года, они уже год благополучно жили в его городской квартире.

С усатыми синицами я впервые познакомился в 1972 году, когда в шестиметровой тростниковой чаще на берегу реки Лепсы однажды встретил стайку звонкоголосых птиц. Невозможно было не обратить на них внимание. Вот как их описывает известный орнитолог И. А. Долгушин: «Несмотря на кажущуюся невзрачность желтоватой окраски, усатка — одна из красивейших наших птиц. Нежные тона ее оперения особенно гармоничны и удивительно приятны. К этому следует добавить, что все ее движения ловки и изящны, а поведение деятельное, всегда оживленное, бодрое и какое-то веселое».

И вот теперь обитателям лагеря представилась возможность понаблюдать в свободное от работы время за жизнью этих птиц. Я увидел много интересного в их поведении и взаимоотношениях, что очень непросто подсмотреть в природе.

Телосложение усатой синицы напоминает каплю: голова как бы сразу переходит в туловище. Хвост длинный, причем у самца длиннее, и конькообразный. Морковного цвета клювик, желтая радужина глаза. Но особенно примечательны усы у самцов. На расстоянии они кажутся нарисованными. На самом же деле усы настоящие, из малюсеньких черных перьев.

Эта птица создана для жизни в тростниках, в гуще которых ей приходится много прыгать и перемещаться по вертикали. Эти достоинства синицы демонстрируют и в клетке. В ней они летают мало, но почти весь светлый день беспрестанно двигаются: подлетывают, прыгивают на пол клетки, что-то выискивают в баночках с землей и растениями, лазают по тростнику. Причем на пол своего жилища они спускаются в несколько приемов: прыгают с жердочки на боковую сетку, затем на сетку противо-

положную, на тростинку с наклоном, наконец на пол. Так же они и запрыгивают, и не только на насест, но в гнездо.

Перед сном птицы совершают тщательный туалет. Не спеша перебирают каждое перышко. Или вдруг самка, словно в порыве нежности, тянется к самцу и начинает аккуратно чистить ему пуховые перья головки. Но самая приятная для него процедура и любимое занятие для самки — чистка усов. Как бы облегчая ей это занятие, самец высоко задирает голову, топорщит усы и даже закрывает глазки от удовольствия.

Некоторое время синицам приходилось коротать ночь вне дома-гнезда (оно падало), на жердочке из стебля тростника. И вот как они устраиваются на ночлег. Самочка быстро-быстро подсакивает боком к самцу и очень тесно к нему прижимается. Или же, наоборот, он к ней, да так, что порой сдвигает с места. Убедившись в надежности ночевки, птицы начинают распушаться и почти удваиваются в размерах. Потом в какой-то момент резким движением в противоположные стороны от линии соприкосновения прячут головы под крылья. Лапы соприкасающихся сторон тоже исчезают (вероятно, подгибаются), и перед нами словно уже не две, а одна птица, только без головы, сидит на жердочке, крепко обхватив ее двумя лапками.

Утром самец проделывает удивительные «гимнастические» упражнения: почти беспрерывно прыгая по клетке, он при остановке запрокидывает голову, собираясь сделать как бы сальто, и перелетает на новое место. И так много раз подряд.

Есть еще интересная поза у самца при обращении его к самке. Она редка и кратковременна, и я ее в деталях рассмотреть не успел. Самец становится похожим на воркующего голубя: приподымается на лапках, распушает хвост, высоко поднимает голову и издает особый звук, короткий и резкий.

Интересно ведут себя синицы при посадке к ним других особей, самца или самки. Одну представительницу «прекрасного пола» сразу же не приняла самка-хозяйка, и не без основания! Новенькая стала «заигрывать» с самцом, и он отнесся к ее ухаживанию благосклонно.

При виде этой картины я вспомнил прекрасную книгу Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона». Он описывает подобную сцену с галками, за которыми длительное время наблюдал. Нечто подобное увидел и я. К самцу подсели самки и, загоразиваясь или прячась друг от друга за него, начали ухаживать за ним с обеих сторон. Самец же сделал голову «одуванчиком», то есть распустил очень нежные перья, похожие на пух этого цветка, закрыл свои желтоватые глазки с черными бусинками зрачков и забавно оттопырил великолепные усы...

В конце концов самки приходят, вероятно, к выводу, что одна из них лишняя. Начинается тихая война. Хозяйка, как имеющая несомненное преимущество, в очередной раз норовит сесть между любезничающими птицами и оттеснить соперницу.

Затем — это уже следующий этап — гонит ее от кормушки и... робко, а потом все яростнее бьет, прижав ее в каком-либо уголке, хватая за затылочные перья и треплет. Соперница кричит что есть мочи, жалобно и не переставая. После такого приема ее надо срочно выпускать, иначе она обречена. Иной, прочитав эти строки, может подумать, какие синицы свирепые! Однако причина такого поведения — ограниченное пространство клетки. На воле такого не бывает, потому что слабому просто есть куда улететь.

Некоторое время вместе с «супружеской парой» жил самец с подбитым крылом — «косокрыл». Парочка вначале приняла его хорошо, да и он отличался спокойным нравом. В обществе себе подобных, в данном случае домашних уже птиц, подсаженные дикие синицы быстро свыкаются с неволей и во всем берут пример со старожилов. Особенно это заметно в отношении к пище. Вновь подселенные с первых буквально часов начинают есть все, что едят хозяева. Хотя первых приучить к необычной для них пище стоило большого терпения.

Но вернемся к косокрылу. Он вскоре освоился и стал предъявлять права на самку. В своем великолепии он не уступал хозяину. Его отличало от него только чуть-чуть торчавшее вверх крыло, что совершенно не мешало ему совершать сложные маневры в клетке: прыгать, подлетывать и лазить по тростнику, по сеточным стенкам. Самка, кажется, между ними никакого различия не делала. Как тому, так и другому она оказывала обычные знаки внимания: чистила головку-одуванчик, усы.

Жили синицы до поры, до времени мирно. С наступлением темноты все три птицы вместе устраивались в гнезде. Кстати, стадность синиц сказывается и в этом — они спят всем миром. Когда в клетке короткое время жили две пары, то в одно относительно небольшое гнездо укладывались на ночь сразу четыре птицы и спали в нем, тесно прижавшись друг к другу. Но что же все-таки произошло с нашим «треугольником»?

Однажды начались распри, причем с момента устройства птиц на ночлег. Один из самцов тоскливо слонялся по клетке в одиночестве. Если бы это был косокрыл, а то хозяин! Стало ясно, косокрыл начал теснить законного владельца, хотя до самой темноты роли самцов менялись: то один, то другой завладевал гнездом-домом...

Чем питались синицы? Что обычно входило в их новое «меню»? Это — яйцо вареное и сырое, пшено, рубленое сырое мясо и всякая мелкая живность, собранная при косье сачком. Особенно они любят комаров-звонцов. Причем ловят их разлетающимися из кормушки на лету, склевывают со стенок клетки. Даже приспособились ловить залетающих мух. Самка к тому же предпочитает мелких голубых стрекоз, которых быстро тащит в уголок и ест, повернувшись спиной к тут как тут прискакавшему самцу. Я приучил птиц брать мух у меня из рук.

Велика подражательная способность синиц. Увидев, например, что одна из птиц требушит какой-то корешок — то же самое проделает с этим корешком и другая.

Интересна также их особая манера разгребать мусор, землю. Если курица гребет лапами поочередно, синица сразу двумя: прыжок вперед — и гребок назад, снова прыжок — и опять гребок.

Несколько раз хозяин усаток строил им гнездо, чтобы стимулировать размножение. Самец даже пытался его достраивать, но безрезультатно: яйца в гнезде так и не появились.

Вскоре владелец «прекрасной пары» уехал в город и увез своих питомцев, чтобы в условиях городской квартиры продолжить опыты по их размножению. Предпосылки к этому были заложены на Сорбулаке. Но об этом, как и о многом другом, подмеченном им в жизни усаток, Саша, по-видимому, когда-нибудь расскажет сам. А рассказать есть о чем!

Общительная сорока

О песках Тосумах я слышал давно от своих коллег. И вот представилась возможность побывать здесь самому в составе комплексной экспедиции Института зоологии в 1983 году.

Тосумы — изолированные пески шириной до 15 километров, протянувшиеся вдоль левого берега реки Тургай на 50 километров. Своеобразие им придает необычная для песков растительность. Представьте себе песчаный массив с рощицами тополя, березы, ивы в межбарханных понижениях. А самое примечательное — это песчаная арча (можжевельник казачий). Вершины отдельных барханов покрыты ее густыми стелющимися зарослями. Когда продираешься сквозь них в жару, тебя обволакивает смолянистый свежий запах арчи, и создается впечатление, что ты находишься в горах, а не в раскаленных песках.

Две недели жил я в полном одиночестве в тугайных зарослях реки Тургай около села Акшиганак, изучая здешних пресмыкающихся. Свою палатку я удачно замаскировал, «вписав» ее в густейшие ивняки надпойменной террасы. Но все же, побаиваясь за казенное имущество (по берегу проходила дорога), я старался, уходя в маршруты, не оставлять следов к своему временному дому. Встреч со зверем не страшился, хотя единственным моим «оружием» был фотоаппарат.

В песках попал в одно место — сплошные волчьи следы. В надежде увидеть волков я ежедневно вечером ходил с биноклем на высокий бархан поблизости. Но увы! В это время они ведут скрытный образ жизни. С волками не встретился, зато подружился с сорокой, которую нарек Феней.

Зимой в Ботаническом саду Алма-Аты я пытался установить контакт с этими осторожными птицами, но безуспешно. И неожиданно на Тургае, за тридевять земель от дома, встретилась мне эта «коммуникабельная особа». Она — оригинальный индивид из нескольких десятков ей подобных, живущих рядом. Ее я сразу приметил и потом узнавал по своеобразной метке — кисточке на самом длинном пере хвоста.

Феня настолько прониклась ко мне доверием, что спокойно «садилась» обедать со мной за одним столиком, менее, чем в полуметре. Брала со стола лакомый кусочек даже тогда, когда я в упор наблюдал за ней. Правда, трапезничать рядом она не решалась. Удалялась, когда нужно было припрятать взятый кусочек.

Или представьте такую картину. Заросший человек сидит за столиком и что-то пишет. Рядом пристроилась и с любопытством следит за ним сорока. Но вскоре, вероятно, монотонное, неторопливое занятие человека навевает на нее дрему... Тихо... сытно... жарковато! Сорочьи глазки сами закрываются, клюв приоткрывается, и она начинает клевать «носом». Человек спокойно может дотянуться до нее рукой. Но он дорожит доверием птицы.

В моем присутствии она чувствовала себя хозяйкой лагеря. Это продолжалось до тех пор, пока сорочье племя не выследило Феню и не узнало место ее, по-видимому, тайственных отлучек. «Крадусь» я однажды к своему убежищу, смотрю, нет ли людей поблизости, ступаю особым шагом по траве, чтобы не набить тропу, и слышу сорочий гвалт. Это первый признак — в лагере людей нет. А там пять-шесть сорок.

Затем нашествие птиц в мое отсутствие стало регулярным. В их стае Феня вела себя менее уверенно. Хорошо это было заметно во время «сиесты». Я тихо лежу на топчане под марлевым пологом (сороки меня не видят) и сквозь открытый вход палатки наблюдаю.

Феня суетится и нервничает за свои тайники. А гости беспардонны: снуют по всему лагерю и, видимо, наблюдая за реакцией Фени, чувствуют, где «горячо», то есть припрятан лакомый кусочек. Заходят в палатку, шарят под топчаном, тербят шнурки на обуви, что-то склеивают с крышки казана. Феня может повлиять только на одну птицу щенячьего возраста, но самую нахальную. Та прямо-таки не отстает, всюду сует свой сорочий нос. Но стоит Фене на нее «замахнуться», та сразу приседает, распускает крылья, широко раскрывает клюв и пищит. И все. В лучшем случае Феня отталкивает ее лапами. Двух пришлых, мне кажется самцов, я сразу замечаю по внешности: это длиннохвост и красавец. Последний похож на аристократа — какая осанка, какой белоснежно-черный наряд, как все уложено и прилизано!

Стоит мне предстать перед сорочьим племенем — непрощенные

гости моментально разлетаются, а Феня опять обретает степенность и уверенность. Особенно птицу радовало мое утреннее появление из закрытой на ночь палатки. Она со всех крыльев бросалась навстречу, вот-вот заговорит или сядет на плечо. Но в последний момент ее останавливала врожденная осторожность, она как будто смущалась своего порыва и опускалась рядом. Однажды в мое долгое отсутствие она использовала наглухо закрытую палатку как дневное укрытие. Когда я стал раскрывать ее, оттуда не сразу вылетела, словно спросонья, Феня...

Как порой мало надо человеку для счастья! Сорока скрашивала мое одиночество. Она, вероятно, тоже была счастлива: в момент моих бдений за столом присаживалась где-то рядышком в кустах и что-то тихонько про себя напевала. Песня своеобразная — скрип, шорох, «шепелявление». Вот не подозревал, что сорочий язык так разнообразен. Еще бы немного — и Феня начала бы брать у меня пищу из рук. Но, увы! Приехали на неделю раньше мои коллеги и разрушили нашу идиллию. Пришлось попрощаться со ставшей такой близкой Феней, с приветливыми тургайскими тугаями, безлюдными песками и двинуться в новые края.

Удастся ли еще когда-нибудь попасть сюда? Как, интересно, встретит и узнает ли меня знакомая, уже повзрослевшая сорока с кисточкой на хвосте?

В новых краях попадались нам в разных обстоятельствах и другие животные. Но из всего калейдоскопа впечатлений и знакомств с неведомым общение с Феней самое необычное и запоминающееся.

Тургайские встречи

Впервые оказавшись в Тургайских степях летом 1983 года, я поразились их необъятности — равнина от горизонта до горизонта. За целый день езды на автомобиле не встречалось ни одного человека, зато — тысячные стада сайгаков и до десятка волков.

Как-то в ветреный жаркий день июля пошел я фотографировать сайгаков. Мелковсхолмленная равнина растительностью не богата: редкие островки тамариксовых кустарников, пожелавшие уже в это время трава. Осматривая один из раскидистых кустов, отметил, что сквозь него проходит довольно торная тропа. Такие же тропы пересекали и следующие кусты. Я задумался и стал более заинтересованно их обследовать. Возле одной заросли нашел кости сайгаков и волчий помет. А когда осмотрел стволы тамарикса, низко нависающие над тропой, то увидел и разгадку: на их коре были остатки волчьей шерсти. Все ясно. Подбираясь к пасущимся антилопам от куста к кусту, волки, по-видимому, не раз использовали их в качестве укрытия...

Увидев, наконец, небольшое стадо, я тоже решил уподобиться серым разбойникам и, где пригибаясь, где на четвереньках, от куста к кусту добрался до последнего — впереди на открытом пространстве паслось несколько сайгаков. Я расстелил на выходе тропы из гущи куртку и залег в редкой тени тамариксовых ветвей с их игольчатыми листочками.

Сайгаки не торопились и, похоже, не очень-то старались приблизиться к тамариксовым островкам — наоборот, держались от них подальше. Я приуныл. Но вот несколько антилоп повернули в мою сторону и стали медленно приближаться. Я чуть задвинулся в глубь куста, достал фотоаппарат и стал менять оптику, то и дело поглядывая в сторону будущих «трофеев».

Вдруг какой-то странный звук — как бы сдавленный вздох — заставил меня обернуться: у входа в гущу куста, пригнув голову перед нависшим стволом, в полутора метрах от меня, как бы натолкнувшись на неожиданное препятствие, стоял матерый волк. Наши глаза встретились. Страху не было, так как я твердо знал — летом, при обилии пищи, этих хищников можно не опасаться. Да и поза волка скорее удивленно-комическая, нежели грозная. Стоячие уши, торчащие клочья свалывшейся серой линяющей шерсти и... ни злобы в рыжеватых глазах, ни вздыбленного загривка.

Эта дуэль взглядов заняла мгновение — и волк исчез. Не поверив глазам своим и явно не разобравшись, он сделал полукруг, чтобы попасть в струю ветра и учуять, кто перед ним. И как только «унюхал» человека — со всех ног бросился прочь, распуская сайгаков. Я — за ним. На ходу докручивая телеобъектив фотоаппарата и досадуя на потерю уникального кадра, закричал: «Васяяя! Постооой!» И, как ни странно, волк остановился боком ко мне (вот он на слайде, хотя и мелковат), посмотрел в мою сторону и опять — наутек. Затем еще раз остановился на миг перед тем, как скрыться за увалом.

Так и должно быть, волк боится человека.

А то, что произошло, — это редкий случай. Просто на одной тропе удачи столкнулись и человек и зверь.

Вот еще эпизод. В нашей экспедиции был заядлый охотник Саша, неумеренные порывы которого добывать все и вся нам частенько приходилось сдерживать. Мы говорили ему: «Какой смысл стрелять по зверушкам и птицам, которых ничего не стоит добыть. Попробуй поохотиться на волков — охота на них разрешена в любое время, а в этих местах серых много».

Но Саша понимал, волк зверь серьезный. Чтобы с ним встретиться на ружейный выстрел, надо хорошо знать его повадки или быть сильно удачливым. Волками он «болел» давно, но ему явно не везло — встречи с серыми происходили лишь на расстоянии, хотя однажды волк чуть не зашел в лагерь.

Наша ночная стоянка располагалась в зарослях тамарикса на берегу Тургая. Раннее прохладное утро. Сырое. Солнце едва по-

золотило вершины кустов. Мы с Эрнаром уже встали. Пора поднимать остальных и готовиться к очередному перегону.

Утреннюю тишину вдруг разорвал громкий вой. Так близко, да еще утром! Не разыгрывает ли нас кто-нибудь? До сих пор мне, например, приходилось слышать волка только издалека и обычно с наступлением сумерек. А тут..., как уверял позже Эрнар, он хорошо различал даже клацанье челюстей, когда «певец», выводя последнюю ноту, закрывал пасть. Плохо ли хорошо ли, но я тут же, старательно подражая, начал подвывать волку. И, кажется, получилось: серый продолжал «петь». Мне показалось, что в его вое нет ни тоски, ни злости — напротив: это был гимн, может быть, наступающему дню, может — жизни, а, может, приглашал на сбор «единомышленников».

Саша — любитель поспать — вмиг «слетел» с раскладушки, и в одних трусах, с ружьем в руке, пригнувшись, метался по лагерю, шепотом упрямывая:

— Тише, тише!

И, обращаясь ко мне, умоляюще призывал:

— А ты вой, вой!

Но наш дуэт прервал выстрел. Стало тихо. Это Эрнар опередил Сашу. Вскоре он показался из зарослей и, подойдя, мрачно изрек:

— А волк-то не дурак! Сидел посреди голого такыра. Попробуй, подберись к нему на выстрел!

Еще одна встреча произошла в пути. Мы ехали вдоль берега озера Курдым, местами густо заросшего тростниками. Заслышав шум мотора, из их чащи выскочили два волка... Засада. Останавливаемся, осматриваем место водопоя. Низкое заиленное побережье с отступившей водой в густой паутине сайгачьих следов. В тростниках неподалеку нахожу жалкие остатки недавнего пиршества — сайгачьи рога почти без черепа.

Полуденная жара. На ближайшем гребне равнины застыли антилопы. Им пора утолять жажду. Вода рядом, но водопой извечно таит опасность! Неожиданно сайгаки бросились врассыпную — на увале показался серый хищник. Он не спеша и тяжело бежит по его гребню. На светлом фоне неба сквозь мареву хорошо заметен живот, почти свисавший до земли.

— Беременная волчица! — воскликнули мы почти враз. Но кто-то говорит: — Конец июля, волки же приносят щенят весной! — Мы уже догадались — это, может, и волчица, но, плотно закусившая сайгаком, она, вероятно, тоже спешила к воде.

У озера и вдоль реки за полдня на отрезке в 25 километров мы повстречали десять волков — добровольных «пастухов» сайгачьих стад. Но следов неумеренного разбоя не было. Не видели мы и больных сайгаков. Веками отработанный природой закон взаимоотношения хищник — жертва, по-видимому, работал без осечки.

Джунгарские были

Весной 1986 года наша небольшая экспедиция работала в горах Джунгарского Алатау. Мы выясняли распространение семиреченского лягушкозуба — тритона, обитающего только в этих местах.

Обследуя одну реку за другой, мы остановились у входа в малолюдное ущелье реки Коктал. В предпоследний день стоянки я решил побывать в верховьях реки. Восемь километров по горной дороге подвез меня наш вездеход, а дальше шла скотопрогонная тропа. В самом ее начале обосновались дорожные рабочие, они как раз подновляли мостики — предстоял перегон овец на высокогорные пастбища — джайляу. Поговорив с ними о том, о сем, я, конечно, спросил их о живности. О тритоне они ничего не знали, а вот маралы и медведи...

— Вчера вечером видели на противоположном склоне четырех мишек. Вышли из леса пастись на поляну!

— А маралы подходили к самой палатке! — делились впечатлениями дорожники.

Затем они рассказали мне об особенностях тропы и пожелали счастливого пути.

Взвалив за спину рюкзак, а на шею повесив бинокль и фотоаппарат, я бодро зашагал. День сулил быть солнечным, с утра затянутое тучами небо разъяснилось, и вскоре на нем остались лишь редкие облачка. Шагалось легко. Тропа шла то по самому берегу реки, то круто взбиралась вверх, огибая нагромождения камней или отвесные скалы. С очень крутого левобережного склона не так давно сошли лавины. Остатки их в виде причудливых арок из грязноватого снега нависали в нескольких местах над шумливой рекой.

Перейдя два довольно шатких мостика, я увидел на сыроватом песке тропы свежие еще следы и помет марала. Затеplилась надежда повстречать этого красавца и запечатлеть его на пленку, тем более, что мне было с ним по пути.

Радужное настроение, однако, вскоре омрачили другие следы, и тоже свежие. Я увидел... отпечатки лап медведя. Звери, как и люди, предпочитают ходить по торным путям. И мне как-то не очень захотелось быть попутчиком косолапого. Я невольно сбавил ход.

Но ясная погода, виды крутого, по-весеннему зеленого ущелья, один прекраснее другого, отодвинули ощущение опасности встречи с хозяином здешних гор.

Перед очередным нагромождением камней, которое предстояло преодолеть, я решил сделать привал и заодно спрятать часть уже ненужного снаряжения — тяжелый плащ и теплые вещи. Река шумела, солнце уже начинало пригревать, а тропа манила вдаль. Я осмотрел ближайшие склоны, полюбовался очередным лавинным

«мостом», подхватил полегчавший рюкзак, перебрался через завал и быстро зашагал по тропе вниз, глядя себе под ноги. А когда взглянул вперед — о ужас! На меня галопом мчался медведь. В обостренном страхе сознании запомнились открытая пасть, лоснящаяся золотистая шерсть, которая волнами перекачивалась по сытому округлому телу.

Можно много привести цветистых слов, описывая этот случай. Но слова приходят потом. А тогда меня обуял первоприродный страх перед диким зверем. Реакция была мгновенной: я развернулся на сто восемьдесят градусов и со скоростью, на какую только был способен, рванул по тропе до первого дерева. Благо, оно находилось не так далеко. Добежав, обхватил его и машинально оглянулся... У меня, как говорится, отлегло от сердца.

Медведь за это же время оказался гораздо дальше от меня, хотя мчался вверх по крутому склону. Я успел вдогонку отснять один кадр и схватил бинокль. Вот зверь остановился перед небольшим распадком, встал на задние лапы, посмотрел в мою сторону и скрылся за скалами. Больше я его не видел.

Я знаю, что наш белокоготный медведь — животное в основном травоядное и мирное. Но я не мог знать, какой печальный опыт приобрел он при встрече с другими людьми. А если бы это был стреляный зверь? Тогда что?

Придя в себя, я обследовал место встречи. Измерил расстояние, отделявшее нас друг от друга. Оказалось шестьдесят метров, а чуть дальше на тропе увидел «туалет» медведя и место его лежки. Да, по-видимому, давненько не было здесь людей, и хозяин гор потерял бдительность. В то утро он спешил по своим медвежьим надобностям, и встреча с человеком для него была столь же неожиданной, как и для меня с ним. И, как знать, кто больше из нас перепугался!

Рассудив, что второй медведь мне едва ли попадется, я все же с опаской двинулся дальше, в неизвестность. На высоте 1700 метров выше уровня моря я нашел тритонов, подкрепился легким обедом и уже без приключений вернулся в лагерь.

Рассказал коллегам о неожиданной встрече и о том, с какой опаской после нее подходил по узкой тропе к очередному ее повороту. Они поинтересовались, что бы я стал делать, если бы медведь попытался достать меня на дереве?

— Бросил бы ему кепку, потом рюкзак, сапог, портянку... Может быть, что-нибудь его да привлекло бы?

Подобные случаи описаны. Дикие животные прекращали преследование человека, наткнувшись на его одежду или снаряжение. Конечно, вряд ли можно соревноваться в скорости с медведем или предсказать последствия встречи. Но, как говорится, утопающий хватается за соломинку.

Позже егеря рассказал нам, что в этом ущелье он встречал до восьми мишек на трехкилометровом участке.

Два эпизода из встреч с косопалыми нам поведал пчеловод Игорь из ущелья реки Кора. Однажды вечером в стойло не пришел телок.

Теща Игоря уже в сумерках пошла его искать и увидела мирно пасущимся на опушке пойменного леса. Она с бранью направилась к нему и.., говорит, не помню, как при своем грузном теле перемахнула через изгородь и очутилась дома. Ее подвело зрение: «телок» оказался здоровенным медведем.

Игорь рассказал нам также, как разбойничают медведи на пасеках. В период медосбора эти сладкоежки довольно часто навешиваются в гости. Он видел, как в ясную лунную ночь медведь пробрался на пасеку, подошел к улью. Его действия напоминали заправского пчеловода. Встав на задние лапы, передними он снял крышку, утеплительные прокладки, затем еще крышку — все это отбрасывал в сторону. Подцепил когтями рамку и начал пожирать соты. Естественно, пчелы атаковали нахала. Медведь стал нервничать, отбиваться от них, торопиться и больше помял рамок, чем съел меда.

И все-таки отведавших медку мишек, несмотря на пчелиные «уколы», очень трудно отвадить от визитов на пасеку.

И еще случай. Встретив геологов в глухом лесистом ущелье реки Малый Усек, мы, само собой, поинтересовались медведями.

— А как же, водятся здесь! — ответили нам.— Весной один из них разорил нашу избушку-лабаз. Забравшись, выбросил, прежде всего, газовый баллон (видимо, запах не понравился), выпался на консервных банках, а уйдя, прихватил мешок муки!

Я вспомнил аналогичный случай, рассказанный мне таежным охотником. Он наблюдал, как Топтыгин на берегу ручья смешивал похищенную муку с водой, лепил из теста колобки и съедал их. Возможно, и нашему тянь-шанскому медведю, как и его таежному собрату, знаком этот «рецепт».

Подошли к концу путешествия по медвежьим местам. Малый Усек — последний рубеж. Наш путь от суровых гор лежал на равнине в знойное лето...

Догадливый медведь

Известно, что многие хищные звери, как, например, лисица, куницы, хорьки и другие, однажды пройдя по следам человека и найдя что-то съедобное, впоследствии начинают искать его регулярно. Немало неприятностей доставляют они орнитологам, изучающим жизнь птиц в период их размножения. Периодически проверяя ранее найденные гнезда или проводя около них наблюдения, мы невольно являемся наводчиками хищников и способствуем гибели как содержимого гнезд, так порой и их обладателей. Но с этим приходится мириться, сокращая лишь до минимума число посещений и соблюдая меры предосторожности около птичьего дома. Работая в заповеднике Аксу-Джабаглы, лежащем в горах Таласского Алатау, я ежедневно проходил по десять-пятнадцать километров то в одном, то в другом направлении, посещая при этом один-два десятка гнезд пернатых. И вот с одного из дней июля я стал все чаще и чаще обнаруживать их разоренными. Долго не мог понять, в чем дело, пока не обнаружил «визитную карточку» медведя. Следуя по моим следам, он начал еженощно заниматься поборами. Запуская под кочку лапу или выворачивая камень, он извлекал из укрытия вместе с корнями содержимое гнезда, оставляя на месте преступления характерные полосы от когтей. Его не останавливали ни металлические предметы, оставляемые мной около гнезд, в том числе стреляные гильзы, ни другие ухищрения, пока не наступил август и вместе с ним не завершились гнездовые дела у птиц. В том же году, к счастью для пернатых и к разочарованию, надо полагать, медведя, закончил работы в заповеднике и я.

Охота из-под колес

Это было на Алтае близ озера Маркаколь. Утром, 16 октября 1981 года, быстро свернув небольшой лагерь, мы двинулись по горной дороге к поселку Берель. Сидя в кабине, я с наслаждением вдыхал врывающийся в нее прохладный воздух и с интересом разглядывал незнакомую местность.

Неожиданно перед самыми колесами машины что-то мелькнуло.

Через минуту тень метнулась с другой стороны и исчезла. Высунувшись из окна кабины и внимательно присмотревшись, я увидел похожего в полете на стрижа сокола-чеглока. В этот момент с обочины дороги взлетела стайка садовых овсянок и тотчас же была атакована им, но неудачно: вовремя заметив угрозу, птички дружно попадали в густую траву. Атаки на выпугиваемых автомашиной мелких птиц следовали одна за другой — их я насчитал около полусотни — но, увы, все они заканчивались безрезультатно. Птицы то круто уходили от погони вверх, то, сложив крылья, камнем падали в спасительную густоту луговой растительности.

Интерес к охоте у чеглока как будто уже начал притупляться и вдруг удача — раздался легкий шум и облачко перьев, взвившись в воздухе, медленно стало опускаться на землю. Добыча, судорожно затрепетав в когтях хищника, тут же затихла, а он, проскочив несколько метров по инерции, плавно развернулся, набрал высоту и быстро полетел в обратную сторону, унося к гнезду с птенцами зазевавшегося слетка черноголового чекана. Сообразительность сокола нас удивила. По-видимому, однажды случайно выхватив взлетевшую из-под колес машины пичужку, он стал затем постоянно охотиться около нечасто проходящего здесь транспорта.

Находчивая варакушка

Известно, что кукушка для продления своего рода подбрасывает яйца в гнезда мелких насекомоядных птиц, и те, движимые родительской заботой о потомстве, выкармливают подкидыша. Но всегда ли так безропотно птицы воспринимают эти повороты судьбы? Оказывается, нет. Некоторые довольно быстро распознают подвох и всеми способами избавляются от навязываемого им воспитания чужого потомства.

В долину Урала кукушка прилетает в начале мая, когда большинство варакушек, с которыми у нее имеются гнездовые связи, уже сидят на кладках или выкармливают птенцов. Но часть гнезд разоряют хищники, и тогда варакушки приступают к повторному гнездованию. Вот такие птицы, а также те, что уже успешно вырастили потомство и начинают второй цикл размножения, становятся объектом усиленного внимания кукушек. Существует мнение, что кукушка съедает предварительно одно яйцо хозяйки, чтобы и ее яйцо было окрашено так же. Но в долине Урала, по нашим наблюдениям, кукушки никогда так не поступали, поскольку во всех случаях количество яиц, отложенных варакушками, оставалось неизменным, а яйца кукушки, даже отложенные в гнезда других видов пернатых, все-таки оставались схожими с варакушкиными, отличаясь лишь размерами и большим весом.

Обычно подкладка происходила уже при снесении яиц хозяйкой. И только однажды кукушка подложила яйцо в гнездо, из которого

накануне вылетели птенцы. Из четырнадцати гнезд, в которых побывали кукушки, варакушки приняли кукушачье яйцо только в четырех, а остальные выкатывали за борт гнезда, и даже наше вмешательство с повторным водворением яиц на место не давало результатов — птицы настойчиво избавлялись от них. Как выяснилось при помощи цветного мечения птиц и тщательных наблюдений за гнездами, выкатывают яйца кукушки лишь взрослые варакушки, уже, видимо, наученные горьким опытом, тогда как молодые остаются одуроченными и воспитывают кукушат.

Обманутая лисица

Утром одного из майских дней, проводя наблюдения в Кызылкумах за джеком, или дрофой-красоткой, мы отметили необычную картину в поведении этой птицы. Оттоковав в прохладное время суток, самцы часа через два-три после восхода солнца, когда прогреваемый воздух начинает струиться, кормятся, а затем, как правило, залегают на излюбленном бугорке с хорошим обзором местности.

Но в тот день начавшая было кормиться птица вдруг резво побежала и, преодолев без остановки двести метров, распустила контрастное черно-белое оперение и в токовом угаре начала приближаться к кустикам долины. Среди них мы вскоре обнаружили лисицу, которая, заинтересовавшись джеком, направилась в его сторону. В момент, когда между ними осталось не менее пятидесяти метров, джек, сложив оперение, залег и благодаря покровительственной окраске буквально растворился на месте. Сбитая с толку лиса проскочила мимо и стала удаляться, а он, отпустив ее подальше, вдруг снова возник в своей величии и начал двигаться вдоль небольшой гряды. Рыжая, опять не устояв перед соблазном, остановилась и небольшими пробежками стала скрадывать птицу. А джек усердствовал, особенно в момент, когда плутовка, используя складки местности, исчезала на какое-то время. Вот так, как бы поддразнивая лису в течение полутора часов, джек вместе со своим врагом удалились от нас настолько, что стали неразличимы даже в полевой бинокль. Но, придя сюда на другой день, мы увидели джека целым и невредимым.

Проанализировав этот и подобные случаи, когда птица в момент явной для нее опасности принималась усиленно токовать, мы пришли к выводу, что самец, рискуя собой, старался привлечь внимание врагов и постепенно увести их в сторону, давая возможность самке спокойно насиживать кладку.

Присада

Как-то в майский теплый вечер самцы джека один за другим без видимых на то, казалось бы, причин прекратили токовать и залегли. Но мы уже знали — появилась реальная угроза. И действительно, вскоре с огромной высоты на равнину начали опускаться грифы, и в течение часа около павшей овцы собралась компания из пятнадцати птиц. В это же время поблизости от нас появился крадущийся джек, который при коротких остановках то и дело выставлял, словно перескоп, шею с небольшой головкой и, осмотревшись, продолжал удаляться от грифов. Над этой же равниной, как маленькие планеры, летали зеленые шурки, периодически присаживаясь на редкие прошлогодние стебли вонючей ферулы.

И вот одна вдруг приземлилась на голову застывшего джека. Птица от неожиданности дернула головой, сбросила «седока», а шурка, не поняв, в чем дело, снова было хотела сесть на понравившуюся присаду. Возмущению самца не было предела. Взъерошив оперение и распустив крылья, он принял позу угрозы и сделал броски в направлении шурки — один, другой... Та, описав полукруг, поняла свою ошибку и спокойно улетела. А джек, подавив возмущение, двинулся дальше, маскируясь и не спуская глаз с пирующих грифов, представлявших несравненно большую опасность.

Приспособились!

В апреле 1985 года, петляя на машине по кромке Кызылкумов, мы наконец выехали к интересующей нас скважине. Из земли, полуизъеденная ржавчиной и обросшая слизью водорослей, торчала трехметровая труба, из горловины которой низвергались водяные струи. Над ними парило облачко — значит, вода теплая. И действительно, температура ее была не менее сорока градусов. Журчащий ручеек, пробивший себе дорогу к подножью бархана, образовал небольшое озерцо. То ли из-за сезонного колебания уровня, то ли по другой причине тростником и кугой заросла лишь середина водоема, а края кольцом на пять-шесть метров оставались чистыми. Вода, да к тому же еще и теплая, привлекла, сюда массу зеленых жаб — этих удивительно приспособленных животных. Несмотря на то, что была только середина апреля, они, видимо, давно уже приступили к размножению, и их напоминающее рыбок потомство самого разнообразного возраста усеяло дно. Особенно много головастика оказалось в тростниках.

Несколько остывший ручеек в месте впадения в озерцо образовал своеобразную дельту, по которой, попискивая, сновали десятка полтора куличков, пара скворцов, да стайка белых трясогузок. По краю тростников то и дело шныряли черные с яркокрасной бляшкой во лбу камышницы и их ближайшие мелкие родственники — курочки-крошки. Обойдя водоем, я обратил внимание на доверчивость

птиц и их явное нежелание покинуть облюбованное место. Взяв фототружье, я устроился поблизости от небольшой купы куги и вскоре заснял птиц, а затем, пронаблюдав за ними, понял и причину их концентрации. Медленно продвигаясь по стеблям горизонтально лежащего тростника, курочки время от времени замирали, неуловимым движением выхватывая из воды что-то мелкое и, тряхнув головой, съедали. Присмотревшись, я понял, что добычу составляли головастики. Но не только курочки и кулики, а даже трясогузки и скворцы тоже ловили легкую добычу. Таким образом, жабы приспособились, используя теплую воду, к более раннему размножению, а птицы — к несвойственной им, но зато обильной и легкодоступной пище.

Лягушка из... полыньи

Недалеко от Алма-Аты в один из январских дней после смягчения морозов отправились мы на небольшую речку попытать рыбацкого счастья. По пути свернули к одному из незамерзающих ручьев, чтобы наловить мальков, на которых, согласно рыбацкой молве, особенно хорошо идет судак.

Вокруг нас простиралась заснеженная целина. Относительно неглубокий слой снега еще не слежался и, слегка похрустывая, легко рассыпался под ногами. И вдруг (уж не померещилось ли?) сквозь хруст снега слышу... лягушачье кваканье! Резко поворачиваюсь к идущему сзади товарищу и ловлю его такой же недоуменный взгляд. А тем временем метрах в тридцати от нас лягушка снова подала голос.

Перепрыгнув в узком месте через канальчик, мы в ту же минуту были около небольшого, площадью с жилую комнату, родникового озера и сразу увидели две торчащие из воды остроносые мордашки. Завидев нас, квакушки тут же поспешно нырнули и затаились в тине. Торчащие из воды стебли тростника и растущий на берегу куст обильно покрыты инеем, и только в непосредственной близости от воды его на комлях не было. Вода в роднике обильно парила. Температура источника оказалась около 20° С, тогда как рядом — в речке и канальчике — вдвое ниже. Видимо, это обстоятельство позволило лягушкам быть активными даже зимой, невзирая на окружающую стужу.

Нелегкая черепашня жизнь

Работая в Южном Прибалхашье, я довольно часто встречался со степной черепахой и невольно был свидетелем многих событий ее интересной жизни. Но особо меня поразила изощренность ее многочисленных врагов, о трех из которых и пойдет наш рассказ.

В первый год работы в пустыне я обратил внимание на то, что довольно часто встречаю на поверхности земли скорлупу черепаших яиц. Позже, с началом размножения этой рептилии, приходящимся в Прибалхашье на начало мая, стали попадаться мне, и с каждым днем все больше, только что разграбленные кладки. В том, что это поработал четвероногий хищник, я не сомневался, но кто именно — долго не знал. Помог случай.

Как-то вечером мы прямо в лагере поймали молодого и непугливого ушастого ежа. Посадили его на ночь в небольшой ящик. Утром я решил сфотографировать малыша, но он сидеть на ярком свете не хотел. Надо было его чем-то занять, и тогда я подсунил ему яйцо черепахи, найденное накануне совершенно целым. Надо было видеть, с какой поспешностью еж набросился на него, хрустнула скорлупа, и содержимое яйца вмиг оказалось в его желудке. Остатки же скорлупы напомнили те, что я встретил в природе. Подсмотрев вскоре, как черепаха отложила яйца, я задумал провести «следственный эксперимент» и в тот же вечер выпустил пленника рядом с зарытыми яйцами. Ежик, немного побегав, вдруг остановился и стал рыть землю именно в месте свежей кладки. Маленький хищник почувал запах, оставленный черепахой в момент снесения яиц, и наглядно продемонстрировал, как пользуются его собратья своим тонким обонянием.

Однако, если четвероногие в поиске добычи полагаются на чутье, то ворон — на зоркий глаз. Заметив ползущую черепашку, он приземляется около нее и несколькими ударами крепкого массивного клюва четвертует безобидное животное. В период выкармливания своего прожорливого потомства ворон, оглушив жертву одним-двумя ударами, несет ее к гнезду, близ которого принимается за обработку. Покормив птенцов, птица летит за следующей жертвой, щедро оставляя мухам и жукам-мертвоядам остатки.

К моменту вылета птенцов не далее ста метров от гнезда я насчитал с десяток своеобразных «кузниц», где скопились остатки более трехсот черепашек, в основном одно-трех-, реже четырех-пятiletнего возраста. Более взрослых ворон осилить уже не в состоянии. Следы такой деятельности я наблюдал близ всех пяти известных мне за два года работы в пустыне гнезд. В «кузницах» одной из пар воронов оказались также остатки не менее сотни черепаших яиц.

Однажды, заметив летящего ворона с яйцом в клюве, я проследил за ним при помощи бинокля и вскоре был близ его гнезда. Пять птенцов должны были вылететь со дня на день, и я, не пугая их, приступил к осмотру окрестностей гнезда. Вскоре нашел шесть основных и несколько случайных разделочных площадок, на которых остатки черепашек перемешались со скорлупой яиц.

Как же ворон находит яйца? Органы обоняния отпадают, да и какой надо иметь нюх, чтобы с высоты учуять маленькие яйца. Значит, зрение? Но попробуй найди в однообразной пустыне практически неуловимые следы деятельности черепахи, тем более, что откладывает она яйца под защитой какого-либо кустика. Наиболее правдоподобно, что ворон выслеживает черепаху и поедает только что отложенные яйца. Можно предположить, что в этом деле птице помог просто случай. Пролетая над черепахой, занятой откладкой яиц, ворон задержался и вскоре стал обладателем деликатесного яйца, затем еще одного, а возможно, вскоре и третьего. Обладая великолепной памятью, птица и в следующий раз не упустила представленного случая, после чего поиски приобрели направленность. Затем опыт передан другой птице, и пара воронов в радиусе восьми-десяти километров стала настоящим бичом черепах. Вторая пара, близ гнезда которой я насчитал около двадцати съеденных яиц, находилась в километрах тридцати от предыдущей. Возможно, что один из членов этой пары был потомком первой и «унаследовал» опыт родителей по добычанию черепашьих яиц. Примеров сообразительности вороновых птиц описано немало. Но и другие пернатые не лыком шиты.

Обследуя гнезда орлов, мы обычно встречали близ них обломки панцирей пяти-шести черепах, а у некоторых — по два-три десятка. Подсмотреть процесс охоты птиц долго не удавалось, пока не помог случай. Наблюдая как-то за жаворонком, беспокоившимся неподалеку с кормом в клюве, я услышал глухой удар о землю и увидел пикирующего могильника. Заметив место, где он сел, я бросился бежать и вскоре был там, заставив птицу с явной неохотой подняться на крыло, оставив полусъеденную черепаху. Осмотр жертвы прояснил, как расправился орел с этим бронированным животным. Заметив ползущую черепаху, могильник схватил ее лапами, поднял высоко в воздух и бросил. Крепкий панцирь не выдержал удара и треснул в нескольких местах, обнажив окровавленное мясо. Сообразительной птице оставалось лишь съесть добычу или унести птенцам. Интересно, что пуховичкам родители приносят маленьких черепашек, а по мере подрастания — более крупных.

Что же заставило орлов переключиться на питание черепахами? Известно, что основным кормом их являются разнообразные грызуны. Но в начале восьмидесятых годов по Прибалхашью прокатилась мощная эпизоотия, и орлы вынужденно переключились на питание черепахами, единственным массовым и доступным кормом в этих местах.

Знакомые незнакомцы

Странные дела приключаются с нетопырем-карликом — самой маленькой из летучих мышей, обитающих в нашей стране.

Ежегодно в конце лета и начале осени — в Алма-Ате это еще жаркий и сухой период года — зверьки, совсем не заметные в весенние и летние месяцы, вдруг образуют большие скопления, собираясь до нескольких десятков и даже сотен. И все бы ничего, да эти рукокрылые — так называют в науке всех летучих мышей — безобидные, с забавными мордашками, способны проникать в любые щели, даже такие малые, в которые можно протиснуть разве что обыкновенный карандаш. Достаточно неплотно задвинуть оконную раму на ночь или форточку и... Проснувшись дома или придя на работу, вы обнаруживаете к своему, почему-то у большинства людей, ужасу в верхней части портьера, в углу потолка, в плафонах светильников, за картиной — словом, всюду, где можно спрятаться или просто зацепиться крошечной лапкой, десять, двадцать и вообще много «отвратительных» существ. Такое «количество и качество» повергает иных людей в смятение. Тут же возникает «проблема», как быть с непрошенными гостями? Изыскиваются смельчаки, которые могут справиться и выдворить из помещения эту, к примеру, шестидесятиголовую и стодвадцатикрылую кучу чего-то живого и попискивающего. А случается, и это чаще всего, что звонят в санэпидемстанцию, изредка в общество охраны природы и, наконец, выясняют, что в Алма-Ате имеется академический Институт зоологии и что в нем есть люди, занимающиеся изучением этих своеобразных животных.

Каждый год в конце августа и весь сентябрь мне звонят и спрашивают: «Как быть? Что с ними делать? Не заберете ли вы их?!»

Естественно, спешу на выручку своих подопечных. Не обходится и без сюрпризов, как приятных, так и курьезных. К приятным относится поимки меченых животных. По номеру на легком алюминиевом колечке, закрепленном на предплечье рукокрылого, можно узнать, когда он родился, где окольцован и как далеко улетает от места рождения или зимовки. Мечение позволяет многое выяснить из скрытой и полной загадок жизни летающих зверьков.

Так, оказалось, что нетопыри-карлики склонны к осенним нашествиям в городские помещения и в других южных городах на-

шей страны. Отмечено такое явление и в Чехословакии. Известно также, что в скоплениях преобладают сеголетки, то есть молодые животные этого года рождения. Высказываются предположения о их как бы генеральной репетиции перед зимовкой. И в этом есть доля истины. Нетопырей-карликов отличает консерватизм при выборе убежища. Однажды его облюбовав, они долго, может быть, из поколения в поколение сохраняют привязанность к одному и тому же зимнему «дому». И чаще всего они выбирают для зимовки старые постройки, в которых немало всяких полостей, щелей, ниш и тому подобного.

В середине 60-х годов в очередное свое нашествие нетопыри-карлики проникли в здание университета, где на одной из кафедр биологического факультета был оставлен на ночь большой сосуд с живым зверьком этого вида. Утром в нем, кроме пленника, оказались и десятки его сородичей. Годом позже нетопырей обнаружили и вовсе в необычном месте: в большом приоткрытом клюве чучела пеликана. Можно привести еще немало подобных эпизодов, связанных с зимовкой маленьких зверьков. Но наступают первые весенние дни, и нетопыри разлетаются по своим летним «владениям». И вот уже можно видеть, как небольшие стайки этих рукокрылых проворно охотятся за всякой летающей мелочью.

Две знаменитости

Среди летучих мышей, а их обитает в республике двадцать четыре вида, рыжая вечерница, пожалуй, самое крупное животное: оно с трудом помещается на ладони.

В семье этих рукокрылых есть свои примечательные особи. О двух стоит рассказать.

Первая — молодая самочка, отмеченная в научных записях номером Р — 118894. Получила она его 2 февраля 1978 года, когда, находясь в обществе своих соплеменников, была вынута из узкой и глубокой щели в полной стене уже обветшавшего здания. Их было там около сотни зверьков, сидевших плотными рядами. Освещенные лучом фонарика, они напоминали торчащие из темноты баклажаны, толстенькие и коричневые. «Рыжики» крепко спали, но потревоженные нами ближние зверьки стали сонно отползать в дальние углы.

С помощью специального манипулятора мы выудили из темноты всех вечерниц и поместили их, надев на руки-крылья алюминиевые колечки. Проведя паспортизацию, отпустили стрекочущих и кусающихся зверьков обратно в их зимнее общежитие.

Возвращались домой уставшие, но удовлетворенные. Высказывали друг другу надежды, что, авось, когда-нибудь нам крупно повезет — из Бюро кольцевания СССР придет, наконец, желанная карточка, которая сообщит нам о поимке кого-то из наших летунов.

Ведь пока еще единственным результатом был возврат вечерницы, окольцованной в этом же здании. Она была поймана 6 декабря 1965 года в поселке Маканчи, в 600 километрах от Алма-Аты. Для нас этот рубеж казался эверестовым.

И вот неожиданно надежда сбылась. Спустя чуть более двух месяцев после кольцевания мы получили небольшой бланк. Под стандартными надписями были впечатаны данные: номер 118894, серия «Р», пол — самка, дата находки — 31 мая 1978 года, место — Алтайский край, Завьяловский район, поселок Малиновский. Это более 1200 километров от Алма-Аты!

Малиновский находится в лесостепной зоне Кулундинской степи, почти на одной широте с Барнаулом. Туда, а, возможно, еще далее кочуют самки наших рыжих вечерниц.

Что побуждает их теплыми майскими ночами преодолевать большие расстояния? Исследователи пока еще не дают однозначного ответа. Возможно, они летят в далекий Алтайский край, чтобы произвести на свет потомство. Лето там яркое, насыщенное зеленью, а главное — обилие крупных насекомых. По-видимому, все это и позволяет успешно выкармливать прожорливых детенышей, которые в сорокадневном возрасте уже догоняют родителей. К сентябрю матери с одним или двумя «чадами» возвращаются в родной город.

Расскажем еще об одном представителе славного племени рыжих вечерниц. История, которая с ним приключилась (а это был самец), началась почти прозаически. Его обнаружили в корзине для бумаг и мусора. Случилось это в одном из проектных институтов нашего города. За окном стоял промозглый ноябрь. Найденыш робко вздрагивал и пытался укрыться за бумагами, с которыми его вытряхнули на пол. Окружавшие зверька сотрудники отнеслись к нему по-разному: кто — брезгливо морщась, кто — со страхом, а кто — с любопытством. Обсуждая случившееся, говорили и о дальнейшей его судьбе...

Мир всегда был и есть не без добрых людей: одна женщина отнесла «рыжика» домой и поселила в коробке из-под обуви, проделав внизу круглое отверстие и повесив ее на стену. Хозяйка как-то догадалась, а, может быть, разузнала, что именно этот вид летучих мышей более всего привязан к дуплам или скворешникам. Так или иначе, но жилище пленнику понравилось. Впоследствии его благоустроили, приладив к задней стенке коробки некое подобие лесенки, по которой зверек, забавно пятясь головой вниз, не спеша забирался в верхнюю часть своего убежища и тотчас там засыпал.

С первых же дней у хозяев зверька возникла проблема, чем и как его кормить. Были перепробованы и кашки, и молоко, и колбаса, и разное по происхождению мясо. Рукокрыл проявил должную сноровку и из длинного ряда предложенного сразу выделил молоко и нарезанное «червячками» мясо, но не всякое! Он быстро отверг птичье, баранье и скотское, остановился на свином. Его

зверек обожал, и, подползая к миске, изготовленной из крышки от кефира — это была его порция, — забавно почмокивал, поедая эти кусочки и, очевидно, плохо справляясь с волокнами столь крупных животных. Ведь жуки и ночные бабочки легко расчленились его зубами, а теперь приходилось приспособливаться.

Пролетали недели, месяц, другой, наш рукокрыл заметно поправился и даже стал ленивее: чаще спал днями напролет. Пришел март. Потекли ручьи из-под грязного потяжелевшего снега, на дворе захлопотали воробьи, запели черные дрозды свои приятные переливистые песни. Проснулся и стал активным «рыжик». Он имел «солидный» вид: ведь голодать ему не пришлось, как его сородичам, зимовавшим в полых стенах домов и дуплах.

Заботливое, доброе к себе отношение хозяев зверек заслужил покладистым и мягким характером. Он прекрасно отзывался на позывы, почмокивания, которыми мы, люди, чаще всего подзываем щенков. Он перелетал из комнаты в комнату на этот зов и не обязательно за пищей. На удивление хозяйки и ее знакомых зверек очень привязался к ней и любил находиться у нее в ладонях или на свитере, где-нибудь уютно зацепившись на груди или у плеча. Устроившись, он начинал забавно почесывать себя одной из задних лапок, облизывался, зевал и — сладко засыпал.

Семья, в которой вот уже более трех месяцев жил «рыжик», тоже привязалась к этому странному с бульдожьей мордочкой существу. Прошло некоторое время, и хозяйка написала письмо в газету, рассказав много интересного о своем маленьком жильце, но и задала немало вопросов. Из редакции позвонили в Институт зоологии и попросили прокомментировать столь необычный случай приручения рукокрылого.

Действительно, случай довольно редкий: ведь большинство летучих мышей, перебивавшее у меня в руках, отчаянно сопротивлялось, кусаясь, или же съеживалось от испуга. А здесь моим глазам предстало забавное существо, потешно семенящее по гладкому полу за хозяйкой по комнатам. Прямо-таки сказочный тролль! Однажды уже на исходе марта мы с хозяевами выпустили их друга на свободу — в фиолетовую синь алматинского вечера. А точнее, это были светлые сумерки. Зверек с минуту посидел на подоконнике открытого окна на пятом этаже, оттолкнулся, полетел и, покружив немного во дворе, исчез совсем.

На его предплечье надето кольцо, специально выкрашенное ярко-алым лаком. Теперь зверька можно легко увидеть и выделить из большого числа таких же зимующих «рыжиков» в одном из старых зданий нашего города. Его паспортные данные: серия «Р», номер — 52055, помечен 20 марта 1980 года в Алма-Ате. А добрые люди, которые заботливо опекали его всю зиму, показали пример замечательного взаимоотношения человека и дикого животного.

Весенний манифест

Не случилось ли вам, поднимаясь утром с постели, ощутить вдруг слегка необычное в февральскую пору явление нового дня, наполненного какими-то неожиданно радостными предчувствиями?

В чем же дело? Почему так быстро дремотное состояние сменяется бодростью и жизнерадостной заинтересованностью?

Воробьи! Вот он, тот самый пернатый народец, который довольно-таки невозмутимо превозмогал зимние «удовольствия» бок о бок с немногими другими видами птиц, а теперь веселым и звонким многоголосьем наполняет все вокруг. Такое приятное и чистое «чиликанье» слышится зимой. Весенний же воздух наливает его силой и искусством!

Бедный февраль! Удрученный торжеством птичьих голосов, едва поддерживая свое уже подточенное здоровье, он все же отчаянно сопротивляется теплу. Присвечивая себе в ночи простуженным месяцем, нетщательно и торопливо сковывает он морозом почву, которую уже начинают питать весенние соки. Перебегая от одного уцелевшего сугроба к другому, предохранительно покрывает их своими ладонями — «греет». Немошно и сокрушенно проводит он бессильными «руками» холода по темным, будто отяжелевшим ветвям деревьев...

Но не устоять холодам! Где-то там, далеко, за тысячами километров собираются в путь Великие Птичьи Полки. Свежие весенние запахи, слитые в одно общее движение всех жизненных сил, сокрушают упрямого Старца: кряхтя уходит февраль в разрушенные ворота Зимы. А в другие — триумфальные праздничные ворота — жалуют долгожданные гости, меньшие сограждане наши — птицы. Направляемые сложными и во многом еще загадочными для нас, людей, механизмами инстинкта, птицы дружно втягиваются в перелет. Природа за миллионы лет предусмотрела для своих пернатых творений условия жизни, предписав им прибывать в означенные места в четко выверенные сроки. Заметим, что все меньше необъяснимого сохраняется в содержании тайны перелетов. Ученые-орнитологи успешно и с большим увлечением работают над окончательным разъяснением этой удивительной загадки Природы.

Итак, свершается Весна. Если мы с вами живем в таком большом городе, как Алма-Ата, то, чтобы испытать интерес к птицам, нужно уехать в Природу. И там не потребуется ни напряжения, ни особой пристальности, чтобы заметить птицу и любоваться ею. К нашему удовольствию пернатые — одни из самых открытых существ со многими приметными особенностями. Они в большинстве своем подвижны, приятноголосо, комичны и почти сообразительны.

Если в вас воспитано уважение ко всем живым созданиям Природы, шедеврам ее творчества, вы полюбите по-настоящему птиц. И никогда вас не пресытят наблюдения за этими яркими, темпераментными и изящными существами, которые вносят очарование в наши хоры, леса и степи, особенно в весеннюю пору!

А. Ф. КОВШАРЬ

В чужой стихии

Как-то погожим майским вечером, завершив обследование низовьев реки Талас и окружающих ее пустынных пространств, мы возвращались в город Джамбул. Когда до города оставалось всего километров двадцать, я вспомнил, что где-то поблизости должно быть озеро Сингербай, на берегах которого, как мне рассказывали, гнездятся журавли-красавки. Проверить это было очень заманчиво. Поэтому, несмотря на позднее время и общую усталость, я обратился к руководителю экспедиции с просьбой свернуть к озеру.

К моему удивлению, Иван Моисеевич сразу же согласился, и вот после получаса петляний по разбитым проселочным дорогам и расспросов то в одном селе, то в другом наш выдавший виды запыленный УАЗик остановился, наконец, на зеленой лужайке у крохотного, но живописного озерка. Берега его густо поросли тростником, на противоположном берегу виден был какой-то дом отдыха, а прямо перед нами расстилался широкий открытый плес. Рядом тархтел трактор, а по дороге то и дело проезжали машины.

Несмотря на такую близость цивилизации, озерко жило своей жизнью. На открытом плесе плавали утки и лысухи, в дальнем углу держался выводок большой поганки, или чомги. Из тростниковых крепей доносились крики камышниц, а скрипучие голоса дроздовидных камышевок состязались с дружным хором озерных лягушек. По берегам кормилось несколько черноголовых трясогузок и прилетевшие из поселка угод и пара скворцов, в воздухе стремительно носились, спускаясь до самой воды, деревенские и береговые ласточки. Журавлей вокруг не было видно, и только вдали, на фоне заходящего солнца, высоко в небе медленно проплывали два характерных величавых силуэта, но кто это был — серые журавли или красавки — так и осталось неясным.

Повисшее над горизонтом солнце осветило озерко косыми лучами, и на воду легли длинные тени от стеблей тростника. Пора было ехать обратно. Но когда я, подойдя к машине, бросил последний взгляд на озеро, то заметил, что поверхность его, бывшая еще минуту назад зеркальной, оказалась прочерченной

какой-то линией, которая все удлинялась, образуя впереди себя расходящиеся круги. По озеру кто-то плыл.

Каково же было мое удивление, когда, посмотрев в бинокль, я обнаружил, что это была... ласточка! Обыкновенная светло-бурая береговушка, намокшее оперение которой казалось сейчас почти черным. Странно было видеть эту властительницу воздуха в столь необычной для нее обстановке. Узкие, серповидно изогнутые крылья ее, так восхищающие нас легкостью и грациозностью своих движений в воздухе, сейчас намокли и беспомощно обвисли, напоминая скорее ходули или костыли, которыми птичка с видимым усилием опиралась о воду, занося их далеко вперед и рывком приподнимая тело над водой. После нескольких таких рывков, отдаленно напоминающих плавание стилем баттерфляй, ласточка подолгу отдыхала, распластав на воде крылья, а потревоженная ее продвижением вода светилась за ней шлейфом из пузырьков воздуха.

Затаив дыхание, следили мы за этим поединком маленькой птички с чужой для нее стихией. Путь ее лежал к тростнику, взобравшись на наклонные стебли которого, ласточка могла бы просушить крылья и улететь. Вот уже до спасительных стеблей остается метров двадцать, затем десять, пять, и наконец птичка скрылась в густых тростниковых зарослях. Расстояние в тридцать метров она преодолела за три минуты, тогда как летящей для этого понадобилось бы не более нескольких секунд...

Трясаясь по ухабам разбитой дороги в наступающих сумерках, мы долго обсуждали только что виденное. Как ласточка попала в воду? Видимо, во время питья налету она не рассчитала то ли угол наклона, то ли скорость — вот и зачерпнула лишку воды. Как она сумела так долго продержаться на воде? В этом нет ничего удивительного. Ведь удельный вес птиц очень мал, и не только за счет пневматичности скелета и расположенных в полости тела воздушных мешков. Сам перьевой покров удерживает очень много воздуха и служит как бы спасательным кругом. Поэтому любая птица может держаться на воде, пока перо ее окончательно не намокнет. Известны случаи вынужденной посадки на воду в океане даже таких сухопутных птиц, как перепел. Вся загвоздка в том — как взлететь? Ведь сухопутная птица не может разбежаться по воде и оттолкнуться от ее поверхности при помощи перепонки на пальцах ног, как это делают, например, утки. Но наша ласточка нашла выход, добравшись до спасительного тростника.

Воинственный дрозд

В одной из старинных народных басен хитрая лиса шантажирует глупого и доверчивого дрозда, только что начавшего строить гнездо: она грозит съесть его будущих птенцов в случае, если он не выполнит ее условий. Басня не уточняет, о каком из 15 видов встречающихся в нашей стране дроздов идет речь, но можно смело утверждать, что это был не деряба. Самый крупный среди своих собратьев, он помещает гнезда преимущественно на хвойных деревьях и, как правило, довольно высоко над землей, куда лисе никогда не добраться. Но и против тех врагов, которым доступна любая ветка дерева, деряба далеко не беззащитен. Пока самка строит гнездо или насиживает яйца, самец зорко охраняет ее, сидя на верхушке одного из соседних деревьев. Завидев опасность, например, летящую сороку или ворону, он трескучим криком предупреждает свою подругу, а сам тотчас вылетает навстречу врагу. Сюда же устремляется и слетевшая с гнезда супруга, и вдвоем они задают хорошую трепку нарушителю невидимой воздушной границы. Так же ожесточенно, с непрерывными криками преследуют они в кроне гнездового дерева белку или куницу.

После появления в гнезде птенцов дрозды еще более смелеют. Теперь даже человеку небезопасно появляться у их гнезд, особенно у тех, где птенцы уже большие. Завидев человека, берущего из гнезда птенца (например, чтобы его окольцевать или измерить), деряба издали разгоняется и молча стремительно пикирует прямо в лицо. И только в полуметре, а то и меньше, вдруг резко сворачивает в сторону, издавая при этом пронзительное верещание. Если такая атака застает человека врасплох, можно от неожиданности даже упасть с дерева. Мне не раз приходилось подвергаться таким нападениям, а также видеть их со стороны. И каждый раз восхищались смелостью и самоотверженностью птицы, которая рисковала жизнью, так как ничего не стоило поймать ее сачком или даже сбить палкой. Это один из ярких примеров проявления великого инстинкта охраны потомства.

Но однажды мне пришлось столкнуться с аналогичным поведением дерябы в несколько иных обстоятельствах, когда не было ни гнезда, ни птенцов.

Как-то я выкормил выводок из трех птенцов дерябы, взятых из гнезда в высокоствольных арчевниках Таласского Алатау в Западном Тянь-Шане. Все три выкормыша, жившие в одной клетке, хорошо перезимовали и к весне запели.

Случилось так, что ранней весной мне пришлось выпустить их на волю. Двое улетели в первые же дни, а третий остался жить во дворе, облюбовав себе место на шелковице против порога моего дома. «Привязанность» его к хозяину в пер-

вые же дни жизни стала выражаться весьма странным образом. Стоило мне утром открыть дверь, как дрозд срывался с ветки и с воинственным трескучим криком пикировал мне прямо в лицо, резко сворачивая в сторону всего в полуметре от глаз. Несколько раз он не рассчитал и сбивал головной убор, больно царапая при этом голову. Других людей он не трогал, меня же атаковал по нескольку раз в день. Вывешенная на дерево кормушка с кормом не успокоила птицу. Атаки продолжались недели три, пока я не уехал на длительное время. Впоследствии соседи рассказывали, что дрозд караулил во дворе еще несколько дней и только после этого исчез — видимо, улетел в горы, расположенные всего в нескольких километрах от села. До сих пор мне не ясен смысл этого загадочного поведения.

Островитяне пустыни

Обширная глинистая пустыня Бетпак-Дала славится своей засушливостью. Только весной, в апреле и мае, большинство мало-мальски пониженных мест залито тонким слоем талых и дождевых вод, а берега этих временных водоемов зеленеют свежей травкой. Обширные красные и желтые поляны образуют кратковременно цветущие маки и гусиные луки. Все в пустыне спешит максимально использовать недолговечную весеннюю влагу.

Но уже в июне мелководные разливы высыхают, и растительность увядает, придавая всему ландшафту характерную желтовато-серую окраску. Найти в это время воду, особенно в центральных частях пустыни, почти невозможно. Лишь кое-где в местах изолированных выходов скал среди безбрежной глинисто-щебенистой равнины попадаются крохотные источники, как правило, горько-соленой воды.

Один такой источник имеется в урочище Тесбулак, расположенном примерно в пятидесяти километрах к югу от знаменитого Кобашика — геометрического центра Бетпак-Далы. Здесь из небольшой трещины в наклонно выступающих из земли красноцветных горных породах сочится слабая струйка, наполняющая небольшую лужицу, к которой регулярно летают саджи и даже очень редкие здесь белобрюхие рябки.

В середине июня, когда мы посетили это место, струйка уже практически иссякла, и лужица находилась на одной из стадий высыхания: вместо воды здесь была жидкая грязь, занимавшая площадь всего в несколько квадратных метров. И грязь эта... шевелилась! Присмотревшись внимательно, мы увидели, что поверхность ее усеяна тысячами малюсеньких жаб. Будучи не более двух сантиметров в длину, они, видимо, только что лишились

хвостов и готовы были мигрировать из родной лужи, в которой вывелись. Но куда? Вокруг такая сушь, которой просто не вынести влажной, незащищенной коже этих амфибий. А вокруг на десятки километров — ни одного водоема. Вот уж, поистине, остров на суше...

Здесь же, рядом со скалами и как бы под их защитой, располагался другой «островок» — участок мягкой супесчаной почвы, поросший редкими кустами саксаула. Площадь его была несколько сотен квадратных метров. Такие «оазисы» встречаются среди заросшей боялычем равнины центральной Бетпак-Далы почти так же редко, как водные источники, и расстояния между ними равны десяткам километров. Ближайший от этого места «островок» саксаульника видели мы в урочище Чекменказган, примерно в тридцати километрах отсюда.

В каждом из этих островков — своя растительность, непохожая на окружающую. И свой животный мир. Здесь выют гнезда туркестанские и серые сорокопуты, которых не встретишь на боялычевой равнине. Но что удивляет больше всего — так это встреча со среднеазиатской черепахой.

Принято считать, что в Бетпак-Дале черепахи нет. И действительно, на огромных равнинных пространствах западной и центральной частей этой пустыни, где плотные глинистые почвы чередуются с голой щебенкой, это животное отсутствует. Видимо, такая почва не очень-то подходит для рытья убежищ.

Но в островках саксаульников на мягкой почве черепаха живет. Об этом красноречиво свидетельствовали не только старые панцири от погибших животных, но и свежеразрытые кладки с остатками яиц — мы нашли их более десятка. А вот, наконец, и живая черепаха, запрятавшаяся у основания куста саксаула! Судя по всему, эти рептилии живут здесь давно, да и численность их не такая уж маленькая, если можно. Сделать столько находок за какие-нибудь два часа экскурсии.

Как же проникла сюда тихоходная черепаха через большие пространства, неподходящие для ее обитания? А, может, она вовсе и не преодолевала их, а сохранилась вместе с островками, которые и сами некогда занимали гораздо большие площади и, возможно, даже смыкались друг с другом?

Вопросов возникает много, и ответы на них надо искать там, в пустыне.

Грозные соседи

Лиса и журавль только в сказке ходят друг к другу в гости. В действительности же, окажись они соседями — несдобровать журавлям или журавлиным яйцам, покоящимся в гнезде на земле. Казалось бы, что может противопоста-

вить красивая и нежная птица острым зубам и хитрости зако-ренелой хищницы? Разве что выручит болото, среди которого, как правило, устраивает свое гнездо серый журавль.

Но не все журавли живут на болотах. Самый маленький из них, прозванный за изящество форм и окраски журавлем-красавкой, населяет сухие степи и полупустыни. Правда, вода и ему нужна ежедневно, но он довольствуется двухразовым посещением водопоя утром и вечером, а гнездо свое устраивает на сухом месте, в километре и более от воды. В этих же местах селится и маленькая лисичка, именуемая корсаком,— это как бы вдвое уменьшенная копия обыкновенной лисицы. Однажды мы стали свидетелями соседских взаимоотношений корсака и красавки.

В конце апреля мы выехали в долину реки Копя, на юго-запад Алма-Атинской области, чтобы понаблюдать за журавлями-красавками. Весь апрель здесь шел их хорошо заметный пролет, а в середине месяца на месте овечьего водопоя у разливов артезианской скважины собиралось до тысячи этих красивых птиц. Жаркий полдень они проводили у луж, плотно сгрудившись, а утром и перед вечером разлетались на посевы ячменя, где, наряду со всходами, местами было немало незаделанных в почву семян. В конце апреля, приехав сюда, мы уже не застали журавлиных стай, но встретили пару, которая улетала от водопоя все время в одном направлении.

Наблюдая за этой парой в бинокль, я заметил, что журавли каждый раз садятся примерно в одном месте, около километра от водопоя и столько же от меня. Приземлившись, птицы какое-то расстояние идут вместе, а затем одна из них остается, а вторая отходит и начинает кормиться или чиститься в 50—100 метрах. Наведя на оставшуюся птицу 60-кратную подзорную трубу, я убедился, что она сидит на гнезде.

Это была большая удача: в первый же день и без всякого видимого труда найти гнездо такой редкой, осторожной, а главное — очень нужной нам птицы! Пронаблюдав за насиживающей красавкой около трех часов, в течение которых птицы один раз сменились и один раз слетали на водопой, я как будто хорошо запомнил место расположения гнезда среди унылой однообразной равнины, поросшей скудной травкой. Однако по опыту я знал, что вблизи местность будет выглядеть иначе, а тщательно выбранные ориентиры потеряют свой первоначальный облик. Поэтому, отправляясь к гнезду, я показал эти ориентиры товарищу и договорился, что он знаками будет показывать мне, в какую сторону я уклонился. Прodelав все это, я вышел в путь со спокойной совестью человека, который все предусмотрел.

Полпути я прошел, время от времени проверяя в бинокль, сидит ли на гнезде журавль. Все шло хорошо: птица и не думала реагировать на человека, идущего на столь большом расстоянии — более полукилометра. Но вот между мной и гнездом

невесть откуда появился небольшой зверек и со всех ног пустился наутек от меня — прямо на гнездо.

Рассмотрев в бинокль зверька, я похолодел. Это был корсак. Выходит, я сам направил его на гнездо несчастных журавлей. Сейчас он вспугнет самку и полакомится птенцами или яйцами. И ничем помочь птицам я не могу, так как в руках у меня только бинокль и фотоаппарат, да и не успею я добежать — ведь до гнезда еще несколько сотен метров.

Но не успел корсак приблизиться к гнезду и на двести метров, как навстречу ему вылетели один за другим оба журавля. Первый налетел на него и сильно ударил клювом, почти опрокинув, второй проделал то же, стараясь ударить еще и крыльями. После этого обе птицы сели в десяти-пятнадцати метрах от зверька, по разные стороны от него. Корсак, поджав хвост, кинулся в сторону и тут же получил удар от одной из птиц. Но он уже вырвался из их окружения и что есть духу мчался в сторону от гнезда. Журавли преследовали его еще метров двести и только потом обратили внимание на меня. Отлетев на полкилометра, они стали кормиться, как будто ничего не произошло.

Очнувшись после столь впечатляющего зрелища, я попытался вернуться к поискам гнезда, но не тут-то было! Ориентиры, которыми служили, как мне казалось, пучки травы определенной формы, вблизи оказались целыми травянистыми полянками, и были они, как две капли воды, похожи одна на другую. Вдали, где-то у самого горизонта, товарищ делал мне какие-то знаки, но смысл их был непонятен даже при рассматривании в бинокль. Потоптавшись около часа, я понял, что гнезда мне сегодня уже не найти, и, чтобы не мешать больше птицам, убрался восвояси.

Пока я дошел до лагеря, спустились сумерки, и даже в подзорную трубу нельзя было рассмотреть, вернулись ли журавли к гнезду. Проклиная себя за то, что так долго попусту тревожил птиц, я дал себе слово, что завтра, если все будет нормально, поеду искать это гнездо на машине.

Утром чуть свет я уже настроил трубу, но освещение было еще очень слабое, чтобы в нее можно было что-нибудь увидеть. Только через час удалось убедиться, что птица как ни в чем не бывало сидит на гнезде. Решив понаблюдать за ней до полудня, а потом попробовать подъехать на автомашине.

И вот мощный ГАЗ-66 медленно направился в сторону гнезда. Водитель Виктор Капитоныч также изучил ориентиры и по дороге рассказывал мне, как легко мы теперь найдем это гнездо. Однако на полпути вчерашняя история повторилась. Снова из того места выскочил корсак и снова оба журавля гнали его.

Гнездо я обнаружил только через час — после того, как отправил назад машину, а сам, устроившись в скрадке в полукилометре от гнезда, пронаблюдав за очередным возвращением журавлей к нему. И все это время я не переставал удивляться, какими грозными соседями для корсака оказались эти мирные птицы.

Храбрые красавки

Степные журавли-красавки — лучшее украшение наших степей. После освоения целины уже в шестидесятые годы они были редкими в Центральном Казахстане. Но в последние десять-пятнадцать лет численность их во многих местах стала возрастать, и сейчас в Целиноградской и Карагандинской областях они вновь стали вполне обычными. Это кажется удивительным, ведь степи год от году интенсивно осваиваются, заселяются человеком. Всюду рыскает немало полубродячих чабанских собак. Как спасают птицы свои расположенные на земле гнезда и беспомощных нелетных птенцов от хищников? Об этом повествует предыдущий рассказ «Грозные соседи». Но вот еще примеры.

Раннее утро в долине почти сухой уже в середине июня реки Куркарасу, что на юге Нуринаского района Карагандинской области. Еще в полусне слышу тревожные крики красавок. Сприсоннок хватаю бинокль и осторожно приоткрываю выход из палатки. На противоположном берегу метрах в ста пятидесяти вижу, как два журавля, взмахивая своими огромными крыльями и вытянув длинные лапы, с разных сторон атакуют рыжеватую поджарую лисицу. Хищник вертко крутится на месте, бросаясь то на одну, то на другую птицу, но затем, улучив момент, несется к зарослям рослой караганы. Однако, как бы предвидя маневр, одна из птиц, залетев вперед, преградила хищнику путь, вынудив повернуть в открытую степь. Метров четыреста-пятьсот еще преследовали оба журавля хищницу. Лишь после этого одна из птиц возвратилась к месту, где пряталась замеченная нами накануне пара их желтоватых пуховых птенцов. Другая же птица продолжала преследование и возвратилась лишь минут через тридцать.

Или другой пример. Ясным днем конца мая мы ехали на автомашине по степной проселочной дороге на севере Нуринаского района. И вдруг наше внимание привлекло странное поведение журавля-красавки. Он летел метрах в ста параллельно ходу машины на высоте около метра над землей с вытянутыми вперед-вниз ногами, словно хотел ими что-то схватить. Мы стали приглядываться и увидели, что журавль догоняет корсака. Вот птица уже над ним. И вдруг корсак переворачивается на спину и

начинает отбиваться лапами от успевшего сесть на землю журавля. Птица же била хищника крыльями и наносила удары клювом. Это длилось примерно полминуты, после чего корсак снова бросился удирать, а журавль его преследовал сначала бегом по земле, а затем по воздуху. Через двести пятьдесят-триста метров корсак снова был вынужден отбиваться, лежа на спине, от наседавшей птицы. Затем погоня и борьба повторялись еще дважды, пока корсак куда-то не исчез, должно быть спрятался в сурчиную нору. Журавль возбужденно стал ходить, полураспустив крылья, словно отыскивая исчезнувшего хищника, пока не скрылся из наших глаз в понижении рельефа. Он преследовал корсака от места, где был замечен, по меньшей мере километр.

Так же бесстрашно две пары журавлей, гнездившихся друг от друга на расстоянии полутора-двух километров, то одна, то другая отгоняли от своих птенцов нашу собаку-лайку, стоило той забежать в их владения.

Как видно, красавки, особенно когда их двое, могут успешно защищать свое потомство от степных хищников.

Сороке повезло

В ясное тихое утро конца августа мы завтракали в тени шелестящих осин в горах Жельтау, что на северо-востоке Карагандинской области. Вдруг послышался тревожный крик сороки. Прихватив бинокль, я вышел на опушку приручьего леса и увидел, как поперек безлесной долины летит приближающаяся к нам, панически стрекочущая, видимо, молодая сорока. Ее преследовала самка лугового луны. Сорока летела над самой землей, то и дело резко бросаясь из стороны в сторону, пытаясь увильнуть от когтей луны. Подумалось, что участь сороки решена. Но случилось непредвиденное. Навстречу птицам со стороны нашего лагеря вдруг вылетела серая ворона. Казалось, она направляется по своим делам, но, сблизившись с хищником, находясь метров на пятьдесят выше него, ворона вдруг резко спикировала вниз и вперед и с частым карканьем налетела на него. Тот шархнул в сторону. Ворона еще атаковала, затем еще — и лунь оставил сороку, поглощенный отражением атак неожиданного защитника. Сорока между тем достигла густых ивняков на краю леса и спряталась в них. Ворона же еще с минуту-две преследовала обороняющегося когтями луны, пока тот не скрылся за гребнем увала.

Осмысливая этот случай, можно подумать, что перед нами пример взаимопомощи птиц. В действительности же здесь, вероятно, сработала прирожденная вражда ворон к пернатым хищникам. Увидев близко луны, да еще ниже себя, то есть с позиции, удобной для нападения, ворона атаковала его и тем спасла сороку.

А. ЛОПАТИН

Отчаянная сплюшка

Это было в конце июня. В Ботаническом саду Алма-Аты, в гнездах сплюшек подросли птенцы, и мы с товарищем с утра, пока не наступила жара, принялись за их кольцевание. Каждый раз, подходя к очередному дереву с домиком-совятником, мы сожалели, что с нами нет лестницы. Висели совятники на старых деревьях, высоко — на уровне десяти-пятнадцати метров от земли, так как иначе гнезда часто разоряли досужие бездельники.

Дело потихоньку приближалось к концу, осталось окольцевать птенцов в двух гнездах. Сергей уже привычно подставил спину, я взгромоздился ему на плечи и, дотянувшись до нижних веток мощного дуба, стал подбираться к совятнику.

Почти добравшись, я увидел мамашу, сидевшую в двух метрах от домика. То, что это была именно она, у меня сомнений не вызывало — на лапке блестело кольцо, одетое при предыдущей проверке гнезда. Сейчас сова щелкала клювом, тарасила на меня глаза, поднимала «ушки» и перо «лица». Словом, все было, как обычно. Выглядело это забавно, и я невольно улыбался, видя ее желание напугать нежеланного гостя. «Ничего, придется немного потерпеть», — сказал я, продолжая забираться. Но то, что случилось дальше, для меня уже не было забавным.

Когда я поднялся до самого домика, совка, не выдержав, отлетела на метр выше, продолжая угрожать мне с более безопасного расстояния. «То-то же», — подумалось мне. Но едва я протянул руки, чтобы снять крышку с совятника, она молча сорвалась с места и, выставив вперед лапы, бросилась мне в лицо. Только я успел прикрыть его рукой, как по ней ударили острые коготки. Правда, ударом это не назовешь, скорее, было лишь касание, но от неожиданности я чуть не свалился. «Сергея! Смотри, что делает!» — заорал я. Наверное, в моем голосе было не только удивление, потому что мой напарник резко вскочил с земли, тревожно вглядываясь в крону дуба. В это время сплюшка еще раз атаковала меня, ударив лапами по волосам. Вероятно, с земли, да еще в восьмикратный бинокль это все представляло комичное зрелище, во всяком случае мой друг разразился хохотом, а я подумал, что с удовольствием поменялся бы с ним местами. Кольцевал птенцов я при почти сплошных атаках отчаянной сплюшки, а птенцов оказалось целых четыре, хотя в других гнездах по два-три.

Спускался я, если так можно выразиться, бегом. Но при спуске мне еще дважды досталось когтями по волосам.

Внизу меня ждал мой товарищ. Его лицо светилось от веселья, в глазах стояли слезы от смеха. Но остался еще один совятник, и взбираться к нему была теперь его очередь...

Пир хищников

Апрельским вечером, когда солнце закатывалось за зубцы большой тучи у горизонта, окрасив их в багрово-красный цвет, на противоположном берегу Улькайка — небольшой речки в низовьях р. Тургай — сел самец болотного луня. По-орлиному оглядевшись, он наклонился, оторвал что-то клювом и проглотил. В бинокль я разглядел, что хищник сидит на какой-то падали. Через несколько минут пролетевший мимо полевой лунь (тоже самец) круто изменил направление и опустился рядом. Две разного вида хищные птицы пожирали одну добычу, совершенно не обращая внимания друг на друга, хотя иногда касались длинными хвостами, поворачиваясь спиной к спине. Ели они торопливо, с жадностью заглатывая куски мяса.

Над речкой в поиске медленно летела самка болотного луня. Стоило ей оказаться метрах в десяти от места пиршества, как самец болотного луня взлетел навстречу с угрожающим видом. Самка шагнула было в сторону, но уже успела заметить добычу и решительно направилась к ней. Самец сделал еще одну безуспешную попытку прогнать непрошенную сейчас подругу, но затем удалился сам. И правильно сделал — самки хищных птиц заметно крупнее самцов. Завяжись драка, туго пришлось бы «первооткрывателю» падали. Но набить свой желудок он все же успел. В суматохе покинул пиршество и полевой лунь — от греха подальше, хотя его бы, скорее всего, инцидент не коснулся.

А самка болотного луня приземлилась и стала в одиночестве наслаждаться доставшейся даром пищей.

Пернатый рыболов

Оставшись один в лагере, я сидел в палатке. Было безветренно и очень жарко. По ярко-голубому июньскому небу тихо плыли облака, разбросанные, как огромные клочья ваты, по всему небосводу. У горизонта они почти сливались. Стояла тишина,

нарушаемая лишь пением жаворонков да монотонным «тявканьем» ходулочника, кормившегося неподалеку. Вдруг раздался сильный всплеск воды, как будто кто-то с силой бросил в протекавшую рядом речку Улькайка по меньшей мере кирпич. Я насторожился, ожидая, что кто-нибудь позовет меня сейчас с противоположного берега. Но было тихо. Спустя минуту раздался новый удар по воде.

«Да кто там в конце концов!» Я выскочил из палатки, но на берегу никого не было. А над рекой кружила крупная крачка — чеграва. Я вспомнил, что слышал резкое «гррак», но как-то не подумал, что удары о воду ее «рук дело». Как бы в подтверждение моих мыслей крачка на секунду зависла в воздухе и с высоты двадцати метров камнем упала вниз головой — вновь раздался сильный удар, словно веслом по воде. Нырок был удачен — в клюве у чегравы серебром блеснула рыбка.

Необычное поведение зимородка

В ловчую сеть из тонкой, едва заметной нити, поставленную посреди озера в степи под Алма-Атой, повторно за жаркий августовский день попался зимородок. Он был уже с кольцом на лапке, и я тут же, выпутав его из сети, отпустил на волю. Но зимородок, очевидно, не успел еще восстановить свои силы, сильно ослаб — не долетев метров двадцати до берега, он шлепнулся в воду. Несколько секунд лежал, бессильно распластавшись на поверхности воды. Я же отвлекся выпутыванием из сети очередного пленника — куличка и вдруг услышал слабые ритмичные шлепки по воде. Зимородок, высунувшись из воды более, чем наполовину, встав вертикально с плотно прижатыми к телу крыльями (как солдатик) и задрав вверх клюв, резкими толчками быстро продвигался к берегу. Он делал до десяти рывков вперед, затем ложился на воду и отдыхал несколько секунд. Вновь поднимался «во весь рост» и опять совершал эти странные, всем корпусом, прыжки к берегу. Когда до берега оставалось около пяти метров, зимородком не меньше меня заинтересовались два ходулочника. Они громко, выражая изумление, кричали и, вытянув шеи, подходили к странной, доселе невиданной, «прыгающей» птичке почти вплотную. Так и сопровождали ее. Вскоре зимородок достиг тростниковой поросли, выбрался на сушу, и я потерял его из вида.

Живые «барометры»

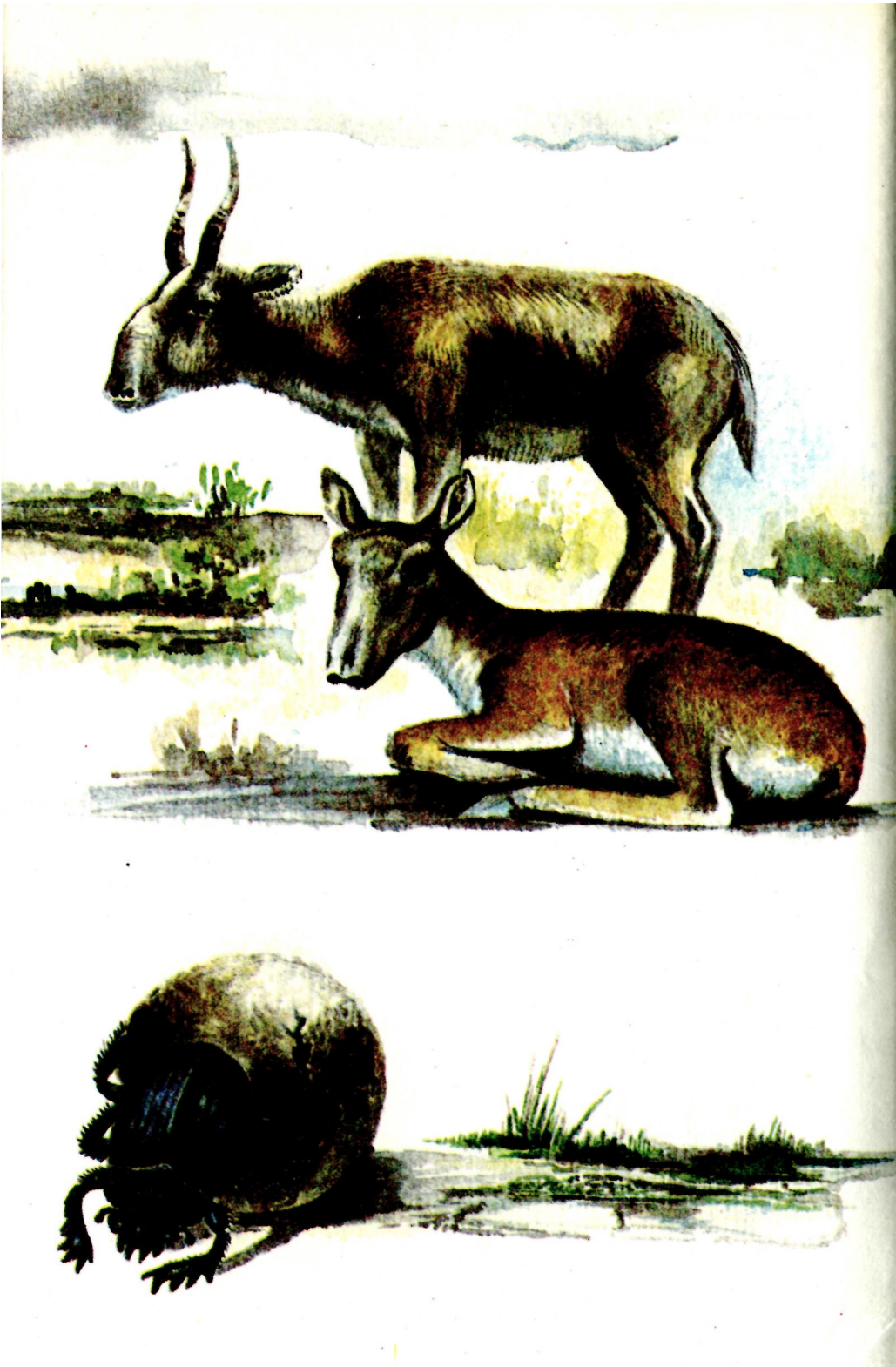
Многие животные чутко реагируют на изменения погоды. Известны как живые «барометры» и сайгаки.

Суровая кочевая жизнь, которую ведут эти антилопы, выработала в них удивительную приспособляемость. Не случайно о сайгаках сложены легенды, особенно широко распространенные среди животноводов. И это объяснимо.

Чабаны постоянно ориентируются на поведение сайгаков. Если зимой копытные начинают массовую миграцию в пески, так непременно жди сильного снегопада или разыграется буран. Если сайгаки уходят на юг — ожидается засуха. А если задерживаются на севере — будет поздняя осень. Весной чабаны не погонят скот на север до тех пор, пока не начнут откочевывать сайгаки. Так и проходит в весеннюю пору этот «процесс». Впереди идут сайгаки, через несколько дней после них кочует скот.

Удивительные способности эти дикие копытные проявляют и летом, в поисках водопоев. В местах летовок сайгаков (полупустыня и степи) обычно стоит ясная, жаркая погода. Кажется, до самого горизонта на небе ни облачка. И вдруг неожиданно сайгаки исчезают. Через несколько дней выясняется, что за десятки километров от места их стоянки прошли дожди, туда и устремились эти животные. Каким же тонким чутьем надо обладать, чтобы почувствовать влагу на таком расстоянии! Но это не вымысел, а сведения, полученные в результате многолетних наблюдений.

Возникает очень заманчивая идея: имея поблизости табун таких живых «барометров», можно по их поведению составить прогноз погоды. И безошибочный. Конкретное разрешение этого вопроса — задача ближайшего будущего.

В Карагандинских степях

Рассветный сон был прерван призывным лаем Найды — западносибирской лайки. В свои два года это была очень красивая белопалевая собака с хорошо развитыми охотничьими инстинктами. Ее лай говорил о том, что она «держит» какого-то зверя. Не замечая утренней сырости, я, быстро одевшись, выбежала из палатки. Тут же поняла в чем дело: ближайшая к лагерю клетка, в которой вчера вечером сидели семь байбаков, была пуста, а раздвинутая проволоочная путаница, которой мы пытались затянуть дыру в сетке, обтягивавшей остов небольшой клетки, рассказала о способе освобождения сурков. Найда метрах в ста от лагеря облаивала одного из беглецов, не давая ему сдвинуться с места. Пришлось в спешном порядке будить остальных участников переселения сурков. Изловчившись, я схватила зверька за хвост, затем, перехватив за задние лапы, понесла его к лагерю, а Найда уже «держала» второго. Тут подоспела помощь, и мы таким образом изловили пятерых беглецов. Двум все-таки удалось уйти. Одного сурка-прошлогодка Найда вынесла из воды. Байбачок проплыл уже метров двадцать до середины реки, когда собака догнала его и, перехватив как утку поперек туловища, вынесла на берег.

Наша группа по переселению сурков из мест затопления водами строящегося на реке Ащису водохранилища состояла из трех человек. Три наших палатки стояли у самого берега реки, крутой склон которого густо зарос солодкой, астрагалом, термопсисом, зизифорой, пестревшими в конце июня множеством белых, синих и желтых цветов. Река в этой части представляла собой чередование мелководных песчано-галечных перекатов и глубоких, до двух с половиной метров, и довольно широких, до пятидесяти метров, плесов. «Наш» плес и был именно таким. В сторону верховья реки он мелел и сильно зарос тростником и рогозом, камышом и осоками. Левый берег реки был более пологим, топким, за ним сразу начиналось пшеничное поле. Холмистая типчаково-ковыльная степь, на которой видны были холмики сурчиных бутанов, окружала лагерь с правого берега.

Наскоро позавтракав, мы выехали на работу. Отлавливали сурков методом выливания водой из нор*. Погода все время стояла жаркая,

* Этот способ при всей кажущейся жестокости является наиболее широко применяемым при переселении сурков, так как он все-таки наиболее добычлив и не причиняет вреда зверькам. Наши наблюдения еще раз подтверждают целесообразность именно этого метода при отлове больших партий сурков за сравнительно короткий срок.

сухая. В кабине старенькой автомашины ГАЗ-52 часам к одиннадцати от солнца и работающего мотора становилось жарко, как в топке паровоза. Сильный ветер, постоянно дующий в карагандинских степях, не приносил облегчения, так как сам был сухим и горячим. В этот день, однако, выход сурков был хорошим, и в четырех клетках, притороченных по бокам цистерны с водой, сидели уже обсохшие и успокоившиеся байбаки. Вольные сурки еще были активны и виднелись группами на бутанах. Несмотря на усталость, мы решили обловить еще несколько нор.

На небольшом бугорке у самой реки увидели сурчину с сидящими на ней пятью зверьками. Все они юркнули в нору, как только мы стали к ним приближаться. Это была зимовочная нора с хорошо утрамбованным входом. Опустив шланг, стали наполнять нору. В нее поместилась вся цистерна — три целых четыре десятых кубических метра воды, едва заполнив вход. Однако сурки не вышли. Подождали минут пять, вода впиталась в землю, открыв сначала вход, затем освободив видимую часть норы, но все было тихо. Спустя еще десять минут снова наполнили нору свеженабранной водой, но результат был таким же. Ни один сурок не вышел. Слышно было, как обваливаются в глубине намокшие стенки норы, гулко шлепаясь в оставшиеся на дне лужицы. С тяжелым чувством прислушивались мы к этим звукам. Такое завершение удачно начавшегося дня сильно испортило настроение, так как мы были уверены, что сурки погибли.

На следующий день я осталась в лагере. Приготовив обед, решила сходить посмотреть на вчерашнюю нору, надеясь все-таки увидеть ее обитатель. И как же велико было мое радостное удивление при виде хорошо заметной в норе пробки из сырых земляных шариков. Как будто зверьки решили залечь в спячку не в обычные сроки десятого-двадцатого сентября, а тридцатого июня. Они словно хотели сказать: «Мы залегли в спячку. Больше нас не беспокойте». С облегчением посмеявшись, я пошла к лагерю. Случай можно объяснить тем, что в норе был тупиковый ход, направленный вверх. Вода его не залила из-за скопившегося в нем воздуха. Именно в этой части норы могли отсидеться сурки, а затем, чтобы предотвратить дальнейшее заливание, они заткнули вход пробкой. Видимо, так же они ведут себя и при случающихся изредка сильных наводнениях.

Через неделю эта нора была уже открыта, и на бутане однажды рано утром сидели пять сурков.

Барсук-агрессор

На холмистые Прикарасорские степи, что на северо-востоке Карагандинской области, опустилась звездная июльская ночь. Лишь негромкое побрякивание выводка шилохвостей на реке Карасу да потрескивание костра нарушали тишину. Уже совсем стемнело, мы заканчивали чаепитие, как вдруг неподалеку раздался пронзительный крик-визг погибающего байбака. Один из нас с фонариком поспешил на крик и вскоре позвал остальных: «Скорее, скорее! Сюда! Здесь барсук с сурком!» Захватив палку, мы устремились на зов и метрах в трехстах от лагеря увидели, как на откосе речного берега перед сурочьей норой боролись не на жизнь, а на смерть барсук и крупный байбак. Хищник, схватив жертву за голову, пытался оттащить ее от норы вниз под откос, а сурок, вырываясь, стремился к норе. Лишь будучи освещен фонариком и окружен людьми, барсук, как бы нехотя, оставил сурка и юркнул в нору. А байбак, тряся окровавленной головой, закружился на месте, теряя равновесие и падая. Пришлось его положить в мешок, а на барсука у входа в нору поставить капкан. Утром капкан оказался пустым, барсук ухитрился его избежать. Байбак же погиб. Это был взрослый, хорошо упитанный самец весом около пяти килограммов при длине тела в пятьдесят четыре сантиметра. Мощные челюсти барсука сделали свое дело.

Сразу возникли вопросы: как и где в такое позднее время встретил барсук байбака? Ведь сурки — дневные звери и с заходом солнца прячутся в норы. И еще. Что заставило барсука напасть на крупного здорового сурка? Ведь справиться с ним непросто, да к тому же в середине лета пищи барсuku предостаточно в виде различных насекомых, особенно многочисленных саранчовых.

На вопросы можно предположительно ответить так. Барсуки проникают в сурочьи норы легко, не расширяя их и, видимо, необитаемые используют в качестве временного убежища. В данной норе, судя по слабой сглаженности входа, сурки постоянно не жили, самец-байбак оказался в ней случайно. Барсук же, чья основная нора располагалась километрах в трех, вероятно, частенько заглядывал в байбачью «забегаловку», считая ее своей. Сунувшись и в этот раз, он получил отпор от байбака и схватился с ним.

И еще. Барсуки Центрального Казахстана не столь растительнойны и миролюбивы, как на юге республики с его обилием фруктов и ягод. В летних экскрементах барсука, как показали исследования, нередко встречались остатки сурков, что вызывает еще один вопрос: неужели барсук нападает на байбака так часто? Конечно, нет. Дело в том, что в этом районе ежегодно ведется плановый промысел сурка. Охотники добывают многие тысячи этих зверьков, берут шкуру и жир, а тушки бросают в неглубокие ямы, которые по окончании промысла кое-как засыпают землей. Некоторые же охотники просто выбрасывают тушки в какое-нибудь естественное углубление или в гус-

тые рослые кустарники. Этими тушками подкармливаются многие птицы и звери, в том числе барсуки. Привыкание к мясу байбака, несомненно, повышает агрессивность поведения барсука. И это подтвердилось в только что описанном случае.

Тайна

Ко мне попал волчонок, которому было два дня от роду. Темно-серый, слепой, с закрытыми слуховыми ходами, но лобастый комочек настойчиво пищал, требовал пищи. Срочно нужно было искать кормилицу. Эту роль предложили немецкой овчарке по кличке Мирта, у которой были пятидневные щенята. Не сразу, а после того, как волчонка обильно намазали сметаной и собака его облизала, он был принят в овчарочью семью. Как и у всех щенков, у Тайны (так назвали маленькую волчицу) на седьмой день открылись слуховые ходы, а на одиннадцатый — она прозрела.

Когда ей исполнился месяц, я забрала ее к себе домой, и у моего пятимесячного щенка дога по кличке Султан появился неутомимый партнер по играм. Два дня Тайна дичилась, пряталась под диван, но потом, освоившись, первой стала выскакивать навстречу, безошибочно узнавая своих по шагам. Встрече радовалась бурно, извиваясь всем телом, взмахивая хвостом и стараясь подпрыгнуть повыше. Повзрослев, она клала передние лапы на плечи и часто, но не сильно покусывала резцами мой подбородок...

Волчица любила гулять, однако ходить на поводке по улицам, как собака, она так и не научилась. Всегда боялась встречных людей. Рядом с домом, а жила я почти в центре Караганды, был обширный пустырь на месте снесенных ветхих глиняных домишек. Сегодня здесь красуется новый современный микрорайон, а тогда...

На пустыре от старых строений почти не осталось и следа — бульдозер сравнял их с землей. Только торчащие то там, то сям из земли обломки потолочных перекрытий, разбросанные старые ведра, кастрюли, спинки от кроватей и другой хозяйственный хлам да оставшиеся обильно цветущие весной яблони напоминали о былом жилье.

Тополиная аллея с высокими, начинающими уже засыхать деревьями да старый огород, заросший кое-где выше человеческого роста полынью, были любимыми местами игр подрастающей волчицы. Гуляя свободно на пустыре, она еще издали — за километр — замечала идущего человека, безошибочно отличая его от других движущихся объектов, и тут же пряталась в кусты, высокую траву или отбегала подальше. Через некоторое время Тайна выглядывала, оценивая обстановку, и, если находила все спокойным, продолжала прерванную игру.

Знакомым и соседям я говорила, что Тайна — овчарка. Но когда моя «овчарка» в июле завывала, я не шутку испугалась. К счастью, выла она только по ночам и всего неделю, затем «концерты» прекратились...

Наступил декабрь. Тайна перелиняла и выросла с хорошую крупную овчарку. Она по-прежнему очень любила гулять — ей нужно было минимум пять часов на прогулки. Я же работала, училась вечерами в университете, поэтому, поздно приходя домой, выпускала Тайну и Султана одних на пустырь. Дог, зимой особенно, быстро приходил назад, а Тайна завела себе подружку среди бездомных собак и с нею гуляла до трех-четырех часов ночи. Нередко мне приходилось вставать, идти и забирать волчицу, буквально неся «гулену» домой.

В одну из таких декабрьских ночей, почувствовав что-то недоброе, я раньше обычного вышла посмотреть Тайну — и увидела на пустыре два автобуса. В освещенный салон одного из них входили двое мужчин с ружьями. Снег на пустыре был перемешан с землей, как будто здесь проходили автогонки. Оказалось, один из автобусов попал в яму, запорошенную снегом, и застрял. На другом автобусе «охотники» уехали...

Сутки мы с Султаном искали Тайну, на вторые вечером она сама пришла домой. В нее стреляли — на спине осталась отметина от картечи. Однако рана стала быстро заживать, так как мышечные ткани не были затронуты. С этой поры волчица боялась выходить из дома, очень пугалась гудения мотора стиральной машины и вообще как-то притихла.

Была чудесная декабрьская ночь. Небольшой мороз. В безветрии падал крупными хлопьями снег. Я пришла, как обычно, домой поздно вечером и выпустила погулять Султана, а с ним осторожно вышла и Тайна. Минут через пятнадцать собака вернулась одна, я пошла посмотреть, где же волчица. Ее нигде не было видно. Все вокруг залил лунный свет, и чистое мягкое снежное покрывало спрятало все прежние следы. Но одна акkuratная цепочка (след в след) вела к покосившемуся забору у старого брошенного сарая. Мертвая уже Тайна с блестящими на ее шерсти снежинками лежала у проема в заборе, а за ним виднелся в лунном свете полузасыпанный снегом кузов автобуса, напоминавшего тот старой марки ПАЗик, на котором, по-видимому, гонялись за ней десять дней назад. Вскрытие показало «разрыв сердца», как мы говорим в обиходе. Крупный сосуд, питающий кровью сердце, не выдержал высоко подскочившего давления крови в момент испуга при встрече волчицы с автобусом.

Я знаю не один десяток попыток держать волка дома. И все они рано или поздно, так или иначе заканчивались его гибелью. Нельзя втиснуть волка в городские рамки. Он не будет ходить «на поводке», как собака. Ему нужны условия, где он мог бы жить рядом с нами «на равных». Только так можно дружить с этим интересным зверем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Латинские названия основных животных,
упоминаемых в книге (в порядке русского
алфавита)

Агама степная — *Agama sanguinolenta*
Барсук — *Meles meles*
Белка-летяга — *Pteromys volans*
Бурозубка малая — *Sorex minutus*
Бурозубка тянь-шаньская — *Sorex asper*
Вальдшнеп — *Scolopax rusticola*
Варакушка — *Luscinia svecica*
Варан серый — *Varanus griseus*
Вечерница рыжая — *Nyctalus noctula*
Волк — *Canis lupus*
Волчок — *Ixobrychus minutus*
Ворон пустынный — *Corvus ruficollis*
Ворона серая — *Corvus cornix*
Ворона черная — *Corvus corone*
Вьюрок гималайский — *Leucosticte nemoricola*
Вьюрок красношапочный — *Serinus pusillus*
Гаичка джунгарская — *Parus songarus*
Галка — *Corvus monedula*
Галка альпийская — *Pyrrhocorax graculus*
Геккон серый голопалый — *Tenuidactylus russowi*
Геккон сцинковый — *Teratoscincus scincus*
Горихвостка красноспинная — *Phoenicurus erythronotus*
Горихвостка седоголовая — *Phoenicurus coerulescephalus*
Горностай — *Mustela erminea*
Джейран — *Gazella subgutturosa*
Джек, или дрофа-красотка — *Otis undulata*
Дикобраз — *Hystrix leucura*
Дрозд деряба — *Turdus viscivorus*
Дубонос арочный — *Mycerobas carnipes*
Дятел большой пестрый — *Dendrocopos major*
Дятел малый пестрый — *Dendrocopos minor*
Дятел трехпалый — *Picoides tridactylus*
Жаба зеленая — *Bufo viridis*
Желтопузик — *Ophisaurus apodus*
Журавль-красавка — *Anthropoides virgo*
Завирушка бледная — *Prunella fulvescens*
Завирушка черногорлая — *Prunella atrogularis*
Заяц-беляк — *Lepus timidus*
Заяц-русак — *Lepus europaeus*
Заяц-толай — *Lepus tolai*
Зимородок — *Alcedo atthis*
Еж ушастый — *Hemiechus auritus*
Кедровка — *Nicifraga caryocatactes*
Клест-еловик — *Loxia curvirostra*
Корсак — *Vulpes corsac*

Кукушка обыкновенная — *Cuculus canorus*
Курганник — *Buteo rufinus*
Ласка — *Mustela nivalis*
Ласточка деревенская — *Hirundo rustica*
Лисица — *Vulpes vulpes*
Лягушка озерная — *Rana ridibunda*
Медведь бурый тянь-шаньский — *Ursus arctos isabellinus*
Мухоловка райская — *Terpsiphone paradisi*
Нетопырь-карлик — *Pipistrellus pipistrellus*
Неясыть длиннохвостая — *Strix uralensis*
Овсянка желчная — *Emberiza bruniceps*
Огарь — *Tadorna ferruginea*
Пищуха алтайская — *Ochotona alpina*
Поползень обыкновенный — *Sitta europaea*
Росомаха — *Gulo gulo*
Сайга — *Saiga tatarica*
Семиреченский лягушкозуб — *Ranodon sibiricus*
Серпоклюв — *Ibidorhyncha struthersii*
Синица усатая — *Panurus biarmicus*
Синица московка — *Parus ater*
Синица пухляк — *Parus montanus*
Скворец майна — *Acridotheres tristis*
Слепыш гигантский — *Spalax giganteus*
Сойка саксаульная — *Podoces panderi*
Сова ушастая — *Asio otus*
Сорока — *Pica pica*
Сорокопуг чернолобый — *Lanius minor*
Сплюшка — *Otus scops*
Стрела-змея — *Psammophis lineolatus*
Сурок серый — *Marmota baibacina*
Сурок байбак — *Marmota bobac*
Сурок Мензбира — *Marmota menzbieri*
Суслик длиннохвостый — *Citellus undulatus*
Сыч домовый — *Athene noctua*
Тарантул русский — *Trochus singoriensis*
Тетерев — *Lyrurus tetrix*
Удавчик восточный — *Eryx tataricus*
Филин — *Bubo bubo*
Хорек степной — *Mustela eversmanni*
Чеглок — *Falco subbuteo*
Чеграва — *Hydroprogne caspia*
Чернеть хохлатая — *Nyroca fuligula*
Черепаха среднеазиатская — *Testudo horsfieldi*
Чечевица арчовая — *Carpodacus rhodochlamys*
Щегол седоголовый — *Carduelis caniceps*
Щитомордник восточный — *Agkistrodon halys*
Щурка зеленая — *Merops superciliosus*
Ястреб-тетеревятник — *Accipiter gentilis*
Ящурка сетчатая — *Eremias grammica*

Содержание

ГВОЗДЕВ Е. В.	Незримые нити	
	(вместо введения)	5
I. Жизнь в сообществе		
КОВШАРЬ А. Ф.	Самые крепкие узы	29
КУБЫКИН Р. А.	Сорбулакские этюды	47
ГАРБУЗОВ В. К.	Владыка Приаральской равнины	65
ФАДЕЕВ В. А., ФАДЕЕВА Т. В.	Длинноухий спринтер	79
ОРЛОВ Г. И., ОРЛОВА Н. Р.	Хозяева каменистых россыпей	89
КАСАБЕКОВ Б. Б.	Зверек с хоботком	97
II. Живые редкости		
БЛАНК Д. А.	Каракуйрюк— чудо пустыни	117
ГУБИН Б. М.	Жорга-торгай — птица-иноходец	127
МАХМУТОВ С. М.	Слепыш — житель подземелья	143
КАПИТОНОВ В. И.	Сурук из Красной книги	147
КАПИТОНОВ В. И.	Иглоносец	163
КОВШАРЬ А. Ф.	Отшельник высокогорных галечников	171
КОЛБИНЦЕВ В. Г.	Длиннохвостое райское диво	183
БРУШКО З. К.	Безногая ящерица в костной броне	193
III. Из блокнота натуралиста		
БЕРЕЗОВИКОВ Н. Н.	Воспитание по-медвежьи	219
	Встреча с росوماхой	220
	С помощью... перекасти-поля	221
	«Крылатая» белка	222
	Сусличья «солидарность»	223
	От двух смертей	—
	Сорочьи догонялки	224
	Неудавшийся грабеж	225
	Злопамятная ворона	—
	Самопожертвование или...?	227

	Осада	228
	Ночные охотники	—
	Сорочий враг	229
	Навозники	230
ЯКУШКИН В. Т.	Потомок древних исполинов	234
БРУШКО З. К.	Геккон-путешественник	236
КУБЫКИН Р. А.	Стрелка из Прибалхашья	238
	Усатка — птица из тростниковых зарослей	240
	Общительная сорока	243
	Тургайские встречи	246
	Джунгарские были	251
ГУБИН Б. М.	Догадливый медведь	254
	Охота из-под колес	—
	Находчивая варакушка	255
	Обманутая лисица	256
	Присада	257
	Приспособились!	—
	Лягушка из... полыньи	258
	Нелегкая черепашня жизнь	259
ШАЙМАРДАНОВ Р. Т.	Знакомые незнакомцы	262
	Две знаменитости	263
БЕСЕДИН Е. В.	Весенний манифест	269
КОВШАРЬ А. Ф.	В чужой стихии	271
	Воинственный дрозд	273
	Островитяне пустыни	274
	Грозные соседи	275
КАПИТОНОВ В. И.	Храбрые красавки	279
	Сороке повезло	280
ЛОПАТИН А.	Отчаянная сплюшка	281
ХРОКОВ В. В.	Пир хищников	282
	Пернатый рыболов	—
	Необычное поведение зимородка	283
ФАДЕЕВ В. А.	Живые «барометры»	285
БАУЭР Э. Л.	В Карагандинских степях	286
	Барсук-агрессор	289
	Тайна	290
ЛАТИНСКИЕ	НАЗВАНИЯ	293

В книге помещены фотографии:

Бланк Д. А. 31, 33, шмуцтитул —1
Бондин Б. Н. 19, на суперобложке —1
Брушко З. К. 47, 49
Гарбузов В. К. 20, 21, 22
Губин Б. М. 34, 60, 62, разворотный —1
Касабеков Б. Б. 24
Колбинцев В. Г. 48
Ковшарь А. Ф. 4, 5, 6, 8, 9, 36, 37, 42, 45
Кубыкин Р. А. 1, 3, 10—13, 15—18, 26—28, 30, 32, 35, 39, 41, 43, 54—56, 61, 63, контртитул —1, шмуцтитул —2, на суперобложке —2, разворотных —3
Машкин В. И. 38, 40
Симаков М. А. разворотный —1
Шаймарданов Р. Т. 50, 51, на суперобложке —1
Шаймарданов Р. Т. и Полканов А. 52
Якушкин В. Т. 23, 25, 27, 29, 44, 46, 53, 57, 58, 59, 64, на суперобложке —6, разворотных —3
Яценко Р. В. 14

Тропинки в загадочный мир

(составитель Элла Алексеевна Бычкова)

Редакторы К. Н. Максимович, Э. А. Бычкова
Художники Б. З. Лучанский, Г. В. Сердюков
Художественный редактор Г. М. Горелов
Технический редактор Л. И. Конькова
Мл. редакторы О. В. Курыгина, Р. Медетбекова
Корректор З. М. Касенова

ИБ № 3350

Сдано в набор 23.02.87. Подписано в печать 15.10.87. УГ 18238. Формат 60X90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Усл. кр.-отт. 75,0. Уч.-изд. л. 21,24. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—50000 экз.). Заказ № 486. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Фотонабор произведён на Фабрике книги, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Отпечатано и переплетено на Полиграфкомбинате производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.